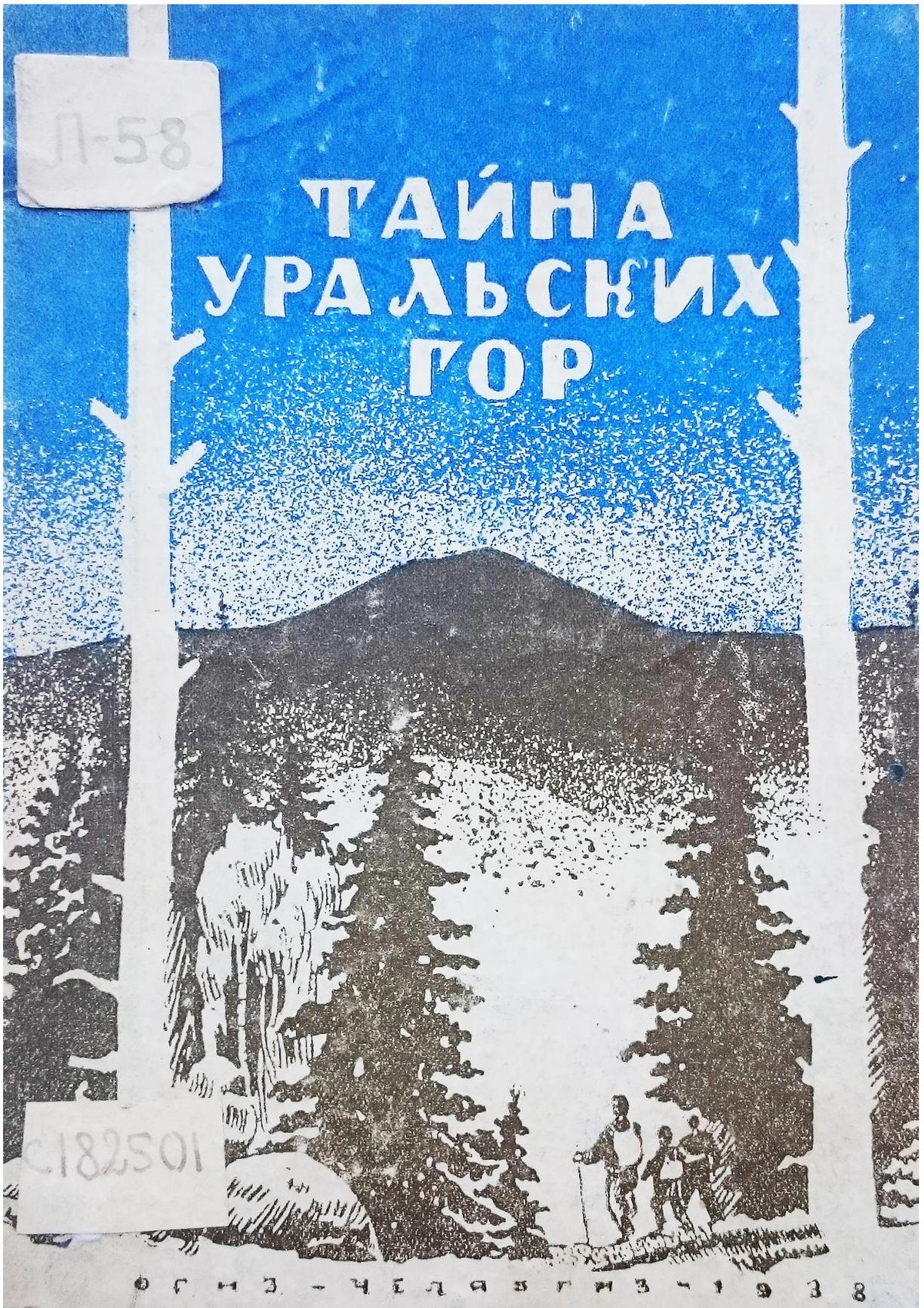

Книга оцифрована и предоставлена для скачивания в рамках некоммерческого, культурно-просветительского проекта:

Данный проект направлен на поддержку писателей-путешественников, распространение знаний об Уральском регионе, предоставление доступа к редким книгам всем интересующимся.

Электронная библиотека проекта: <https://book.exje.ru>

ТАЙНА УРАЛЬСКИХ ГОР

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Составил В.А. Попов

1938

Челябинское областное издательство

Челябинск

Сборник рассказов «Тайны уральских гор» посвящен путешествиям с исследовательской целью: поискам полезных ископаемых южно-уральских недр, изучению пещер с их подземными реками, озерами и т.п. путешествия такого рода неизбежно связаны со многими приключениями и с необычными эпизодами.

Об этих интересных приключениях рассказывает сборник.

ТАЙНА УРАЛЬСКИХ ГОР

Глава I

НА ТАГАНАЕ

**К перевалу. – Изотермы января – Буря. – Ночной крик. –
Замерзший. – Сверток. – В Златоуст.**

Высокие сугробы еще не осевшего снега обманчивы. Лыжи часто проваливаются под колодины, где чавкает вода, – на лыжи настывает грязь с травой и листьями. Горные болота Таганая не промерзают до февраля. Защищенные от ветров стеной таежного леса и толстым покровом снега, они долго сохраняют теплоту. И охотники и крупные звери обходят заболоченные площади, по которым на первый взгляд путь кажется более легким, чем по лесному трущобнику.

Осторожно обходя сугробы и торчащие из-под снега черные корневища валежника, вдоль опушки леса идут два лыжника. Они в коротких полушубках, штанах из овечьих шкур наверх шерстью и валенках.

Идущий впереди щупает землю заостренной палкой. Вот он с силой погрузил палку в снег, и, когда вытащил обратно, на конце ее оказался ком льда.

Опять болото, – сказал идущий впереди. – Обходить будем, Николай Степанович, или пойдем прямо?

Спутник подошел.

– Не знаю, Сергей, – ответил он, – обходить не хочется: дорога по лесу меня основательно измотала. Но выдержит ли корка на болоте?

Сергей посмотрел на внушительную фигуру спутника и снова проткнул снег палкой.

– Должна выдержать... Если будем проваливаться, – снимем часть вещей.

Лыжники пошли по болоту. Верхний слой снега был: рыхлый, и лыжи проваливались глубоко, но корка держала.

Лыжники шли к перевалу Таганая, где была метеорологическая станция. Сергей был заведующим станцией и старшим наблюдателем, а его спутник – Николай Степанович Михайлов – метеоролог. Михайлов шел на станцию ловить изотермы, как он говорил.

Последние три года метеоролог занимался изучением климата Южного Урала. Данные прежних исследователей для некоторых районов были неточны и нуждались в пополнении. Климатическая карта требует производства наблюдений в течение всего года – и в жаркую погоду, когда

июльское солнце накаливает скалы, и в декабрьский сорокаградусный мороз, в который даже птицы не пролетают над скованным морозом лесом.

– Дальше нет хода, – крикнул Сергей, остановившись и показывая палку, на конце которой была корка льда.

Теперь лыжи уже глубоко проваливались в снег, его подтаявшая корка не выдерживала веса людей, да еще нагруженных тяжелыми мешками. Посоветовавшись, путники решили сделать попытку пройти по болоту, оставив часть груза. Сбросив один мешок, Сергей легко пошел по снеговой поляне. Опушка леса была в расстоянии каких-нибудь двухсот метров. В ложбине, в самом низком месте болота, палка показала мертвый слой талой жижи. Провалиться в этом месте – значит рисковать совсем не выбраться на поверхность.

Сергей быстро шел через поляну, за ним осторожно следовал Михайлов. Через пять минут оба благополучно вышли к опушке – болото кончилось.

К месту, где были оставлены мешки, пришлось возвращаться не по старым лыжницам, а целиной. Медленный переход по болоту вызвал задержку не меньше часа. Диск солнца уже спускался за частокол леса.

Михайлов и Сергей, взвалив на плечи мешки, углубились в чащу.

В разных направлениях по пушистому покрову тянулись цепочки звериных следов. Лыжи оставляли за собой широкий темно-синий след. По небу пробегали редкие белые облака с розовыми тонкими краями; они, казалось, спешили на юго-запад, туда, где только что скрылся красный диск солнца. В разрывах облаков кой-где уже начали мигать бледные звезды.

В лесу начало быстро темнеть.

Подъем становился круче. Лес поредел и постепенно стал переходить в кустарник. Местами из-под снега торчали острые глыбы сахаровидного кварцита. Полоса заката из пурпурной и широкой превратилась в сине-розовую узкую ленточку. В разрывах между облаками уже ярче обозначились звезды, а внизу по лесу от болота пополз едва заметный беловатый туман – выморозок.

Кустарник кончился. Сергей и Михайлов вышли к перевалу Тагалая.

Далеко впереди упиралась в темно-синее небо громада Большого Таганая. Справа к скалам примыкала черная полоса леса, и на самом перевале виднелся полузанесенный снегом домик. За широким низким окном горел красноватый огонек, освещающая высокую стену сугроба. Это была метеорологическая станция.

Сверху от нее доносились голоса. В тихом, вечернем воздухе они резко подчеркивали безмолвие гор.

Лыжники пошли быстрее. У перевала потянул ветерок. Сергей резко свистнул. От станции отделился черный ком и покатился вниз по поляне.

Мухтар, ко мне! – крикнул Сергей.

Ком постепенно стал принимать очертание собаки, она часто проваливалась в сугробы и тьякала.

У станции Сергея и Михайлова встретили зимовщики, их было двое.

Мухтар – низкорослая уральская лайка-медвежатница – визжал от восторга, хватал снег и рычал на пришедших. Зимовщики с полудня разгребали снег. Недавно прошла метель и возле станции намело сугробы.

Метеорологическая станция Таганая – одноэтажный небольшой домик с низкими широкими окнами и грибовидной крышей. К станции примыкает просторный дощатый сарай. На открытом возвышенном месте расположена площадка с приборами для наблюдений: на столбах укреплены дождемеры, психрометр¹ и в центре площадки анемометр². Заходя на крыльцо станции, Михайлов взглянул на большой наружный термометр. Фиолетовый столбик спирта опустился до тридцати двух градусов. Ясное небо с точками звезд предсказывало дальнейшее падение температуры. Помещение станции состояло из двух комнат. В меньшей были расставлены по полкам и развешаны на стенах метеорологические приборы и запасные части к ним.

Перед окном стоял небольшой слесарно-плотничий верстак, на котором наблюдатели производили несложный ремонт приборов. Вторая комната, побольше, служила жилищем зимовщиков. Бревенчатые стены изнутри были обиты фанерой, оклеены старыми газетами и черновиками таблиц наблюдений. Пространство между бревнами и фанерой забито хорошо задерживающим тепло мхом. На чердаке устроен склад провизии. Посредине комнаты грузно осела печь, легко способная выдержать нагрузку хорошей пекарни. Возле стен расставлены кровати. Большой стол около окна нагружен всем, что только могло на нем уместиться.

– Включите электричество, – сказал Сергей.

Михайлов с удивлением посмотрел на стены – проводки нигде не было. Он хорошо знал, что осветительную линию для одной станции, за несколько десятков километров, тянуть не будут.

Один из зимовщиков ушел в аппаратную, и через минуту над столом вспыхнула лампочка.

– Автомобильная... на шесть вольт,— пояснил Сергей и, заметив удивление Михайлова, добавил: – Энергию дают аккумуляторы, а зарядку их производим в Златоусте, примерно раз в месяц.

Ужином послужил убитый накануне огромный глухарь; его мясо было нежным и сочным; тонкие кости птицы хрустели на зубах проголодавшихся зимовщиков. Вокруг стола расположились кто как сумел – на табуретках, на ящиках. Яркий глазок лампочки из-под самодельного абажура бросал на стол широкий сноп света.

¹ Психрометр – прибор для измерения относительной влажности воздуха.

² Анемометр – прибор для определения силы ветра.

– Барометр пошел, – сказал Сергею младший наблюдатель.
 – Да, я по дороге заметил, – ответил тот, – будет перемена погоды.
 – Влияние северного циклона? – спросил второй зимовщик.
 – Нет, как раз не циклона, а наоборот – антициклона, – пояснил метеоролог.

Товарищи Сергея были еще новичками, они остались на первую зимовку и не знали климатических особенностей района.

– Циклоны, возникающие у берегов Норвегии или на Ледовитом океане, – заметил Михайлов, – проходят только Пермский район и обычно в южной его части затухают. В районе Южного Урала преобладают среднеазиатские циклоны, особенно развитые в зимний период. Причем ветры характерны своей силой и устойчивостью; иногда вызывают здесь сильные метели.

Ужин прошел в разговорах о климатических особенностях южно-уральских гор.

Таганайский хребет, на одном из перевалов которого находится станция, состоит из трех гор: Большого, Среднего и Малого Таганаев. У подножья Малого Тагана расположен Златоуст. Высшая точка Таганайского хребта носит название Круглой сопки; она имеет отметку 1154 метра. На юге-востоке от Большого Тагана идут Средний и Малый, разделенной небольшой речкой. Южно-уральские горные речки замечательны во многих отношениях: они бурны, маловодны, но очень стремительны в своем течении благодаря значительному уклону местности. Они берут свое начало где-то в ущельях и текут часто в противоположных направлениях. Например, с плоскогорья Малого Тагана стекают две речки: одна (р. Киолим) несет свои воды к Сибирской равнине, а вторая (р. Тесьма) – на юг, впадает в р. Ай.

В тихую ясную погоду с одной из вершин Тагана видны далекие Урал-Тай, Ильменские горы и ряд хребтов западного склона.

Если бы не высокий Ирмельский гребень и Нургуш, то в семидесяти пяти километрах от Тагана, после дождя, когда дым лесных пожаров не туманит даль, можно увидеть великана Южного Урала – красавица Яман-Тау¹, который до июня не снимает своей белой снежной папахи.

Михайлов перечислял одну за другой горы и называл их высоты.

Юрма – 930 м, Уреньга – 1370 м, Ирмель – 1599 м и, наконец, Яман-Тай – 1645 м.

Скучающие зимовщики были рады гостю и забрасывали его вопросами чуть не до полуночи.

На следующий день с утра, как только в долине обозначился лес и растаяли ночные тени, Михайлов принялся за работу. Тридцатиградусный

¹ Яман-Тау – дурная гора.

мороз его не остановил, – наоборот, он давал ему возможность проследить за понижением температуры.

Нагрузив сумку инструментами, метеоролог спустился в долину.

По скованному настом снегу лыжи шли хорошо. До полудня Михайлов успел замерить температуру в шести характерных точках на общем протяжении хода в двадцать километров.

Необходимо пояснить, что Михайлова интересовали вопросы микроклиматологии, то есть той области климатологии, которая занимается изучением особенностей непосредственно прилегающего к земле слоя атмосферы. Горные болота оказывают влияние на микроклимат не только в летний период: Михайлову удалось заметить их влияние даже в наиболее холодные зимние месяцы. Этому вопросу, почти совсем не освещенному, Михайлов уделил много внимания.

Замер температур занял у него целый день. Он до темноты бродил по долинам, забирался на склоны, и только когда обозначились первые звезды, пошел к станции. Следующий день ушел на обработку материалов. По окончании температурных замеров Михайлов перешел к замерам снегового покрова. В новой работе ему помогал Сергей. Площадь выбранного на карте района они разбили на сеть треугольников, сторона каждого из которых равнялась километру. В природе эти треугольники ложились не всегда на ровную поверхность; иногда для измерений приходилось залезать на площадки высоких скал или спускаться в глубокие долины. В треугольниках от вершины к вершине переходили по визирным линиям. Один из наблюдателей, оставшись на месте, давал приблизительное направление. Расстояние измеряли в шагах.

Михайлов дважды попадал в болото, но, наученный опытом, он осторожно пробирался от коряги к коряге и, взяв глубину, быстро уходил в безопасное место.

На четвертый день они перешли на открытую площадь с неглубоким снегом, и работа быстро подвинулась к концу.

Не обращая внимания на сильные морозы, Михайлов и Сергей с утра до позднего вечера пересекали в разных направлениях склоны Таганайских гор. К концу пятидневки Михайлов полностью закончил работу и мог покинуть станцию. Просмотрев последний раз записи наблюдений, он упаковал вещи в мешок и утром решил идти в Златоуст.

Вечером барометр начал нервничать. Столбик термометра поднялся всего на пять градусов. Появились характерные признаки метели.

Решив утром идти в Златоуст, Михайлов пошел еще раз проверить показания приборов. Термометр больше не поднимался. Чашечки анемометра порывы ветра то совсем останавливали, то начинали быстро вращать... Силуэт Большого Тагана скрылся в тумане мельчайшей снежной пыли. По небу торопливо бежали низкие облака с разорванным краями. На склонах вихрились и блестели в лунном свете снежинки – начинал играть поземок.

Приборы не вдали – с математической точностью они предсказывали надвигающуюся метель.

Буран начался с полуночи. Михайлов слышал, как за стеной на разные голоса пел ветер.

Луна ныряла из облака в облако, и квадрат окна вспыхивал, освещая комнату...

Михайлов проснулся ровно в десять, но в комнате было темно: окно было занесено снегом. Дверь в сени открыли с трудом. В снегу пришлось пробивать траншею.

Подождав до полудня, Михайлов попрощался с зимовщиками и, снарядив лыжи, решил, во что бы то ни стало спуститься к Златоусту.

Выйдя из снежной траншеи, он был, однако, тотчас же повален ветром в сугроб. Ветер хлестал порывами и со страшной силой. Острые ледяные кристаллы снега кололи лицо. В рыхлом снегу лыжи тонули и разъезжались в стороны. По колено в снегу, Михайлов попытался сделать несколько шагов. Он наклонился вперед и, закрыв варежкой лицо, старался подняться на сугроб. Ветер выл на разные голоса, метель плясала вокруг человека, и мороз пробирался сквозь полушубок.

После неудачной попытки пройти к лесу, Михайлов вернулся. В течение дня он три раза пытался спуститься с Таганая, но каждый раз буран загонял его на станцию.

Ночью, когда ребята заснули, Михайлов достал из мешка жестяную трубку, открыл ее и вынул план с недавно намеченными изотермами. Наклонившись над листом, он начал тянуть синие жирные линии одинаковых температур.

Спать не хотелось.

Буран не сдавал. Снег сыпал и сыпал, как будто тучи решили сравнять долины с Таганайским хребтом. В эту зиму на редкость суровые морозы наступили рано. Изотерма тридцати градусов капризно обогнула восточный склон Таганая и пошла по крутому подъему. Синяя тушь оставляет извилистый прихотливый след на плане. Сетка изотерм покрывает карту Южного Урала; они огибают гряды гор, пересекают тайгу в разных направлениях, но редко забираются на горы. Изотермы июля навевают приятный холодок, в тихую погоду они дышат жаром или разряжаются грозами и исходят дождем.

Изотермы января несут с собой трескучие морозы, могучие азиатские ветры и бураны.

Михайлов работает, слушая песню ветра и шуршание вьюги за окном. Ветер по прежнему налетает порывам – он точно решил снести станцию и, собравшись с силой, разбегаются и обрушиваются на нее со всей силой.

Около Михайлова сидит Мухтар. Собака широко открыла немигающие глаза и поднимает то одно, то другое ухо...

– Что ты, Мухтар, прислушиваешься? – говорит Михайлов и гладит собаку.

Мухтар привстает, виляет хвостом, но опять садится, наклоняет в сторону голову и настороженно поднимает уши, подходит к двери и, чуть-чуть скуля, начинает скрести лапами порог...

– Ну, изволь, пуцу, – говорит Михайлов. Он открывает дверь и выходит в сени.

Ветер рвет из рук входную дверь. Из мрака ночи на Михайлова летит охапками снег. Не смущаясь метелью, Мухтар тявкает и прыгает с крыльца в объятия бурана.

«Около двадцати пяти», – думает Михайлов, ощутив потепление.

Собака долго не возвращается. Михайлов уходит в комнату. Минуты через три в сенях слышится лай. Михайлов открывает дверь, выпускает Мухтара. Собака, отряхиваясь от снега, начала бегать по комнате и лаять. Она подбежала к печке, встала на задние лапы и потянула зубами полушубок Сергея.

– На место! – крикнул тот, проснувшись. Но собака не унималась, она подбегала к койкам, тявкала на зимовщиков, прыгала около Михайлова и, с разбегу бросившись в дверь, открыла ее и выскочила в сени.

– Вот пришла дурь... – ворчал Михайлов, – пуцу, но в последний раз.

– Вы его плетью, – посоветовал Сергей.

Второй раз собака прыгнула с крыльца в снежный хаос пурги. Михайлов ждал в сенях. Мухтар на этот раз быстро вернулся. С нижней ступеньки крыльца, он махнул прямо в дверь и, вбежав в комнату, протянул морду хозяину. В зубах собаки была зажата потрепанная меховая варежка.

– Что за рвань суешь, брось!

Мухтар бросил варежку и, вернувшись, снова потянул с печи тулуп.

– Кончено, всыплю!.. – решил Сергей, выведенный из терпения поведением собаки. Он откинул тулуп и спрыгнул с печи. Собака вильнула хвостом и радостно залаяла.

– Сейчас, сейчас, – грозил Сергей.

Вид ремня заставил собаку прижаться к полу, она медленно поползла за ящик в свой угол.

Хлопнув дверью, в комнату поспешно вошел Михайлов.

– Сергей, я сейчас слышал чей-то крик, – сказал он.

– Крик... Кому здесь кричать? – удивился Сергей.

– Я отчетливо слышал. Кроме того, обрати внимание на поведение собаки.

Мухтар точно понимал разговор; он поднялся к Сергею и тихо заскулил.

Михайлов, надев полушубок, вышел в сени, за ним проскользнула собака. Ветер выл на разные голоса.

– О... оа! – донесся вдруг до слуха Михайлова человеческий крик...

На этот раз это не было похоже на песню ветра. Мухтар сорвался с места и исчез в сугробах. Беря с бою каждый шаг, Михайлов спустился с крыльца и пошел на крик. При свете вынырнувшей из тучи луны, сквозь мглу метели, шагах в десяти Михайлов успел разглядеть темный предмет и возле него собаку.

Чуть не по пояс в снегу, с трудом вытаскивая то одну, то другую ногу, Михайлов, наконец, подошел к собаке. Мухтар фыркал и раскидывал лапами снег. Лайка была охвачена охотничьим азартом. Но на этот раз она нашла не медведя, а человека...

Михайлов начал вытаскивать человека из сугроба.

Лежащий одной рукой обнял столб, а ноги его провалились глубоко в снег. Человек лежал неподвижно, а ветер делал свое дело, непрерывно засыпая человека снегом.

Михайлов начал вытаскивать человека из сугроба. Когда Михайлов поднял замерзшего, показались концы лыж. Лыжи пришлось отвязать, так как они, зарываясь в снег, только мешали. Лыжи были грубо выстроганы из толстых, колотых досок.

Освободив человека от лыж, Михайлов хотел поставить его на ноги, но тот упал. Его помороженные руки висели плетью, болталась из стороны в сторону голова и волочились по сугробу ноги.

Михайлов несколько раз падал с тяжелой ношей в снег. Пока он возился с замерзшим, у крыльца надуло целую гору снега, и через нее не было возможности перетащить человека.

Оставив замерзшего на снегу, Михайлов пробрался в сени станции.

– Сергей, помоги... там человек! – крикнул он, вбежав в комнату. Сергея, как ветром, сдуло с печи. Не надевая полушубка, он вслед за Михайловым выскочил на крыльцо. Помороженного затащили сперва в сени, а потом в комнату. Ребята, протирая заспанные глаза, с удивлением смотрели на принесенного человека.

Мухтар вильнул хвостом, несколько раз гавкнул и улегся в угол: мое, мол, дело сделано, теперь вы возитесь с ним... Человека положили на пол около порога и стали приводить в чувство, оттирая снегом.

Помороженный, казалось, был безнадежен. Буран отнял почти все тепло его тела, лишенная крови кожа была анемичной. Еще в худшем состоянии были руки. Пальцы правой руки, с которой Мухтар сдернул варежку, побелели и были холодными; левая пострадала, кажется, меньше. И каким-то чудом мороз пощадил лицо, – должно быть, спас сугроб, в который упал несчастный, не дойдя нескольких шагов до станции.

Когда ноги и лицо его порозовели, он тихо застонал.

– Должно быть, шел издалека. Смотрите, – показал Сергей на варежку. – Вся изорвана лыжной палкой. Пройдено не меньше тридцати-сорока километров.

Оттерев незнакомца снегом, его перенесли в аппаратную, где было холодней и, положив на лавку, накрыли двумя тулупами.

– Сам теперь отойдет, – заключил Сергей.

Но больной не приходил в сознание. Через полчаса Михайлов прошел в аппаратную, подошел к незнакомцу и заглянул под тулуп. Керосиновая лампочка освещала серое худое лицо.

«Долго голодал», – подумал Михайлов. Он достал из кармана перочинный нож и поднес никелированное лезвие к губам больного. Блестящая сталь слегка затуманилась.

– Ну как? – подойдя, спросил Сергей.

– Дышит, – ответил Михайлов.

Оба ушли. Дверь в аппаратную оставили открытой.

Прошел час. Решили лечь спать. Михайлов еще раз осмотрел больного. Тот все так же, без движения, лежал на лавке, хотя лицо его больше порозовело и заметней стало дыхание.

Ребята уже храпели. Михайлов погасил электрическую лампочку из аппаратной, где был выключатель, и ушел.

Теперь, только одна керосиновая коптилка, стоящая у изголовья больного, немного разряжала темноту.

Слушая завывание ветра, Михайлов строил различные предположения о причинах странного появления незнакомца. Метеоролог хорошо знал местность в районе Таганайских гор.

На север от станции, сразу же за метеорологической площадкой, шли скалы и через полкилометра кончались тридцатиметровым обрывом. К Златоусту был довольно крутой спуск, а по этому пути, да еще в метель, конечно, добраться до станции никто не мог. С юга протянулся на несколько километров голый хребет, а по обе стороны от него покрытые снегом осыпи приходили в движение даже от сильного ветра. Незнакомец мог подойти к станции только лесом, то есть тем же путем, по которому несколько дней назад пришел он и Сергей. Но ведь они, идя от Златоуста, нарочно сделали небольшой обход, чтобы измерить в некоторых местах мощность снегового покрова, и пошли к станции с другой стороны. Внизу, за лесом по которому они прошли, в долине проходят дороги на Кусинский завод и рудник. Немного в стороне расположены старые углеобжигательные печи. Дальше река Шунга и по ее берегу несколько мелких селений. Но все это находится в расстоянии не меньше тридцати километров. Незнакомец, конечно, вышел еще до бурана. Без крайней необходимости едва ли кто рискнет выйти на открытое место в такую погоду. Путника метель застала в пути. Пока он шел по долинам с подветренной стороны, где таежный лес значительно ослаблял силу ветра, – все, кажется, обстояло благополучно. Но вот он стал подходить к перевалу... Одно осталось непонятным – почему одинокий путник пошел на Таганай? Хорошо еще, что на пути ему попала станция...

Промерзший, наконец, пришел в сознание. Когда к нему подошел Михайлов, он стал делать рукой какие-то знаки беззвучно зашевелил губами. Больной был настолько слаб, что не имел силы говорить. Михайлов следил за его жестами, но ничего не понимал.

Из бессвязного полурасчетливого бормотания больного Михайлову удалось уловить всего несколько фраз.

– Я двое... суток шел... за Большим Таганаем... они лежат Каменке... в пещере трех старцев... Возьми... я не жилец... – и негнуцимися пальцами больной кое-как достал из-за пазухи небольшой сверток и отдал его Михайлову.

Метеоролог машинально взял сверток и, сунув его в карман, тотчас же забыл о нем.

Придя в сознание, больной скоро заснул. Но сон его был беспокойный, с частыми перерывами, в которые он просил пить.

Перед утром стоны в аппаратной прекратились, и на станции на несколько часов все заснуло.

К утру метель отбушевала. Ветер угнал тучи к Ильменским горам. Порозовели далекие вершины, засинели между ними долины. Где-то далеко, стряхнув с себя снег, на опушку леса вышла стройная, тонконогая сайга¹. Она настораживает уши и прислушивается, не завоет ли снова ветер. Но ветер уже стих; он вихрит поземок на Ильменских горах.

¹ Сайга – местное название косули.

Опустив хвосты и приседая на задние лапы, трусят легкой рысцой по трещобнику отощавшие волки.

Ворочает кустарник не засевавший с осени в берлогу медведь, и ведет ровную строчку следов лесная мышь...

После бурана обитатели тайги принимаются за поиски пищи.

– Ох, и красота же! – выйдя на крыльцо, крикнул Сергей. Затапив очаг и поставив на плиту чайник, ребята пошли разгрести снег. Михайлов остался с больным, который теперь был в сознании, но, почти не переставая, тихо стонал. Сквозь стон он повторял по нескольку раз одни и те же слова, должно быть сознавая, что слушатель его не понимает. Из бессвязной речи больного Михайлову все же удалось кое-что разобрать. Он узнал, что человека звали Петром Антиповым, что жил он на Кусинском заводе, но оттуда ушел в Таганайские горы, где и жил до зимы. В горах он работал; но что у него была за работа, Михайлов не понял. Рано наступившие холода застали Антипова врасплох. Запасы провизии уничтожили мыши.

Наступили сильные морозы, и, голодный, в сапогах и коротком полушубке, он был обречен на смерть.

Решение уйти с Таганаев им было принято слишком поздно; оставшиеся несколько сухарей могли поддержать в нем жизнь в течение пяти-шести дней, а сильные морозы сокращали и этот небольшой срок. Короче говоря, последней надеждой Антипова была сравнительно недалеко расположенная метеорологическая станция, куда он и направился за сутки до наступления бурана. Ночью, когда ветер взрывал снежные сугробы, он вышел к перевалу и увидел освещенные окна. Путник побрел к станции, но, не дойдя нескольких шагов до нее, обессиленный, упал.

Антипов сильно поморозился. Ему нужна была помощь врача, без которой могла начаться гангрена.

Ребята, окончив работу на площадке перед станцией, сели завтракать. С помощью Михайлова, Антипов выпил горячего чая и съел несколько кусочков хлеба с маслом.

После завтрака Сергей принялся мастерить из пары лыж санки. Через час подобие нарт было готово.

Широко расставленные полозья придавали санкам устойчивость, поперечины из березы, связанные сыромятными ремнями, – прочность, а фанерная спинка позволяла больному, для которого предназначались эти нарты, занять удобное, полулежачее, положение. Антипова укутали в тулуп и, положив на нарты, привязали его к нартам ремнями. В полдень Михайлов и Сергей покинули станцию и через час вышли на Златоустовский склон. Сергей тащил нарты, на которых мешком лежал Антипов, а Михайлов, идя впереди, прокладывал след.

Спуск к Златоусту имеет массу неожиданных и крутых склонов, и нужно быть хорошим лыжником, чтобы дорогой внезапно не оборваться с двадцатиметровой высоты на каменные осыпи.

Когда по снегу легли длинные синеватые тени деревьев и в морозной дымке потонула громада Таганая, из-за поворота показались первые дома Златоустовского завода. В больнице на вопросы Михайлова доктор отвечал уклончиво и неопределенно:

– Больной долго голодал, и его организм почти не мог сопротивляться морозу... Да, обмороживание конечностей, сильной степени. Хорошо, что вы его привезли ко мне.

– А как руки? – спросил Михайлов.

– Прихвачены основательно.

Поздно вечером Михайлов и Сергей вышли из больницы. Сергей пошел к знакомым отдохнуть, чтобы завтра утром идти на станцию, а Михайлов свернул к гостинице. Ему предстояла охота за изотермами на Ильменских горах.

Глава II

КРАСНЫЙ САМОЦВЕТ

План. – Пылающий самоцвет. – Письмо в Горный институт. – Месторождения корунда. – Куусинский завод. – Предание о трех старцах.

Охоту за изотермами Михайлов в основном закончил, хотя наступившая рано весна не дала возможности произвести наблюдения в районе озера Увильды и во склонам Собачьей горы.

Михайлов рано утром выехал из небольшого рыбацкого колхоза, расположенного на берегу озера Аргази.

Пообедав часа в четыре в сторожке лесника на озере Тургояке, он поздним вечером приехал на станцию железной дороги... и через два часа уже устраивался в вагоне поезда Челябинск – Москва.

Когда поезд замедлил ход и в окнах вагона замелькали огни Златоуста, Михайлов вздохнул с сожалением. Ему не хотелось снежные долины и крутые склоны гор менять на чертежный стол и мелко исписанные листы наблюдений. Обработка материалов – скучное занятие. Изотермы интересны там, в горах, где их направление еще неизвестно, а пойманные термометром и нанесенные на план, они теряют интерес...

Два дня Михайлов бродил по городу, «раскачиваясь» для работы. Полагающимся ему декадным отпуском он не воспользовался, боясь, что потом, когда сотрутся свежие впечатлений, хуже пойдет работа по обработке полевых материалов.

Михайлов имел привычку постоянно записывать свои наблюдения. Так как его записные книжки не могли вместить нескончаемых цифр, то второстепенные мелкие заметки он делал на клочках бумаги и рассовывал их по карманам.

Теперь, приступая к работе, Михайлов занялся осмотром карманов костюма, в котором был в горах.

Он доставал из своих объемистых карманов обрывки бумаги и аккуратно раскладывал их на столе. Последним из этой своеобразной коллекции, он извлек небольшой сверток, по внешнему виду напоминающий футляр полевого термометра. Михайлов вертел в руках незнакомый предмет.

– Откуда это? – спрашивал себя Михайлов. Он разрезал шнурок, которым был обернут сверток, и стал разматывать уже сильно истлевшую материю. Пришлось размотать т меньше полуметра этой материи, прежде чем в руках Михайлова осталась берестяная трубочка заткнутая с одного конца деревянной пробкой.

Береста!.. В воображении Михайлова промелькнули белые покрытые гололедом стволы, лапчатые темные ели, Тагайайский перевал... метель и померзший человек. Ведь это он дал ему сверток.

Михайлов открыл пробку, и из трубки на стол вытряхнул сложенный гармошкой пожелтевший лист бумаги. На одной стороне листа было что-то написано синими чернилами. Строчки почти стерлись, но по их внешнему виду и несколькими сохранившимся словам Михайлов узнал прошение.

«Кусинский завод... 1911 г. Нижайше пр...» – читал Михайлов обрывки фраз.

На оборотной стороне листа Михайлов увидел что-то не похожее на прошение. Опытный глаз метеоролога быстро схватил линии плана. Он разгладил бумагу и начал внимательно рассматривать изображенное химическим карандашом.

Составитель плана был, очевидно, человеком совершенно незнакомым с картографией.

– Уж не Антипов ли это состряпал, – сказал Михайлов, вспомнив фамилию спасенного им человека. Он вспомнил также и слова Антипова о каких-то трех старцах.

Желание узнать о загадочном приключении незнакомца заставило Михайлова заняться расшифровкой плана. Метеоролог, привыкший работать не только с картами, но и со схемами топографов, иногда страшно запутанными, однако, – сразу не мог подобрать ключа к этому плану.

На бумаге не было ни одного правильно изображенного топографического знака, хотя это был план – на нем должны были быть и дороги, и реки, и лес.

Михайлов задумался:

«Во-первых, что это за широкая линия, тянущаяся в меридиональном направлении? Это или река, или дорога. Слева к ней присоединяется двойная линия, не такая жирная, но более извилистая. Их пересекает еще одна линия. Вот – это дорога, а те, должно быть, речки или ручьи. Но ниже изображено что-то не увязывающееся с этими ручьями».

«Может быть, это – детали, отдельные участки ракета, – думает Михайлов, – или просто составитель ввел какие-то условные обозначения».

На плане имелись надписи. Большинство слов стерлось, некоторые были недописаны или заменены рисунками.

– Ерунда, не стоит тратить время, – встав из-за стола, сказал Михайлов.

План Антипова и берестяная трубочка полетели в корзинку.

На пол что-то упало.

– Что еще тут, – уже недовольным тоном заворчал Михайлов, подняв с пола завернутый в свинцовую бумагу предмет, величиной с горошину.

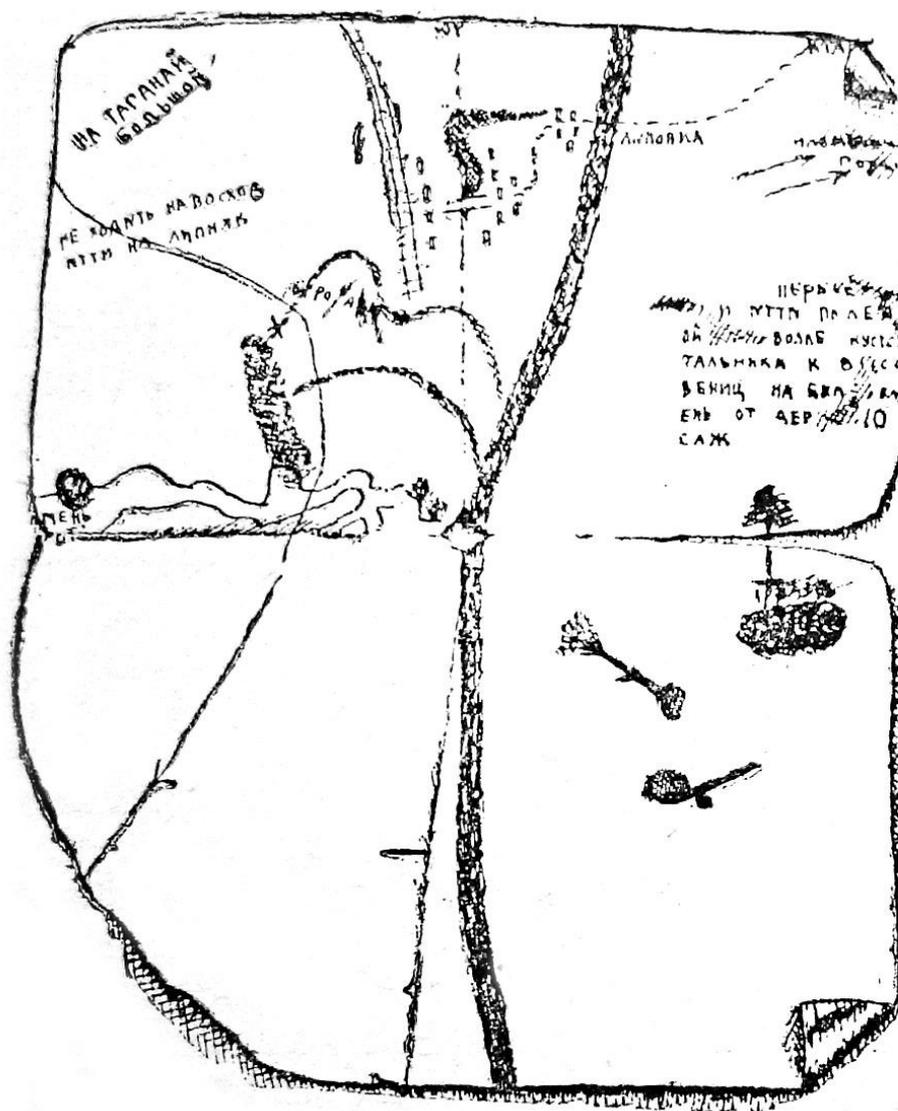
Когда Михайлов развернул бумагу, яркий красный огонек блеснул в его руке. Метеоролог от неожиданности остолбенел. Перед ним был рубин. Самоцвет превращал падающий на него свет в кроваво-красные искры и бросал их в разные стороны. Рубин, пылая, горел, сверкал благородным огнем.

Михайлов не был знатоком драгоценных камней, но кое-что в них понимал. Во время метеорологических наблюдений он иногда посещал разработки самоцветов, и там ему показывали редкие образцы изумрудов.

Судя по чистоте и размерам, этот рубин имел огромную ценность.

«Несколько тысяч», – подумал Михайлов, смотря на сверкающий камень.

«В пещере трех старцев... там они лежат... возьми, я не жилец...» – вспомнил Михайлов слова Антипова. Он извлек из корзины измятый план и возобновил его расшифровку.

Красный самоцвет лежал на столе рядом с планом. Он служил наглядным доказательством важности изображенного на бумаге. Хотя и

медленно, но все же Михайлов расшифровывал стертые временем изображения.

Он определил, что жирная меридиональная линия – это река Миасс. На плане был изображен ее участок между Таганаями и Ильменскими горами. Надписи на правой и левой сторонах плана подтвердили это. На севере была обозначена гора Юрма, о чем говорила буква „ю" и полустертое «р». К югу от Ильменских гор расположено озеро Аргази. У правой порванной кромки листа с трудом можно было прочесть буквы: «ар... аз...» – несомненно, это было Аргази.

Имея такие исходные пункты, как Таганай, Юрму, Ильменские горы и озеро Аргази, можно было лишь приблизительно определить местоположение участка, где находилось месторождение рубинов, или, точнее, корунда.

Михайлов был теперь убежден, что перед ним не бессмысленные каракули, а важный документ. По собственному опыту он знал, что в лесах Урала не всегда удастся найти замеченное раньше место, поэтому охотники и разведчики-старатели, не умеющие разбираться в планах, делают очень примитивные схемы, которые служат им дополнением к сохранившимся в памяти приметам.

Для расшифровки деталей Михайлов разбил весь план на отдельные участки.

После внимательного изучения каждой детали он записал:

1. Установлена река Миасс, а следовательно, две соединяющиеся с ней линии – ручьи или речки.

Необходимо точно установить: ручьи это или речки. Михайлов вспомнил, как Антипов пытался назвать место, откуда он пришел; он сказал: – Каменка, – Можно предположить, что это и есть название одной из речек.

Крестиком на плане показано, конечно, месторождение – так люди, не уговариваясь, почти всегда отмечают главное.

Но речка, на которой поставлен крестик, не Каменка, она имеет другое название. Это название почти стерто, с трудом можно было разобрать буквы: «ро...ащ...я».

2. Путь к месторождению показан линией от Таганайских гор, а пометка: «не ходить на восход», должно быть, сделана на разветвлении дорог. «Идти на липняк» – уточняет направление по одной из дорог.

3. Точного положения месторождения на плане нет. Не несколько полустертых строк у правой стороны листа есть не что иное, как объяснение последнего этапа пути. Вот что там можно было прочесть:

*...пересе
и идти поле
ой возле кусто
тальяника к высо
веннице на б*

ень от дер 10

саж

и дальше уже сознательно зашифровано. Или, может быть, составитель плана считал лучше сделать пояснение рисунком.

Первую часть не трудно было расшифровать следующим образом:

пересе(чь) (что-то)

и идти поле(в)

ой (речке?) возле кусто(в)

тальника к высо(кой) (лист)

веннице на б(елый) (кам)

ень от дер(ева) 10

саж(ен)

а дальше следовал непонятный рисунок.

Прямая линия со стрелкой между круглым предметом и изображением, похожим на куст, означала расстояние, и оно, конечно, равно 10 сажням, как и сказано в пояснении. Но что означает этот круглый предмет?

Михайлов еще раз прочел расшифрованные строки.

– Ну, ясно!.. не может быть другого толкования! – воскликнул он. – На белый камень от дерева... Круглый предмет – белый камень, а куст – изображение лиственницы в плане. А дальше... Это дерево... Ах, чудак этот Антипов! Конечно, он не имел компаса и заменил его деревом, крона которого пышнее развита с южной стороны, а стрелка проведена от стороны, где крона развита беднее. Значит, белый камень расположен на север от лиственницы.

Главное было разгадано, оставалось выяснить, каким путем Антипов попадал к речкам.

«Липова...Липова.. – повторял Михайлов, заметив это слово в верхнем углу плана. – Да это – Липовая гора! Пунктирная линия – путь от какого-то селения... На плане квадратами изображены избы по обе стороны. Есть! По обе стороны Кусинского пруда. Стрелка «к таг» означает: от Кусинского завода нужно идти к Таганаю, а дальше все понятно».

Утомленный, но довольный, Михайлов только под утро окончил расшифровку плана.

Он установил, что к месторождению имеет какое-то отношение изображенная на плане пещера «Трех старцев».

«Она чем-то характерна для района месторождения», – подумал Михайлов. Неизвестным осталось только название второй речки.

Просмотрев записи, Михайлов в дополнение к схеме Антипова составил свою. Тайна рубина оживила скучную работу по обработке полевых материалов.

В свободное время Михайлов стал читать книги по минералогии. Эта наука раньше казалась ему скучной. Профессоров-минералогов, всегда окруженных пыльными обломками камней, он считал маньяками. Но когда он открыл книгу академика Ферсмана: «Самоцветы России», то он не мог оторваться от нее, пока не прочитал ее до последней страницы. Прекрасный знаток мертвой природы, Ферсман сумел оживить камень, он вдохнул в него жизнь. Запылал рубин, загорелся зеленым огнем изумруд, встала очаровательной легендой судьба священного камня нефрита. Под пером академика ожили древние восточные сказки о драгоценных камнях.

О рубине Михайлов прочитал у Ферсмана следующее: «Красным камнем не богата русская природа, – говорит он. – В 1824 году был открыт на Урале первый, некрасивый корунд; находка невзрачного камня в россыпях Березовки была правильно определена известным знатоком камней Саймоновым, назвавшим этот камень – корунд, сапфир, рубин. Прошло почти сто лет со времен пророчества профессора минералогии Соколова, но найти на Урале настоящий красный самоцвет не удавалось русскому человеку, и только полярная Сибирь подарила нас красно-бурыми и красными сердоликами... Но искристого, настоящего красного камня мы по сих пор не знаем у нас».

Прочитав это заключение, Михайлов достал антиповский рубин и подумал:

«Вот он – искристый, красный камень, настоящий и найденный на Урале. Может быть, там, возле притоков Миасса в отрогах Ильменских гор, находится первое, еще не известное минералогам месторождение этого драгоценного камня».

О рубине Михайлову мог подробно рассказать составитель плана, но про Антипова в больнице, куда зашел метеоролог, ему сказали, что больной через три недели поправился и немедленно оставил больницу...

Потеряв надежду встретиться с Антиповым, Михайлов не переставал думать о его плане и месторождении рубинов.

Немногочисленная литература о самоцветах подтверждала возможность нахождения рубинов на Южном Урале. Но заключение академика Ферсмана оставалось в силе: «еще никто на Урале не находил чистого рубина большого веса, несмотря на то, что корундовые месторождения Урала очень многочисленны. Отдельные находки рубинов и сапфиров – большая редкость».

«После находки в 1858 году в Корниловой логу крупного сапфира начались систематические разведки по реке Шиловке (недалеко от Мурзинки), но удалось найти в галечнике только четыре крошечных рубина и один сапфир. Кусочек сапфира, найденный в 1858 году, был огранен и представлен Александру II, как особая ценность... Вот, пожалуй, и все».

На отмелях рек крестьяне часто находили небольшие гальки, окрашенные в разные цвета. Среди обломков кварца, полевого шпата и граната попадались корунды самых разнообразных оттенков: синие, синевато-красные, фиолетовые, а иногда красные и даже сине-черные. Но цвет их был не чистый и вес редко превышал половину карата. Очень редко находили рубины в 2 – 21 карата.

Таков Средний Урал.

На Южном Урале месторождения корундов, главным образом рассыпные, приурочены к реке Каменке золотоносного Кочкарского района. Гальки корунда чаще неправильной формы с почти не сохранившимися кристаллическими гранями. Цвет этих небольших камешков не привлекает внешне своей чистотой и яркостью: преобладают цвета серый, желтовато-синий, с мутными оттенками.

В 1915 году было найдено коренное месторождение корунда. Так же как и камни Северной Каролины, рубин здесь залегал вместе с хромовой слюдой, но он оказался трещиноватым.

В Кыштымском районе также не мало корундовых месторождений.

Перелистывая страницы книг по нерудным ископаемым, Михайлов надеялся разыскать описания хоть одного месторождения драгоценного корунда – рубина, яркого и пылающего.

«...Найденный академиком Карпинским в 1871 году на Собачьей горе...»

У Михайлова екнуло сердце. Он знал Собачью гору, как свою квартиру.

Но... «обломок корундовой породы оказался занесенным туда с другого месторождения...»

В 1916 – 1917 гг. геолог Клер на Южном Урале обнаружил громадные запасы чистого корунда... «По чистоте материала и запасам, – прочел Михайлов, – можно вполне рассчитывать на присутствие большой ценности рубинов. Но на следующей странице было написано: «Эти месторождения заслуживают самого большого практического внимания. На материале этих месторождений предполагалось построить... фабрику наждачных кругов... а сортов органичных здесь не встречалось...»

Ильменские горы, знаменитые по разнообразию найденных в них минералов, также пока еще крепко хранят тайну самоцвета.

Но академик Ферсман не отрицает возможности нахождения месторождений рубинов... Особенно в контактах с известняками. И невольно по этому поводу приходится вспомнить слова Соколова: «отчаиваться в этом могут только те, которые уверены, что климат имеет влияние на образование камней и металлов, и что изящные из них могут существовать только под палящим солнцем экватора», – пишет он.

Убедившись в возможности нахождения рубинов на Южном Урале, Михайлов принялся за изучение образования корундовых месторождений.

Среди минералов корунд выделяется своей, только немного уступающей алмазу, твердостью. По химическому составу корунд представляет собою чистую, кристаллическую окись глинозема.

Цвет корунда очень разнообразен: встречаются кристаллы серого, синего, красного, розового, желтого, бурого, зеленого, фиолетового и других цветов. Окраска корунда зависит от примеси в нем окислов титана и других элементов. В периоды великих земных изменений, когда древние моря расступались, когда морщиная земная кора в гигантские складки – горы, – в глубине ее бушевала огненно-жидкая магма, часть которой вырывалась на поверхность, расплавляя и поглощая верхние слои земной коры – осадочные породы, содержащие в себе глинозем.

Когда пресыщенная этими породами магма постепенно охлаждалась, то избыточный глинозем под большим давлением в ней кристаллизовался часто в виде корундовых масс. Но корунд в месторождениях этого типа не образует больших скоплений, и поэтому они промышленного интереса не имеют.

Та же магма, поднявшись из земных глубин и устремившись в разломы земной коры, часто встречала на своем пути известняковые породы. Когда между раскаленной магмой и этими породами происходил контакт, то под влиянием высокой температуры и давления находящийся в известняках глинозем перекристаллизовывался в корунд. На контактах гранитов с известняками и в кристаллических известняках, близких к этим контактам, могут встретиться красные и синие корунды – рубины и сапфиры.

Вот почему «на берегу бурного Пянджа, в известковой скале Кух-илал, далеко на юг от русских владений, находятся старинные рубиновые копи... В темных и низких ходах добывался красный камень... и верноподданные сыны афганского эмира, ломая твердые известняки и доломиты, выбирали из них рубины...»

Много ночей Михайлов просидел над минералогией, петрографией¹ и описаниями корундовых месторождений. Большинство книг было написано специальным языком. Перед глазами Михайлова мелькали химические формулы, фотографии шлифов², даты открытий месторождений и находок самоцветов.

...Греция, Египет, Индия, Афганистан, Южная Африка... Урал, Северная Сибирь представлялись ему в синих цветах сапфира, василькового, кианита, в зеленом сиянии изумрудов и дерзком кровавом глазе рубина.

...Авантюрину гиацинт, Лабрадор, лунный камень, солнечный камень, сфен, турмалин, хризоберилл... – вот цветы мертвой природы,

¹ Петрография – наука, изучающая минеральный состав горных пород, условия их залегания и историю их происхождения.

² Шлиф – препарат для микроскопического исследования металлов и минералов.

рожденные в недрах земли тысячелетия, а может быть, и миллионы лет назад.

Много наделала дел берестяная трубочка Антипова: метеоролог превращался в страстного любителя-минералога. Из массы прочитанных страниц Михайлов составлял себе конспект, а по нему представление о корундовых месторождениях Южного Урала.

Участок, изображенный на плане, был где-то около Ильменских гор, в долине реки Миасса.

... А в нерудных ископаемых было ясно написано: «...в долине р. Миасса залегают кварциты, кварцитовые сланцы и известняки...»

Известняки!.. Михайлов кой-что понял в сложном процессе образования корундовых месторождений. Он знал, что на контакте магмы с известняками могут быть рубины. Но какие породы у пещеры «Трех старцев»? К какому типу отнести месторождение, отмеченное крестиком, – этого Михайлов не знал.

Находясь под влиянием прочитанных книг, он написал письмо в Свердловский горный институт.

Михайлов, подробно рассказав историю с неизвестным месторождением, однако, забыл написать о главном. Он ни словом не обмолвился о рубине, лежащем в его кармане... В письме Михайлов просил кафедру минералогии института снарядить экспедицию для поисков месторождения рубинов, в которой он охотно принял бы участие.

Если бы Михайлов смог прочитать свое письмо через неделю, когда оно было уже в Свердловске, он бы заметил, что обилие восклицательных знаков и отступлений едва ли подействует на руководителей кафедры и те будут настаивать перед директором на снаряжении экспедиции. Через полмесяца из Горного института пришел ответ:

Уважаемый т. Михайлов!

Получив Ваше странное письмо, мы, однако, показали его профессору, за что, конечно, и получили головомойку. Профессор не дочитал Вашего письма до конца и сказал, что он еще в детстве читал что-то подобное у Ж. Верна или Э. По, но там было написано гораздо лучше. Кроме того, он, зная Вас как метеоролога, высказал предположение, что письмо сочинил и дослал какой-нибудь шутник, подписав Вашу фамилию.

Ассистент кафедры Петров.

Прочитав ответ, Михайлов вспомнил, что не написал ни слова о рубине – главном доказательстве существования неизвестного месторождения.

На следующий день Михайлов опустил в почтовый ящик небольшой синий конверт. На этот раз он сухо и коротко изложил свою

просьбу об экспедиции, а в доказательство реальности существования месторождения написал о рубине.

Ответ на второе письмо пришел быстрее, чем ожидал Михайлов. Первая строка ответа заставила его нахмуриться. Ответ был таким, какого не ожидал метеоролог:

Дорогой т. Михайлов!

Ваше второе письмо мы, конечно, не показали профессору, еще подумает, что мы, вместо подготовки к зачетам, занимаемся «открытием месторождений». Мы сожалеем, что не имеем возможности взглянуть на Ваш «рубин». Для исследования «нового» месторождения нет необходимости, посылать экспедицию. Вам, наверное, известно, что некоторые наши славные геологи, не прибегая к помощи, открыли и дали авторитетные описания некоторых месторождений, правда, им посчастливилось меньше Вашего, но тем лучше для Вас. Счастливый путь к новым открытиям. Студенты будут рады присоединить к фамилиям исследователей и Вашу. Не забудьте в экспедицию взять томик Э. По, он Вам более нужен, чем лучшая петрография.

Веселый студент.

Дальнейшее обращение за помощью в Горный институт было бесполезным. Первое письмо все испортило, и теперь уж было поздно исправлять ошибку.

Городские организации Златоуста ничем не могли помочь Михайлову – ему нужны были геологи, а их-то и не было.

«А почему бы мне не воспользоваться советом «веселого студента» и не отправиться на поиски месторождения одному», – подумал Михайлов. Он взвесил все обстоятельства «за» и «против»...

Разыскать участок он может, пожалуй, лучше геолога, в этом отношении его специальность охотника за изотермами поможет ему ориентироваться в лесу.

Кроме того, он кой-что усвоил из прочитанного материала и сможет разобраться в горных пародах. Но он не геологоразведчик: у него нет «нюха», свойственного этим охотникам за камнями.

Говорят, что геологи видят сквозь землю, а он даже не может сразу отличить известняка от кварца. Может случиться, что онг будет бродить по лесу возле самого месторождения и его не обнаружит.

Михайлов долго колебался. Посмотрев на рубин, он решил отправиться, на поиски месторождения, но, заглянув в полевую геологию, раздумывал, затем снова решал и опять раздумывал.

Из затруднения его неожиданно вывели изотермы. Как ни странно, но эти линии помогли ему принять окончательное решение отправиться летом в долину реки Миасса к Ильменским горам на поиски рубинов.

Обрабатывая синоптическую¹ карту склонов Ильменских гор, Михайлов обнаружил незначительные аномалии² в направлении июльских изотерм. Тщательная проверка наблюдений показала, что эти аномалии могут быть порождены только двумя причинами: первая – это ошибка в наблюдениях и вторая изменения климатических условий.

Как в том, так и в другом случае желательна проверка, то есть производство повторных наблюдений. Отклонение изотерм было настолько незначительным, что не будь самоцвета, Михайлов не был бы так придирчив к таблицам температурных замеров. Район аномалий был недалеко от реки Миасса, и поэтому проверка направления изотерм могла быть совмещена с поисками месторождения.

Итак, изотермы помогли. Михайлов был в восторге. Решение взяться за геологоразведочное дело теперь оправдывалось необходимостью...

В мае новый «минералог» начал готовиться к отъезду, в горы.

Для пополнения сведений о месторождении он решил заехать на Кусинский завод, где должны были знать Антипова.

В первых числах июня Михайлов приехал на Кусинский завод и, поселившись в запрудной стороне, начал расспрашивать стариков о пещере «Трех старцев».

Настойчивые расспросы, однако, не давали результатов. На Кусинском заводе никто не занимался добычей самоцветов. Ни о старцах, ни о пещере они тоже не имели никаких сведений.

Как-то в жаркий тихий день, возвращаясь с рыбалки, на перекрестке дорог Михайлов встретил телегу. Уставшие лошади еле шли. На передке телеги сидел крестьянин лет сорока пяти. Михайлов попросил подвезти его до завода. Тот охотно согласился.

Крестьянин, по фамилии Ковригин, оказался весьма разговорчивым.

Когда Ковригин на минуту умолкал, Михайлов задавал ему вопросы, и его собеседник легко менял тему. Он про-странно рассказывал о том далёком времени, когда на берегу речки Кусы бежавшие из России раскольники поставили два десятка хижин и начали обрабатывать землю.

– А вы откуда и по каким делам приехали к нам? – неожиданно, прервав рассказ, спросил Ковригин.

– Я в Кусу заехал по пути, – ответил Михайлов. – Меня интересует одно дело, – и Михайлов рассказал, что разыскивает на заводе людей, знающих месторождения самоцветов.

– Вот оно что, самоцветы! – протянул Ковригин. – Об этом знали только старцы из староверов, но они в большой тайне держали это дело. Был у нас тут один мужик, Антипов, вот тот знал.

¹ Синоптическая карта – географическая карта, на которой особыми значками и линиями изображаются атмосферное давление, температура силы ветра, облачность, осадки и пр.

² Аномалия – отклонение от нормы.

От последних слов Ковригина Михайлова даже подбросило на телеге, хотя дорога была ровной.

– А где теперь живет Антипов? – спросил Михайлов.

– С Антиповым приключилась такая история... Можно сказать, что сгубила его жадность. Вдвоем с женой жили, а завели трех коров, почти что стадо овец, лошадей. Молока сам не пил и жене не давал, мяса оба ни ни – вроде у них как бы вечно великий пост был. Двум своим многосемейным братьям Антипов не то чтобы помочь, он их и к дому не подпускал. С заводскими приказчиками Антипов водил тесную компанию – он им угощенья ставил, а они ему подрядец на поставку материалов, на вырубку лесной делянки... Не забывал Антипов и хлебопашества. На правой стороне Кусы, где хорошая пахотная земля, он открутил себе порядочные участки. Работали у него бедные крестьяне с запрудной стороны и собственные работники.

Не проглядел Антипов и зеленого липняка – шестьдесят колодин, да около сорока рамочных ульев приспособил он за обжигательными печами на склоне Липовой горы...

Ковригин подробно рассказывал о большом хозяйстве Антипова. К семнадцатому году это хозяйство уже не походило на крестьянское, а больше – на предприятие мелкого заводчика.

– Антипов имел какие-то дела с заводским начальством, – продолжал Ковригин. – Он хотел ставить свою плотину ниже заводской, на горе – ветряк, но революция спутала все его планы. В голодные годы все знали, что он где-то прячет хлеб, но найти не могли. Присмиривший было кулак с двадцать четвертого года опять взялся за свои прежние дела, но его раскулачили и сослали. С тех пор и не слышно про него.

Лошади пылили уже по заводской односторонке, и Ковригину не приходилось их понукать.

– А началось у Антипова все это из-за того дела, которое когда-то мутило наших мужиков, – заключил Ковригин свой рассказ.

– Какое дело? – спросил Михайлов.

– Есть за Таганаями никому не известная копь самоцветов, про которую знал Антипов и через эту самую копь нажил свое богатство, а потом мытарства.

Вечером Ковригин рассказал Михайлову предания о трех старцах.

Еще до постройки Кусинского завода, то есть во второй половине восемнадцатого века, дремучая тайга Южного Урала приютила в своих лесах много бежавших из Центральной России раскольников. Большинство из них селилось по берегам горных речек и постепенно обзаводилось хозяйством. Некоторые уходили в непроходимые лесные дебри и там «спасались». Где-то за Таганаями поселялись три кусинских старца, но никто не знал наверное, где именно.

Однажды кусинский охотник Хорек ушел в горы. Он решил перемахнуть Таганай и на противоположной его склоне разведать новые места для охоты.

Склоны Таганая оказались богатыми дичью, и Хорек, подстрелив пару птиц, изжарил их, плотно поел и завалился спать. Проснулся он на следующее утро, и ему страшно захотелось пить. Хорек плохо знал местность, и ему пришлось долго искать воду. Лето было жаркое, многие ручьи пересохли, а в низинах болотные лужи кишели водяными блохами. Местность на восток понижалась, и охотник решил идти по звериной тропе, которая должна была привести к речке.

В низине, где раньше протекала речка, оказались редкие лужицы, густо заселенные водяными блохами, и белый мелкий песок. Русло пересохшей репки было очень извилисто, один берег сильно изглодан водой. В некоторых местах белая порода берега превратилась в осыпи и обнажила глубокие сводчатые ниши. Хорек знал, что должна быть где-нибудь поблизости еще «парная» речка. Горные речки часто, встретив на пути массивы пород, делятся и, обогнув возвышенность с обеих сторон, сходятся в одно русло; иногда же они, разделившись, отходят одна от другой и уже не сливаются вместе.

Хорек забрался по осыпи на крутой берег и поднялся на невысокую скалу. За скалой местность круто уходила вниз и сквозь листву липняка виднелась голубоватая поверхность воды.

Хорек не ошибся – за деревьями была «парная» речка.

Солнце поднялось над лесом, но его лучи едва пробирались сквозь чашу береговых зарослей.

Измученный жаждой охотник, сминая кустарник, побежал к берегу. Но у самого обрыва к реке кустарник был настолько густ, что ему пришлось снять сумку с ружьем, остановить их в кустах и заняться поисками удобного спуска к воде.

Метров через двадцать тальник кончился, и река сделав крутой поворот, вышла на большую поляну.

Хорек пересек поляну и, подойдя к берегу, прыгнул вниз. Но не успели его ноги коснуться песка, как раздался крик и перед ним вырос высокий бородатый старик. От ног старика к воде покатила тальниковая плетенка из которой сыпались разноцветные гальки.

Хорек оробел, он хотел бежать, но было уже поздно Старик протянул руку и схватил охотника за плечо.

– Откуда взялся?

– С берега прыгнул, напиться... – заикаясь, ответил Хорек. Старик отпустил охотника и, отойдя, громко свистнул.

Из-за высокого белого камня, лежавшего посредине реки, вышел второй старик, такой же бородатый и страшный. Хорек осмотрелся. Он заметил откатившуюся к воде плетенку и СИНИЙ небольшой мешочек на

том месте, где стоял первый старик. Недалеко стояло измятое ведро с водой и валялась лопата с короткой рукоятью.

Видавший виды Хорек сразу определил, чем занимался старик.

«Самоцветы моют», – подумал он. А потом быстрая, как молния, мысль мелькнула у него в голове: «Старцы... батюшки, да это они и есть». Кусинцы думали, что святые отцы просто не хотят, чтобы нарушали их покой, но теперь оказалось другое. Отшельники нашли месторождение самоцветов – вот причина их отчуждения.

«Убьют...» – подумал Хорек.

– Ты откуда, сынок? – спросил старик.

– Я с Кусинского завода. А вы как живете, отцы? – в свою очередь спросил Хорек, стараясь не смотреть на плетенку с гальками.

– Трудимся в поте лица, – неохотно ответил старик, а потом, посмотрев на синий мешок, добавил: – На пригорке святой крест соорудили, так украсу к нему из камешков хотим сделать. А ты кто?

– Охотник.

– Где же у тебя ружье?

– Потерял, – соврал Хорек.

– Ох, лукав ты, сыне...

Старики перемигнулись... И вдруг сильный удар по голове затуманил сознание Хорька, он зашатался и упал в речку.

Около берега было мелко, и Хорек не мог утонуть. Вода освежила его, и он быстро пришел в себя.

Несколько минут охотник лежал без движения и сквозь полуоткрытые веки смотрел на стариков. Вода попала ему в уши, и поэтому он не слышал, о чем говорили старцы; но по их жестам можно было догадаться, что они о чем-то спорят.

Воспользовавшись этим, Хорек уперся ногами в песок. Старики перестали спорить. Один из них нагнулся и поднял тяжелый угловатый камень.

Медлить было нельзя. Хорек вскочил и кинулся в сторону. Старик взмахнул рукой, но камень пролетел мимо. Охотник, так неожиданно оказавшись на положении дичи, бросился бежать в лес так быстро, что старцы не могли его догнать. Он убежал от речки версты на четыре, затаился в густом малиннике и просидел в нем до вечера. Когда посинело небо и от опушки легли черные тени, Хорек вышел из малинника.

И вдруг сильный удар по голове затуманил сознание Хорька.

Хорек не был трусом; он осторожно обошел опушку, спустился обратно к реке и долго ползал по прибрежным кустам, пока, наконец, не нашел ружье и сумку.

Быстро темнело. От речки потянуло сыростью. Хорек раздвинул кусты и стал внимательно смотреть.

Стариков не было. Возле переката лежала опрокинутая плетенка.

Над водой поднялся легкий туман. Противоположный берег потемнел и, казалось, отступил дальше в лес. Контуры окружающих предметов стерлись, и только высокий белый камень ясно выделялся в вечернем полумраке.

Хорек старательно приметил место: изгиб реки, две большие осыпи, белый камень; вылез из кустарника и снова скрылся в лесу.

В Кусу Хорек пришел на следующий день к ночи. Голодный и усталый, он побежал к знакомым рассказать о своей необычайной встрече.

Через неделю пятеро охотников под предводительством Хорька отправились к Ильменским горам. Четыре дня бродили они по тайге, но

не обнаружили никаких признаков человеческого жилья. На речке у белого камня только одни осыпи выдавали недавнее присутствие человека. По прежнему журчала вода на перекате, а кусты и травы, примятые Хорьком, выпрямились. За белым камнем, у крутого поворота речки, начиналась непроходимая тайга. Заболоченная местность тянулась на много верст.

Охотники побывали в самых диких местах. В болоте они встретили тучи комаров, целые кладбища полусгнившего леса, но ни одной свежей порубки, никаких следов человека.

На пятый день, уставшие и злые, охотники вернулись в поселок.

После неудачной попытки разыскать старцев, как Хорек ни божился, ему не удалось организовать поиски вторично. О приключении Хорька постепенно забыли. Но вот на следующее лето в июле в лесу около Кусы поймали человека. Его подозревали в краже, но в берестяной трубочке у него нашли самоцветы. Пока разбирали дело, спорили да шумели, пойманный с самоцветами человек убежал.

Ряд других фактор: появление у хозяина завода крупных драгоценных камней, таинственные встречи его со старцами – убедили, наконец, кусинцев в правдивости рассказанного Хорьком приключения.

Лет через восемь старцы перестали появляться на Кусе – может быть, они умерли или решили совсем не показываться людям. О трех старцах постепенно совсем забыли. Один только Антипов знал правду о копиях.

Михайлов теперь был уверен, что отшельники добыли рубины, – он узнал больше, чем рассчитывал.

К рассказу Ковригина он отнесся с доверием. Описание места, где произошла встреча Хорька с отшельниками, совпадало с планом Антипова.

Теперь Михайлову в Кусинском заводе нечего было больше делать, и он собрался уезжать.

Рано утром, еще на рассвете, Михайлов и Ковригин оставили за поворотом дороги завод. Михайлов торопил провожающего его Ковригина. Около полудня они проехали мимо титано-магнетитового рудника и свернули влево.

Покрытый туманом Таганай постепенно прояснялся, его голая вершина высоко поднималась над окружающей местностью.

Ночевали у самого подножия Таганая, у крутого подъема, где кончалась дорога.

Утром, попрощавшись с Ковригиным, Михайлов пошел с своей собакой-овчаркой Нероном к перевалу.

Глава III

В ЛЕСУ

Антипов. – К Таганайскому перевалу. – Ловушка. – По восточному склону. – Известняковые «замки». – Странное поведение собаки. – Лесной пожар. – Спасательная скала. – Гроза.

В оборванном, похudevшем бродяге кусинцы не сразу узнали Антипова. Появился он на заводе внезапно, вскоре после ухода Михайлова.

Бывший кулак очень изменился. От прежней его самоуверенности не осталось и следа. Целые дни он где-то бродил и только к ночи появлялся в поселке. Огородами он, как вор, пробирался к знакомым и шептался с ними – выпрашивал о метеорологе.

Старики были любителями поговорить и сочиняли про Михайлова разные небылицы. Они ввали про большую экспедицию, которую будто бы снарядил Михайлов. Говорили, будто метеоролог имеет такие инструменты, которыми можно сразу отыскать любое месторождение самоцветов.

Когда заводская милиция узнала о возвращении Антипова, тот уже покинул завод.

Во время сильной грозы и ливня, темной июльской ночью он ушел вверх по Кусе.

* * *

Мы остановили Михайлова у подножья Таганайских гор, где с ним расстался Ковригин.

...Пройдя около полукилометра по сравнительно хорошей тропе, Михайлов вышел на небольшую полянку, покрытую высокой травой. Такие поляны довольно часто попадаются среди лесной чащи по склонам гор – они представляют собой высохшие болота с толстым слоем плодородного грунта на дне. На полянах в изобилии растет малинник, но местные жители иногда его уничтожают и устраивают покосы.

Накошенное летом сено не вывозится до зимы. И только когда снеговой покров достигнет значительной мощности, сено увозят по тропам на особых санках, имеющие широкие, лыжные полозья.

Михайлов прошел поляну, но на другой ее стороне тропы уже не было. Кончилась последняя пешеходная дорога. Раньше Михайлов рассчитывал: пользуясь тропой подняться до Круглой сопки Большого Таганая и, обойти ее по границе распространения леса, перейти на восточный склон.

Теперь, встретив абсолютное бездорожье, он решил изменить маршрут.

Михайлову оставался один путь – по старой тропе спуститься вниз до первого ее разделения, свернуть на север и обойти Круглую сопку значительно ниже. В этом случае, при достижении перевала, Большой Таганай остается на юге и местность начнет подниматься к Среднему Таганая.

В обход до перевала было приблизительно около двадцати километров, и Михайлов мог рассчитывать дойти до него только к вечеру.

Спустившись от поляны по тропе, Михайлов заметил что-то похожее на дорогу, которая шла как раз в нужном для него направлении. При внимательном изучении, дорога оказалась руслом пересохшего ручья.

Не имея другого выбора, Михайлов свернул с тропы и углубился в чащу по руслу ручья. Не успел он пройти и пяти шагов, как окружающий его лес резко изменился. По обе стороны русла он поднимался хмурым неприветливым массивом. Кругом были тишина и полумрак. Часто бурелом перекрывал ручей. С образовавшейся естественной крыши спускались бледно-зеленные плети хмеля и лесных вьюнов. Стройные стволы хвощей как будто нарочно были воткнуты в полусгнившую древесину. С берегов ручья протягивались лапчатые, невероятно широкие листья папоротников. Над руслом в густом переплете сомкнулись девственные южноуральские джунгли.

Будь Михайлов новичком, он не решился бы продолжать путь по такому дикому лесу.

В сером полумраке не слышно было пение птиц, но птицы были; они иногда почти из-под ног стремительно шарахались в сторону и исчезали в буреломе. Где-то высоко, по освещенным солнцем вершинам лиственниц, перепархивал ветерок, и его шум едва доносился до слуха. В лесу было тихо.

Михайлова не пугала тишина, – наоборот, он был доволен: «дорога» пока шла в нужном направлении и не особенно виляла, берега ручья поднялись довольно высоко, образовав как бы коридор. Мелкий галечник был плотным. Под «крышей» можно было идти не наклоняясь, что особенно было удобно Михайлову, нагруженному тяжелым мешком.

В некоторых местах ручей промыл себе настолько глубокую траншею, что берега поднимались выше человеческого роста. Откосы русла покрывал сплошной дерновый слой, разорванный только в некоторых местах. При внимательном осмотре оказалось, что дерно свободно свешивается с берега и доходит почти до низа откоса. Боковые породы и дно русла состоят частично из сланцев, но, главным образом, из известняков, полуразрушенных и потому подвергающихся размыву.

Во время таяния снега, а также после ливней, русло ручья наполняется водой. Благодаря большому уклону поток, при сравнительной маловодности, обладает большой энергией, чем и объясняется наличие

глубокой траншеи. Исследуя русло ручья, Михайлов обратил внимание на сильно размытые стенки его, где известняк походил на источенный водой весенний лед.

Впереди, метрах в тридцати, ручей делился на два русла, одно из которых резко поворачивало на восток, второе шло по прежнему в северном направлении.

Выбрав северный ручей, Михайлов скоро убедился в ненадежности дороги. По руслу пошли частые перепады, острые известковые камни поднимались на высоту до двух метров и костры бурелома преграждали путь. Несколько попыток перебраться через бурелом заставили Михайлова вернуться обратно и пойти по ручью в восточном направлении.

После полукилометра сносной дороги ручей исчез, и его заменила извилистая звериная тропа.

Выигранное раньше на хорошей дороге время теперь Михайлов тратил, обходя поваленные бурей огромные деревья. Он попал в такую глушь, что, кажется, и звери избегали ее посещать.

Деревья боролись здесь за обладание светом – этим редким гостем густой тайги. Хилые, но высокие березы опирались своими слабыми стволами на ветви елей; рябины переплелись с липами, а жимолость и черемушник, казалось, росли от одного корня.

Тропа тянулась едва заметной цепочкой, часто теряясь в кучах валежника и густом мхе.

Михайлову надоело вилять из стороны в сторону, и он решил идти прямо, руководствуясь компасом и уклоном местности.

Тропа только создавала видимость некоторого облегчения пути; на самом же деле приходилось часто перелезать через кучи гнилого валежника и скользить по известняковым осыпям. Как и предполагал Михайлов, идти без тропы оказалось не трудней, даже наоборот легче: теперь, имея свободу в выборе направления, можно было держаться известняковых обнажений.

Михайлов переходил от скалы к скале, карабкался по осыпям; но это было легче, чем перелезать через бурелом. Иногда ему попадались прикрытые растительностью ямы.

Михайлов прошел уже километров семь. Лес немного поредел и уступил место густым кустарниковым зарослям. Идти стало значительно легче, бурелом исчез, а кустарник можно было не обходить. Справа, в просветах между деревьями, иногда мелькал силуэт Круглой сопки.

Михайлов зашел в кустарник и вдруг почувствовал под ногами пустоту.

Он хотел отступить, но было уже поздно. Кусты, как от сильного ветра, низко наклонились, и Михайлов вместе с ними полетел вниз, в темное пространство. Кусты падали вслед за ним; они обрушили массу еле державшейся породы, и грохот обвала наполнил яму.

Несколько мгновений Михайлов летел по воздуху, потом ноги его стали скользить по чему-то сыпучему, и падение несколько замедлилось. Михайлов, скользнув по склону осыпи, остановился, по пояс погруженный в рыхлый навал дерновника и мелкой щебенки. Посмотрев в верх, он увидел на высоте пяти-шести метров полосу света; она падала на белую известковую стену ямы. Михайлов понял, что попал в большую карстовую воронку.

Михайлов полетел вниз

Карстовые провалы имеют различные объемы и формы: от небольших конусообразных углублений и до огромных в несколько ярусов пещер. Часто провал земной поверхности образует воронку, стенки которой из вертикальных в верхней части сходятся на конус в нижней. Воронки бывают глухими, – когда в результате провала почвы перекрывается первоначальный подземный канал, и переходящими в пещеры, – когда этот канал остался незасыпанным обвалившейся породой.

В последнем случае воронки почти никогда не выпускают попавшего в них зверя, да и человек из такой воронки выберется не всегда.

Михайлов был знаком с деятельностью подземных вод. Около Уфы он видел десятки провалов и знал, насколько опасно проваливаться в карстовую воронку.

Электрический фонарик был в мешке, и как только Михайлов сделал движение, чтобы сбросить мешок с плеч, щебенка посыпалась, производя звук, характерный при падении в пустоту.

«Ниже еще провал», – подумал Михайлов и почувствовал, как холодок пробежал по спине.

Нужно было зажечь спичку и насколько возможно осмотреться.

Однако желтоватого небольшого пламени спички оказалось недостаточно. Только в момент вспышки удалось рассмотреть вертикальную белую стену и осыпь, уходящую в темноту.

Стараясь не производить резких движений, Михайлов достал из кармана тужурки компас, завернутый в восковку. Из восковки он свернул жгут и зажег его. Бумага загорелась и сильно задымила, но света было, достаточно, чтобы успеть осмотреться.

Предположение Михайлова о существовании провала оказалось верным. Осыпь, в которой он завяз, покрыла незначительную часть конуса воронки. Противоположная стена известняка метра на полтора ниже уступа, на котором лежала щебенка, обрывалась над темным отверстием, стен и дна которого не было видно. Над провалом лежало полусгнившее, покрытое мхом, дерево. Вершина его упиралась в известняковую стену, а корневище было засыпано щебенкой. Только благодаря этому дереву, Михайлов и задержался на выступе. Жгут догорел, и Михайлов опять остался в темноте.

Нужно было придумать, что предпринять сначала для того, чтобы более надежно основаться на выступе, а потом и выбраться из воронки.

Как бы достать свечу? О фонарике нечего было и думать – он лежал на самом дне мешка. Свеча же была в кармашке мешка, и если запрокинуться назад, то рукой можно было достать кармашек.

Достав, наконец, свечу, Михайлов зажег ее и укрепил справа от себя на выступе известняковой стены.

Свеча горела достаточно ярко, и Михайлов мог осмотреть внутренность воронки. На уровне уступа она имела диаметр около двух метров, причем кверху немного суживалась. Дерево, лежавшее поперек провала, было хорошо расклинено. Когда Михайлов стал вылезать из осыпи, он с ужасом обнаружил, что под ним никакого естественного уступа нет. Уступ был создан корневищем дерева. Ниже воронка не сужалась. Значит, он стоял на дереве, а дерево висело над провалом, глубиной, может быть, в несколько десятков метров.

Известны карстовые провалы до ста и больше метров, но Михайлову достаточно было провалиться еще на пять метров, чтобы потерять всякую надежду выбраться на дневную поверхность.

Ждать было нечего. Свеча могла еще прогореть не больше часа – и Михайлов начал сбрасывать с корневища щебенку. Камни лавиной падали в темный провал с сильным грохотом. Сбросив всю щебенку, Михайлов обнажил корневище. Оно опиралось на небольшую площадку и было сильно зажато.

«Теперь надежно, – подумал Михайлов. – До поверхности пять, а может быть и шесть метров. По стенам выбраться нечего и думать – они отвесны. Остается одно: укрепить где-нибудь на поверхности конец веревки и по ней подняться». Веревка у него была, но как конец ее укрепить на поверхности? Это решилось бы просто, если бы на верху был человек. Но Михайлов был один, – если не считать Нерона, оставшегося наверху, – кругом на расстоянии тридцати километров нет даже селений.

При свете свечи Михайлову было плохо видно устье воронки, и он, чтобы лучше его рассмотреть, погасил свечку. Когда его глаза привыкли к темноте, он стал постепенно различать нависший над кромкой воронки кустарник, потом плети какого-то растения, мох и... Да, он не ошибся! Поперек устья лежал ствол толстого дерева. Этот ствол – последняя надежда попавшего в ловушку метеоролога!

Михайлов быстро зажег свечу, достал из мешка веревку и, привязав к концу ее камень, стал забрасывать его, стараясь перекинуть через ствол дерева.

Нерон теперь уже не лаял, он тихо скулил и, просунув голову между валежником, смотрел вниз.

Когда брошенный Михайловым камень ложился на кромку устья воронки, собака хватала его и, подержав немного, выпускала его изо рта. Камень падал обратно.

– Взять! – кричал Михайлов, и собака хватала камень.

– Пошел, пошел! – кричал метеоролог. – Нерон пошел! Взять не бросай камень. Да ползи же ты, бестолковая собака, к дереву. Ах ты!..

Камень летел обратно.

Собака, конечно, не была бестолковой, но догадаться, что камень нужно унести за ствол и бросить обратно в воронку, она не могла. Рассчитывать можно было только на случайность. А эта случайность едва ли представится.

Заплывший огарок свечи стал мигать, и светлый круг сузился.

Несколько повторных попыток заставить Нерона пере-нести камень через ствол также не привели ни к чему.

Выполняя противоречивые приказания хозяина, собака начала нервничать и брать камень с неохотой – она не понимала, чего от нее хотят. Михайлов ласковым голосом разговаривал с собакой. Та, наклонив в сторону голову, заглядывала в темный провал воронки и тихо визжала.

Когда огарок свечи погас, Нерон, не видя больше хозяина, громко залаял и, низко припав к земле, передними лапами стал разбрасывать валежник.

– Нерон, я здесь, не волнуйся! – воскликнул пленник воронки.

Потеряв всякую надежду заставить собаку отнести камень за дерево, Михайлов решил испытать последнее средство. Оно состояло в следующем. Если бросить камень на противоположную кромку воронки, а потом заставить Нерона взять камень, то собака должна будет обойти воронку. Когда камень будет у Нерона в зубах, его надо будет послать на место, не разрешая бросать камень. На прежнее место собака возвратится обойдя воронку либо со стороны, где лежало дерево, либо с противоположно стороны. В первом случае Михайлов был бы спасен; во втором – пришлось бы все повторять снова до тех пор, пока у собаки хватит терпения выполнять приказы хозяина.

– На место! – крикнул Михайлов и бросил камень, который удачно упал на кромку борта воронки. – Теперь взять!

Голова собаки скрылась. Сверху полетел мусор. Нерон обошел воронку и лег против камня.

– Взять!

Собака схватила камень и села.

– Держать, держать!.. – Михайлов легонько дергал веревку. Нерон упирался и не выпускал камня.

– Держи, Нерон, держи. А ну... на место!

Нерон выпустил камень.

– Взять! – опять раздалась команда. Собака гавкнула схватила камень.

– Держать! Пошел на место!

Веревка натянулась, но... Нерон пошел не в ту сторону...

Собака села. Он потянул веревку, и Нерон пополз обратно.

– Так, так. Хорошо! – подбадривал Михайлов собаку. Та ползла дальше. Вот уже веревка заскользила по коре дерева. Еще немного... но собака подползла слишком близко к краю обрыва, и сверху полетели камешки.

– Брось! Назад! – крикнул Михайлов. Камень упал в воронку.

Первая неудача не смутила Михайлова. Подвергать собаку опасности он боялся. Правда, она ползла очень осторожно. Но кто может ручаться за крепость выветрившихся известняков.

Забросив камень во второй раз, Михайлов начал всю операцию сначала. Умная овчарка хорошо понимала опасность своего положения. Она взяла камень, отползла немного назад, так что над обрывом были видны только одни ее уши и, осторожно ощупывая передними лапами валежник, пошла в сторону дерева. Нужное направление она выбрала, конечно, совершенно случайно.

– Держать, держать! – отчетливо приказывал Михайлов, держа веревку в натянутом состоянии.

Нерон стал обходить дерево.

– Сидеть! – крикнул Михайлов. – Держать!

Нерон сел, не выпуская изо рта камень. Михайлов стал понемногу ослаблять веревку. Теперь она была перекинута через ствол дерева.

– Нерон, брось!.. Брось!.. – тихо сказал Михайлов. Собака, не понимая в чем дело, вытянула голову и стала смотреть вниз. Михайлов легонько подергал за веревку, но собака не разжимала челюсти. – Брось! Ты мне провалишь вес! Ну, Нероша, брось!

Новое осложнение: Нерон не выполняет приказ. Да и не удивительно. Он десятки раз брал камень, потом бросал его, снова брал – и в конце концов запутался.

Внезапно Михайлов вспомнил.

– Голос! – крикнул он собаке.

Услышав новую команду, Нерон разжал челюсти и залаял. Камень упал в воронку. Михайлов поймал его на лету. Послушная собака громко гавкала, а Михайлов привязывал к одному концу веревки мешок. Желая проверить надежность опоры, он потянул веревку. Вниз полетела лавина щебенки и валежника, но дерево не сдавало.

...Когда голова Михайлова показалась над краем воронки, Нерон схватил хозяина за плечо и потянул. Сильная собака очень кстати помогла Михайлову забраться на дерево, с которого он уже легко перескочил на почву подальше от края воронки.

Пока Михайлов доставал мешок и отвязывал веревку, Нерон вертелся около него, не зная, как выразить свою радость.

Придя в себя от перенесенных потрясений, Михайлов почувствовал сильный голод. Было четыре часа, а он не ел с восьми утра.

Отдохнув и подкрепившись едой, человек и собака пошли снова в северном направлении. Теперь идти было легко. Валежник уже не преграждал путь, а осыпи, покрытые мхом, не резали обувь.

Нерон бежал впереди. Движения собаки сковывала тяжелая сумка, укрепленная у ней на спине.

Михайлов торопился. В оставшиеся до наступления темноты часы нужно было дойти до перевала и успеть сделать приготовления к ночлегу.

Высокий силуэт Круглой сопки постепенно отступал назад. Впереди, из начинающей розоветь вечерней мглы, выступала громада Среднего Таганая. Вечер наступал быстро.

Оставшийся внизу лес посинел, и в его массе потонули очертания отдельных деревьев. Сахарные головы кварцита ярко выделялись на фоне покрытых мхом откосов. До перевала осталось не больше шести километров.

Иногда Михайлову приходилось проходить возле отвесных утесов с громоздившимися на их вершинах глыбами пород в несколько тонн весом.

При взгляде на выветрившиеся вершины казалось, что эти глыбы находятся в неустойчивом равновесии и легко могут рухнуть вниз. На сама же деле на них мог, не опасаясь произвести обвал залезть человек.

В половине десятого показалась седловина перевала. Она представляла собой довольно широкий естественный проход между двумя складами.

Солнце уже коснулось вершин деревьев. Вечерняя мгла, которой были покрыты горы Южного Урала, позволяла смотреть на огромный красный диск. Было заметно на-глаз, как он опускался в чашу леса. Внизу долина горела в пурпуре заката. По скалам медленно ползли тени, синеватые и мягко очередные.

Большой Таганай скрылся из вида, но на востоке можно было рассмотреть несколько меридионально направленных невысоких горных гряд. Их кварцевые вершины, как гребни волн, выделились среди вечернего полумрака.

На горизонте розовело пятно, похожее на легкое облачко. Так бы подумал неопытный наблюдатель, но Михайлов знал – это был хребет Ильменских гор.

Между ними и перевалом, где-то внизу, в долине, может быть, скрытые густыми зарослями, по перекатам, бежали два притока Миасса. Они хранили тайну красного самоцвета, и к ним стремился Михайлов.

Увлечшись осмотром местности, Михайлов не заметил, как скрылось солнце, и яркие блики на кладах потухли.

Пользуясь последними минутами уходящего вечера, Михайлов быстро пошел вперед, чтобы до наступления ночи достигнуть лесной зоны.

Когда перевал остался позади, сразу стало темней. Из долины поднимались токи нагретого за день воздуха.

Но вот, наконец, и опушка леса. В лесу стояла уже такая темнота, что нельзя было отличить колодины от камня. Михайлов стал спотыкаться и вынужден был достать фонарик.

Тайга ночью очень своеобразна.

В лесу еще не наступила тишина. Миллионы летающих, бегающих, ползающих живых существ не умолкают сразу, погружаясь в сон. Засыпает на ветке птичка, убаюкивая себя тихим посвистыванием. Издает отрывистый писк, похожий на щелканье ножниц, полосатый зверек бурундук, скрываясь в норе. Где-нибудь на остывающем камне свернулась в кольцо медянка, стараясь сохранить живительное тепло. По гнилушке ползет огромный жук-стригун. Его хитиновые лапы издают тихие звуки.

Лесная жизнь постепенно замирает.

Между ветвями зажигаются первые звезды.

– До воды бы нам дойти, Нерон, – обращается к собаке Михайлов. – Ты мастер искать.

Ага, знакомое слово! Нерон сильно втягивает воздух, прижимает уши и бежит вперед, разыскивая воду. Скоро в тишине леса раздаются булькающие звуки.

– Нашел таки! Сиди на месте, я сейчас подойду, – крикнул Михайлов и зажег фонарь. Он прошел шагов двадцать и увидел Нерона, с морды его капала вода.

Собрать валежник и развести огонь даже в темноте – дело нескольких минут, если под рукою имеется сухая береста для растопки.

– Ну, повесим чайник и займемся ужином, – сказал Михайлов, усаживаясь удобнее у костра.

Нерон уже сидел около мешка и обильно пускал слюни.

– Чтобы ночью ты не видел страшных снов, не следует перегружать желудок, – обратился Михайлов к собаке, бросив ей несколько сухарей и кусок сушеной конины.

Нерон в три минуты разгрыз сухари, проглотил мясо и, вильнув хвостом, убежал в кусты. Что такое попрошайничество – он не знал.

Нерон не был охотником, но чутье его было не хуже, чем у премированного пойнтера. Какое разнообразие запахов! Нерон нырнул в кустах и нюхал воздух.

Вот потянуло чем-то приятным. Нерон вспомнил: этот запах издавала серая курица, на которую он наткнулся сегодня днем. Где теперь Затаилась эта курица – не найти. Острые сучья колют бока, а влажные испарения мешают разыскать источник запаха.

А это что за запах? Это другое. Ноздри собаки начинает щекотать, и ей хочется чихнуть. Острый и неприятный запах раздражает слизистые оболочки. Нерон поворачивает назад голову. Между деревьями видно пламя костра и густой дым.

Побродив по лесу, Нерон вернулся к костру; но Михайлова там не было. Уши собаки поднялись, спина вытянулась и она прыгнула в темноту, а через минуту послышался голос Михайлова.

– Вот дурной, да я с тобой в прятки играть и не собираюсь. Просто мне нужен мох для постели. Отстань!

Тихо шипели сырые сучья валежника, на углях в вспыхивали звездочки и серый налет пепла уже стал покрывать костер. Михайлов стал засыпать. Вдруг совсем рядом раздался звук стригущих ножниц, и на березовой гнилушке появился изящный полосатый зверек, похожий на белку.

– На месте! – шепнул Михайлов.

Поднявшийся было Нерон присел к земле. Любопытный зверек, несколько не смущаясь светом костра и видом огромного черного пса, сидел на стволе и тер лапой мордочку.

– Пошел! – крикнул Михайлов и бросил в бурундука сучком.

Зверек скрылся. Нерон по инерции перемахнул березовую гнилушку.

– Ну, довольно, теперь спать. Лежи! – крикнул Михайлов на собаку.

Нерон покорно улегся. Минут десять он полежал, потом посмотрел на заснувшего хозяина, неслышно поднялся и ушел в темноту...

Через несколько минут он вернулся, и положил к самому лицу хозяина свою добычу – пойманную зверька.

– Вот спасибо! Зачем мне это дохлый бурундук? Нечего сказать – удружил, – сказал Михайлов, проснувшись рано утром, и, встав, бросил бурундука в кусты.

Для выбора направления при спуске в долину метеоролог залез на высокую скалу кварцита.

Только в утренние часы просторы Южного Урала доступны для наблюдений. Низкое солнце создает благоприятное освещение, а не поднявшиеся еще испарения не застилают мглой горизонт.

Это утро было очень удачным. Силуэты Таганаев были резко очерчены. Восточный их склон, освещенный солнцем, не скрывал даже такую мелкую деталь, как кустарник по берегам ручьев. Отчетливо были видны параллельные просеки, поросшие березняком, не прикрытые растительностью сланцевые и известняковые россыпи и поляны, желто-розовые от цветов.

В мало знакомой местности, при полном отсутствии не только геодезических знаков, но даже и каких-либо примет, трудно ориентироваться. Михайлов, опытный в блужданиях по тайге, составил себе маршрут. Он наметил несколько характерных пунктов. Хорошо заметные россыпи, отдельные высокие деревья и поляны будут служить опорными точками маршрута. Расстояние можно определить на-глаз и по числу вырубков. Конечный пункт маршрута ярко-зеленая кайма кустарников, обступивших берега речки. Еще с перевала Михайлов заметил перемену в характере растительности западного и восточного склонов. Раньше он поднимался по угрюмой тайге, окруженной полумраком и тишиной, а теперь все чаще и чаще попадались веселые лужайки. Эти лужайки были прекрасными островками среди, все же, мрачного лесного окружения.

Лужайки были покрыты высокой травой, среди которой синел аконит, мелькали золотисто-желтые шапки зверобоя, берега ручейков обрамляли купальницы и голубенькие глазки незабудок, розовые цветы сибирского лука были вплетены в ярко-зеленый ковер, а кольца царских кудрей еще издали привлекали внимание.

Поляны кишели множеством пчел, шмелей, сотнями бабочек и небольших птичек. Целый день здесь слышалось пение птиц, треск кузнечиков и жужжание шмелей.

Михайлов не мог не задержаться на несколько минут в этих благоухающих и цветущих лужайках. На каждой поляне его внимание привлекало что-нибудь новое и оригинальное. Вот кружится над цветами синяя «игла», – насекомое, похожее на стрекозу, только значительно меньше ее. Трепещет прозрачными крылышками над желтыми головками

зверобоя, а малиновка пулей проносится мимо нее и садится на ветку черемухи, охотясь за ней.

Вот на высоте полуметра от муравейника бойко бегают по разорванной сетке тонких нитей паук.

Паук не похож на домашних безобидных сереньких паучков – у него жирное тело и сильная с огромными челюстями голова. Глаза его выпуклые и блестящие, а длинные ноги, с крючками на концах, мохнаты. На его спинке светло-серый крест.

Паук чем-то взволнован. Он несколько раз пытается убежать, но почему-то возвращается обратно.

Присмотревшись внимательнее, Михайлов догадывается, в чем дело: искусный охотник теперь сам попал в плен. Его неумолимые враги – муравьи – отрезали ему все пути к отступлению. Где бы паук не пробовал спуститься на землю, везде его ждали сотни муравьев.

Должно быть, осада длилась давно. Муравьи терпеливы, а паук уже изголодался. Он пробовал раскачиваться, рассчитывая зацепиться за что-нибудь, но поблизости кусты были заняты предусмотрительными муравьями.

Наконец, упал в траву. Его немедленно облепили муравьи. Крестовик обрызгал ядом, рвал челюстями. Но муравьи наседали. Они разорвали нежную кожу на брюшке паука, выпустили ему кишки. Умертвив паука, они поволокли его к муравейнику. Надо только удивляться громадной силе и организованности этих маленьких созданий.

Незаметно солнце начало принимать красноватый оттенок. Михайлов обратив внимание на это явление, но не придавал ему значение. Нерон же усиленно нюхал воздух и часто чихал.

— Будь здоров! – смеялся над ним Михайлов. Однако он ощутил во рту горечь и заметил белый туман, наполнивший долину.

Дымом это быть не могло, так как при наличии его чувствуется запах гари. Скорей всего это испарения, хотя влага обычно сгущается к вечеру, когда температура, понижаясь, конденсирует воду в капельки тумана. Белый, как молоко, туман шел по дну долины, а воздух стал наполняться мглой. Тусклый диск солнца едва был виден, и лучи его приобрели желтоватую окраску.

Нерон не бежал впереди, а шел рядом, низко опустив голову и поджав хвост.

Михайлов прошел мимо отвесных стен высокого «замка» и, выйдя на поляну, наконец, понял, откуда взялась мгла: по поляне медленно полз зеленовато-белый дым.

«Подземный лесной пожар! – решил Михайлов. – Горят торф и корни кустарников».

Но вот он услышал характерный треск. Сквозь дым еще можно было рассмотреть в чаще леса красные звездочки, они то вспыхивали, то гасли. Шел верховой пожар – самый страшный. Этот пожар еще называют

повальным, и, действительно, там, где он пройдет, остаются только груды пепла да редкие обгорелые стволы лесных великанов.

Впереди был хвойный лес, и потому огонь приближался быстро. Треск усиливался и только из-за дыма не видно было пламени.

Не теряя времени, Михайлову надо было спуститься ниже и липняком обойти район пожара.

Спуск по склону был крутым, и Михайлов, хватаясь за кустарники и ветви деревьев, стал скользить вниз. В липняке не было дыма. Михайлов остановился, чтобы передохнуть и выбрать направление. Нерон убежал вперед, но вернулся быстро, поджав хвост и непрерывно фыркая. Михайлов побежал не захваченным огнем липняком, но метров через полтора ста липняк выклинился, окруженный стеной горящего ельника.

– Назад! – крикнул Михайлов. Он знал, что вниз спускаться было бесполезно. Липы выросли на вырубке, а за ними – хвойный лес, теперь уже наверное охваченный пожаром.

Ну да, так и есть. Над вершинами лип виден дым – это в долине горит лес. Одно спасение – обратной дорогой бежать, пока хватит сил, до какой-нибудь речки и в воде переждать пожар.

– Нерон, Нерон!.. – кричал Михайлов, чтобы не потерять собаку, и бежал по откосу.

Тяжелая сумка и мешок очень стесняли движения Михайлова, но дым и треск горящих деревьев гнали его вперед. Михайлов несколько раз падал, запинаясь за скрытые в дыму пни. Но вот дым стал реже.

«Неужели прорвался?» – подумал Михайлов.

Да, нечего сказать – прорвался! Липняк кончился. Впереди был смолистый горный лес. Между соснами – горы сухого валежника. Стволы, ветви и кустарники объаты пламенем. Здесь верховой и подземный пожары соединились в один свистящий вихрь. Благодаря большой разности температур поднялся сильный ветер. Он уносил дым вверх, но поддавал жаром, как из каменки.

Михайлов оказался внутри кольца, горящая периферия которого сужалась. Последним начнет гореть липняк, но в нем можно задохнуться от едкого густого дыма.

Стало нестерпимо жарко. Температура поднялась, наверное градусов до пятидесяти. Несчастная собака ползала у ствола березы, но кругом не осталось ни одного уголка, где бы температура была хоть на десять градусов ниже.

Увидев, как пламя налетело на белую голову известняка, Михайлов крикнул:

– Нерон, за мной! – и побежал обратно в липняк.

Повинуясь приказу хозяина, собака кинулась за ним.

Михайлов бежал к известняковому замку. Там, среди высоких скал и глубоких трещин, найдет он спасение. Полоса, не охваченная пожаром, была настолько узкой, что пламя с обеих сторон было уже видно.

«Только бы успеть», – подумал Михайлов. Если бросать сумку и мешок, то это значит остаться без пищи, и тогда надо немедленно возвращаться в Кусу.

Выбиваясь из сил, Михайлов старался взять последний подъем.

Спасительные скалы были уже близко. Михайлов подбежал к известняковой стене и стал искать места для подъема.

К „замку“ со всех сторон подступал огонь. Михайлов уже почти не помнил, как ему удалось рассмотреть широкую трещину и по кустам малины взобраться вверх.

Но нужно было карабкаться еще выше, туда, где удалось бы спрятаться от дыма. «Замок» был достаточно обширным. Михайлов залез на самую его вершину и сбросил мешок и сумку. Только теперь, спасшись от опасности, Михайлов пришел в себя и вспомнил о Нероне.

Слушая вой пламени, он уловил собачий лай. Лай доносился из-под обрыва.

Тогда Михайлов подполз к самой кромке скалы и увидел внизу, у подножия стены, бегавшую по не затронутому еще пожаром участку собаку.

– Нерон! – что есть силы крикнул Михайлов. Собака заметила хозяина. Она стала кидаться на известняковую стену, но каждый раз падала обратно. Стена была высотой около пятнадцати метров.

Нерон оставил попытки взобраться к хозяину и, подняв высоко голову, жалобно завыл.

Михайлов вспомнил, как Нерон там, в лесу, полз с концом веревки в зубах по кромке воронки...

– Нерон, сейчас! – крикнул он и, рискуя упасть со скалы, бросился к месту, где лежал мешок. Спасение за спасение!

В известняковой стене было множество выступов, за один из них Михайлов привязал конец, веревки. Вниз полетела щебенка, мох, кусты малины, и Михайлов, скользнув по веревке, спрыгнул к Нерону. Собака начала радостно лаять и бросаться на хозяина.

– Теперь не время. Дай лапы, – торопил Михайлов, продевая веревку под грудь собаки. Нерон словно понял замысел Михайлова и сидел смирно, провожая взглядом своего спасителя, поднимавшегося по скале обратно.

– А ну, ко мне! – крикнул Михайлов, как только вылез на площадку.

Он протянул веревку, и Нерон прыгнул вверх. На отвесных участках откоса приходилось собаку тащить. Веревка до боли врезалась ей в тело, а языки пламени старались ее лизнуть.

Нерон не переставал визжать и только, втащенный на вверх, в прохладной трещине у ног Михайлова немного успокоился.

У откоса собаку приходилось тащить.

Человек и собака затаились в трещине, припав к выступу известняка. Не меньше двух часов «замок» выдерживал огненный штурм, и только спалив близко к нему расположенную растительность, пламя и дым отступили в долину.

Михайлов выглянул из трещины. Огненное море теперь разлилось по юго-восточному склону. Сочная растительность долины упорно сопротивлялась огню, на что указывал обильный дым. Его густые завесы поднимались высоко в небо и, встретив холодное течение, распространялись в горизонтальном направлении.

С вершины скалы Михайлов теперь видел район липняка, сильно пострадавший от пожара. Видел, как пожар, отступая на север, не прекращался, а скорее наоборот, – переходил в мощную огненную реку. Она медленно разливалась, поглощая вырубку за вырубкой и протекая в таежные заросли.

Солнце начало проясняться, хотя дым не рассеивался. В атмосфере творилось что-то странное. Наблюдательный крестьянин предсказал бы грозу; но Михайлов, забыв о высоких белых облачках, этих предвестниках перемены погоды, о грозе и не подумал.

И вдруг внезапно раздался сильный удар грома, и серую мглу прорезала стрела молнии.

Михайлов поразился, хотя в наступления грозы не было ничего странного. Ее начало ускорил лесной пожар. С охваченной пламенем

обширной площади испарилось большое количество воды, которая вместе с частицами дыма поднялась теплым течением воздуха на большую высоту и там сконденсировалась.

Первые капли дождя были крупны и мутны. В пять минут сплошная пелена воды загасила пламя лесного пожара.

«Замок» покрылся туманом мельчайших брызг. Закопченный и покрытый головешками известняк побелел. Набросив брезентовый пиджак на мешок, Михайлов смотрел со скалы на долину. Около него сидел Нерон. Им некуда было спрятаться от дождя.

Внизу боролись две стихии: огонь и вода. Но вода побеждала. Тучи концентрировались над пожарищем. Дым постепенно заменялся паром. Пламя исчезло и потухли смолистые факелы. Михайлов вымок до последней нитки. От его одежды шел пар. Нагретые скалы курились.

Сделав свое дело, тучи ушли на юг. Сквозь их разорванные кромки брызнули яркие солнечные лучи. В долину спускаться было еще рано, и Михайлов, раздевшись, стал просушивать одежду.

Над пожарищем зарябил воздух, поднялись испарения и подул легкий, теплый ветерок.

Глава IV

ПЕЩЕРА «ТРЕХ СТАРЦЕ»

По пожарищу. – Речки близнецы. – «Часы». – одно слово стоит целого для поисков. – Исчезнувшая лиственница или ошибка. – Второе русло.

Михайлов с сожалением оставил приютившую его в страшный час скалу. Он шел пожарищем и изредка оглядывался туда, где высокий «замок» белел между обгорелыми стволами.

Какое опустошение произвел пожар!

Нужны десятки лет, чтобы черные площади, еще несколько часов назад покрытые прекрасным лесом, изменили свой унылый вид. Прежде чем поднимутся стройные стволы берез, зацветут черемуха и боярышник, покроют обгорелые пни кусты малины и зарозовеют шапки Иван-чая, – в корнях этих растений, в полусгнившем валежнике найдут себе приют и богатую пищу короеды, которые не только уничтожат остатки леса на пожарище, но и переберутся на здоровые участки.

Спускаясь в долину, Михайлов старался не смотреть да унылое пожарище, но острые сучки и черные стволы сами лезли на глаза. Цветущие, веселые лужайки исчезли, как мираж. Даже солнце, своими яркими лучами скрашивающее дикость тайги, придавало теперь какую-то зловещую окраску окружающим предметам.

Сапоги Михайлова и шерсть Нерона скоро покрылись серым налетом пепла. В воздухе еще пахло дымом и горькими испарениями болота.

До вечера Михайлов шел по обгорелому лесу. Восточной границей распространения пожара оказалась небольшая речка, только перейдя которую Михайлов облегченно вздохнул.

От речки шла широкая тропа вдоль кустов черемушника. Но прежде чем воспользоваться новой дорогой, Михайлов решил ориентироваться, так как основные пункты намеченного им со скалы маршрута уничтожил пожар.

При проверке компас показал значительное отклонение пройденного пути на север, и, таким образом, удобная тропа оказалась бесполезной. Чтобы не делать обхода, Михайлов решил идти в южном направлении по берегу речки. Широкая отмель вдоль правого берега тянулась, кажется, без перерывов и избавляла от утомительного лазания по колодинам. Оба берега речки были покрыты густой кустарниковой растительностью. Слева над самой водой склонялся тальник, а плакучие березы своими ветвями – почти касались зеркала воды. На отмели, между камнями, пробивалась редкая шелковистая травка, откосы правого берега поросли тальником, а выше тонкий слой почвы пронизывали корневища лиственниц и сосен.

Журчащие перекаты и тихие заводи привлекли внимание Михайлова. Нерон бросался в воду, поднимая каскады брызг. Он перебегал неглубокую речку, выгонял из кустов птиц, фыркал, разрывал мышинные вторы и снова бросался в воду.

Когда солнце зашло за Таганайские горы, в долине речки исчезли светлые блики и Михайлов прибавил шагу. Он шел вдоль речки, не замечая перемены в характере окружающей ее растительности. Правый берег значительно понизился: теперь он был почти одинаковой высоты с левым. Малинник исчез, уступив место тальнику; выше поднялись плакучие березы, а полоса отмели стала суживаться и переходить в илистые намывы.

Дойдя до широкой заводи, где отмель исчезла Михайлов остановился. Дальше дороги не было. «Придется подняться и идти лесом». – подумал он.

Но подниматься было некуда: за кустами тальника берег не повышался, а скорей даже наоборот, понижался. Окружающая речку местность едва ли имела большую отметку, чем уровень воды. В полукилометре был низкий сосновый лес; ровное поле между ним и речкой представляло собой камышовые заросли.

Михайлов сбросил с плеч мешок и сумку и, повесив на сучок березы, углубился в камыши.

Болото у речки было мелким, но дальше к лесу сухие кочки попадались все реже и реже, камыши сменились осокой, между кустами которой просвечивала вода.

Исследование берега не дало ничего нового. Михайлов стоял в раздумье, не зная, какое решение ему принять. Ровная поверхность болота, покрытая желтоватой осокой, редкие островки кустов тальника да одиноко стоящие березы не могли быть выбраны основным пунктом нового маршрута. Постояв на кочке, Михайлов вернулся к оставленным на берегу мешку и сумке, позвал собаку и решил пересечь болото, придерживаясь общего направления на юго-восток. Это решение было сделано безо всякого основания, но ведь необходимость и любого другого направления также не удалось бы доказать. Наступивший вечер заставлял поскорей выбраться из болота.

Болото, в которое попал Михайлов, не было похожим на те страшные болота, трясины которых засасывает. Это болото имело торфяной слой мощностью всего около метра, а ниже его был материковый, скалистый грунт. Несмотря на это, болото, однако, не имело даже маломальской тропки, и перепрыгивание с кочки на кочку было утомительней пути по тайге.

Пройдя болото, Михайлов ожидал встретить тайгу, но ее не оказалось. Невысокий сосновый лес был редким, кустов почти не было, только небольшие заросли малинника виднелись между деревьями. Под ногами шуршал мох и бледная сухая травка.

Отсутствие пышной растительности вблизи болота удивило Михайлова, и только обнажив слой почвы, он понял, в чем дело: под толстым слоем мха был плотный известняк.

Открытие обрадовало Михайлова. Полоса известняковых отложений, – подумал он, – это значит где-то недалеко должны быть речки, отмеченные на схеме Антипова. Он не ошибся. Каменные обнажения стали часто попадаться на пути. Местность имела незначительный подъем на восток, и чем дальше, тем лес становился все реже, отдельные деревья были низкорослыми и чахлыми.

«Пройти еще немного, перевалить на ту сторону склона, и в долине будет речка», – рассуждал Михайлов, чувствуя, что близится конец утомительного перехода.

Он поднялся до известняковых обнажений; за ними тропа шла вниз, но не к речке, а исчезала в кустах жимолости. За кустами высокой стеной поднималась тайга. Резкую перемену в растительности можно было объяснить только одним: известняки имели сброс, за границей которого была плодородная почва. С правой стороны тянулись гряды осыпей и за ними невысокие скалы. Отроги известняковых холмов врезались в тайгу.

Пройдя около километра, Михайлов оказался в вершине треугольника известняковых обнажений. Справа и слева был лес. Впереди над деревьями виднелись вершины острых скал. Не меняя направления, Михайлов пошел лесом. Бурелом лежал высокими кострами, подлесок пробивался где только было можно. Почва была страшно неровной: она то крутым склоном шла вниз, то внезапно поднималась почти вертикально.

Мысль отыскать речки, помеченные на плане Антипова, Михайлов не оставил, его не смущала тайга. Полоса известняка не исчезла, только изменилось напластование пород: из слабо наклонного оно перешло в вертикальное, а это не значило, что впереди не будет больших площадей обнажений. Михайлов не был геологом, но прочитанная им литература и многолетние скитания по лесу помогли разобраться в окружающем рельефе по незначительным признакам. Например, он уже знал, что внезапная смена растительности указывает на изменение грунта и даже материковых, подстилающих его пород. По едва заметному понижению местности и характеру расположения кустов он научился определять водоразделы и угадывать присутствие ручьев или речек.

Расстояние, пройденное им за эти два дня, и уровень долины говорил о местоположении где-то приблизительно участка Антипова. Заросли страшно затрудняли поиски, и Михайлов, поэтому, особенно внимательно следил за известняками, боясь их потерять. Тропу стали пересекать узкие канавки. Проследив одну из них, Михайлов убедился в наличии карстов.

О близости речки Михайлов догадался по крутому спуску. На протяжении каких-нибудь полсотни метров дикий угрюмый лес вначале сменился березняком, а затем перешел в рощу, где различные представители лиственных и хвойных пород спорили о каждом клочке земли. Трава была выше человеческого роста, а кусты достигали трех четырех метров. Русло речки образовало щель в двадцатиметровой стене леса. Михайлов раздвинул кусты и пролез в эту щель, но русло не было заполнено водой. Июньский зной высушил последние лужицы.

«Это не беда. По близости должна быть вторая речка», – решил Михайлов и спрыгнул на голубоватый песок намыва. Под тонким слоем песка оказался плотный, немного источенный водой, известняк. Михайлов прошел несколько метров по руслу и опять разрыл песок. Те же серовато-желтые кристаллы были и здесь. Кристаллическая парода дня не впитывала ни одной капли воды, и тем не менее речка пересохла. Судя по береговой растительности, можно было с уверенностью сказать, что она зачахла еще до весеннего разлива, то есть речка пересохла еще до наступления засушливого времени. Сделав такое заключение, Михайлов не придал ему значения – он искал месторождение самоцветов, и поэтому ему было безразлично, пересохла речка в мае или в июне.

На схеме Антипова были показаны две речки, одну из которых Михайлов нашел. Теперь осталось разыскать вторую, а потом найти месторождение самоцветов.

«Если только я встречу поблизости парную речку, значит это район, показанный на схеме», – решил Михайлов и пошел по руслу.

Лишенное воды, оно странно выглядело в окружении высоких деревьев, кустов и травы, походя скорей не на дно речки, а на аллею старого парка.

После резкого поворота вправо русло упиралось в чашу бурелома, заваленного обломками скал. Внизу, под стволом лиственницы, чернел невысокий проход, в котором не замедлил скрыться Нерон.

Михайлов посмотрел на крутой откос довольно высокого холма и решил, что проследивать направление русла в буреломе не стоит. Лучше вернуться и пройти в другую сторону. Опытный взор метеоролога заметил слабое понижение русла, то есть он направился вниз «по течению». Путь по плотным намывам и безукоризненно ровной каменной поверхности не мог быть сравнен даже с хорошей широкой тропой. Радуюсь прекрасному «шоссе», Михайлов даже не заметил, как расступились стены леса и впереди показалась вода.

Бесполезно было бы пытаться описать состояние Михайлова. Целая зима подготовки, расспросы на Кусинском заводе, лесной пожар и, наконец, тяжелый путь по лесу – все это не пропало даром. Схема Антипова и рассказ Ковригина не оказались вымыслом. Теперь Михайлов был у цели. Вот она парная речка. Неторопливо течет вода в известняковых берегах, журчат перекаты и отражают облака тихие заводи. Конечно, еще хорошо бы найти самое месторождение, но это уже не так трудно. Во всяком случае, во много раз легче, чем отыскать где-то за Таганайскими горами речку Каменку. Несколько примет Антипова и, главным образом, белый камень значительно облегчат дальнейшие поиски.

Он достал схему Антипова и посмотрел на расположение речки. Восточная речка, на берегу которой стоял Михайлов, была Каменка, и значит та, пересохшая, была безыменная, или, верней, название ее Михайлов не расшифровал. На севере обе речки соединялись, и место их слияния было отмечено крестиком.

«Месторождение выше по течению, и, следовательно, надо идти на север до разделения речки на два русла, одно из которых, наверное, и есть западное, пересохшее», – рассуждал Михайлов.

Он не замечал наступающей темноты и не думал о ночлеге. Мысль, что месторождение может быть где-то близко, не давало ему покоя.

...Вот сейчас за поворотом речки покажется белый камень, о котором рассказывал кусинский охотник Хорек. Михайлов пошел по берегу речки.

В полумраке позднего вечера силуэты некоторых предметов походили на белый камень.

Вон у правого берега поднялась тупым клином скала-Михайлов всматривается. Наступающая ночь и фантазия помогают ему дорисовать белый камень.

Он бежит вперед, но камень исчезает, верней, превращается в ствол березы. Михайлов смеется над своей галлюцинацией.

На поверхности реки уже задрожало отражение звезд. Кусты и деревья слились в черную массу. Замолкли птицы, а наступления ночи Михайлов все еще не замечал. Когда берег, по которому он шел, уперся в

подножье скалистого холма, сухая песчаная отмель кончилась. Михайлов остановился и с удивлением стал осматриваться. Кругом темно, даже узкая полоска зари потухла, слышен шум переката и нет собаки.

Только теперь Михайлов почувствовал тяжесть ноши и обнаружил отсутствие Нерона. Он вспомнил, что пес скрылся в нише под стволом лиственницы и обратно не выбежал.

«Что-нибудь ищет», – подумал Михайлов и, достав фонарик, стал выбирать место для ночлега.

Недалеко от берега в известняковых скалах он скоро обнаружил нишу с прекрасной постелью из мха. Ниша была достаточно вместительной и могла укрыть от дождя. Через пять минут на перекат упала красная полоска света, забежали по поверхности воды блестящие звездочки и над речкой поднялся столб дыма.

Долгое отсутствие Нерона не так беспокоило, как удивляло Михайлова. Он хорошо знал свою собаку, ни один ее даже замысловатый фокус не составлял для него тайны. Он был теперь уверен: внимание Нерона привлекло что-то особенное и настолько важное, что он забыл даже про ужин.

Михайлов почти кончил закусывать, когда эхо громкого лая пронеслось по речке. В ответ на сигнал собаки раздался резкий свист хозяина. В следующий момент в ночной тишине до Михайлова доносились то хруст веток, то плеск воды. Нерон не рассчитал скорости своего бега и, внезапно попав в полосу света костра, по инерции пробежал дальше.

– Ну и бешеный же ты, Нерон, – сказал Михайлов, когда забрызганная грязью собака выбежала из кустов. – Получай свою порцию!

Михайлов собрался спать. Он улегся на моховой постели и стал было уже дремать, как слух его поразили особые, странные звуки, повторяющиеся через определенные и одинаковые интервалы времени.

«Что за ерунда», – подумал Михайлов. Он достал часы. Короткий глухой звук точно отсчитывал минуты.

«В чем дело, надо узнать» – подумал Михайлов и поднялся. Он бросил на покрытые пеплом угли охапку сухого черемушника и, присев около костра, закурил.

Местонахождение странных «часов» даже приблизительно было трудно установить. Удары были слабыми. Михайлов отошел к реке и прислушался. Сначала ему показалось, что удары доносятся с правой стороны, и он пошел вниз по течению, но удары стали совершенно не слышны. Пришлось вернуться обратно и идти вверх по течению. Новое направление оказалось правильным: удары стали громче и отчетливей. Как на охоте за токующим глухарем, шаг за шагом осторожно, не зажигая фонаря, шел Михайлов по отмели. Скоро звуки привели его к кусту шиповника. Михайлов обошел куст и оказался перед стволом упавшей березы. Звуки теперь стали настолько отчетливыми, что Михайлов без труда определил местоположение их источник. Дальше идти было очень

неудобно, но он не зажигал фонаря, боясь, чтобы не остановились «часы». Еще несколько шагов, и Михайлов решил быстро раздвинуть кусты и зажечь фонарь. За кустом не было ничего, способного привлечь внимание: крутой поворот берега омывала спокойная заводь. Редкие перья осоки, сонные листочки молодого тальника – вот и все, что увидел Михайлов.

Он погасил фонарь и дальше пошел ощупью. Перед Михайловым оказался большой, покрытый мхом камень. Михайлов полез через этот камень и почувствовал неустойчивость. Обычно глыбы разрушенных пород даже на кромках обрывов занимают устойчивое положение только в редких случаях удается обнаружить их неустойчивость. Михайлов уже почти залез на камень и хотел бы осветить темное пространство за ним, но раздумал и, спустившись обратно, стал внимательно осматривать береговую осыпь. Звуки теперь доносились откуда-то из за кустов и были настолько ясно слышны, что, казалось обнаружить их источник не стоило труда.

Глухой, короткий стук сопровождался каким-то скрипом похожим на скрип ржавой пружины, или, скорей всего бульканье быстро выливаемой из бутылки воды

Все происходящее казалось Михайлову странным и, в то же время смешны. Он не раз слышал сильный треск в горах, когда дневной зной сменялся вечерней свежестью и разогретые камни давали трещины. Он знал тихий стон узких ущелий, медленно остывающих ночью. он мог бы перечислить десятки замечательных примеров – курьезов природы, но теперь он не понимал ничего.

Прислушиваясь к звукам, Михайлов заметил на камне ровную, тонкую полосу коричневого цвета. Вода, где уровень ее постоянен, часто на скалистых берегах делает такие отметки. В этом, конечно, не было ничего особенного, если бы под первой полоской Михайлов не обнаружил вторую. Он направил свет фонаря на поверхность небольшого залива у камня. В это время раздался знакомый звук и уровень воды в заливчике опустился до нижней черты. Что будет дальше, Михайлов уже догадался. Уровень воды у камня стал вновь постепенно подниматься, и как только он достиг верхней черты, секундная стрелка его часов обошла круг. Ребус был разгадан наполовину. Естественные часы своим точным «ходом» были обязаны обширной тихой заводи. В заливчике у камня уровень воды постепенно повышался до известной высоты, а потом быстро падал. Где-то был сток.

Забыв сон, Михайлов начал раскидывать валежник и приминать кусты в надежде обнаружить сток воды и узнать, что производит звук. Михайлов долго возился возле камня, прежде чем ему удалось заметить не плотность между стеной скалы и камнем. Щель была шириной в два пальца; в нее и устремлялась вода, достигнув верхней черты. Причем огромный камень, должно быть, под влиянием напора воды немного

поворачивался около своей вертикальной оси и, после того как вода спадала, вставал в прежнее положение, производя звук. Желая проверить свое наблюдение, Михайлов взял толстый сучок и, как только камень повернулся, просунул его в щель. Камень не отошел обратно, и, как и следовало ожидать, звука не получилось.

– Испортил часы, – сказал Михайлов и выдернул сук. Он несколько минут наблюдал за водяными часами, стараясь подметить малейшую неточность в работе простого механизма. Его не интересовала щель между стеной и капнем, хотя именно в эти минуты он был у заветной цели своего похода.

Выяснив происхождение заинтересовавших его звуков, Михайлов отошел от камня к костру. На тлеющие головешки он бросил смолистое корневище и, улегшись вновь на мох быстро заснул.

В эти последние часы ночи, когда звезды кажутся особенно яркими, когда с гор спускается приятная прохлада, в тайге все живое спит. Даже хищники спешат закончить свою охоту.

Перед пробуждением сон особенно крепок. Растения и те наслаждаются отдыхом под покровом темной ночи.

Когда на востоке обозначится зубчатая линия горизонта, мрак ночи отхлынет к западу. Но утро еще не наступило. Румянец зари еще не позолотил востока.

Кто сумеет стряхнуть с себя сон и отойти от костра во мрак ночи, тот увидит пробуждение тайги и никогда этого не забудет. Он увидит тончайший переход от черного цвета к синему, когда на востоке начнется борьба дня и ночи. Он услышит крики еще полусонных птиц. Молочный туман обозначится в долинах, выступает контуры лесов.

Первые лучи солнца потушат звезды, залиют небо пурпурным цветом и рассыплются по земле миллионами радужных бликов. Раньше всех пробуждаются птицы. Утренняя переключка пернатых обитателей леса начнется с отдельных, несмелых голосов и постепенно перейдет в нестройный хор.

Нерона разбудила птичка. Она села на сучок почти перед самым его носом и пискнула. Нерон вскинул голову и щелкнул челюстями, а потом уже проснулся. Птичка перелетела на ветку боярышника.

Нерон чихнул, потом встал, подошел к костру, потрогал лапой холодные угли и пошел к речке напиться.

Когда заблестела на листьях роса и рассеялся туман, проснулся Михайлов.

Михайлов не собирался проводить время в безделье, он внимательно посмотрел свои материалы – записки и схемы участка – и составил план поисков. В первую очередь он решил осмотреть речку вниз по течению, а потом уже ее окрестности и западный скалистый берег.

Целый день Михайлов провел в поисках участка и только к вечеру вернулся обратно.

Михайлов сделал разведку, которой позавидовал бы геолог. Вниз по реке он спустился на шесть километров, осматривая чуть ли не каждый кустик и углубление в скалистом берегу. Когда началось болото, дальше идти было бесполезно: тучи комаров и гнуса по праву считались единственными обитателями долины. На обратном пути Михайлов хотел пройти высохшим руслом, куда его усиленно тянул Нерон, но солнце уже садилось, и он ограничился осмотром известнякового холма и скал, в трещинах которых также не нашел ничего похожего на жилище трех старцев или Антипова. Подробно познакомившись с местностью, Михайлов поразился дикости окружавшей его тайги. По звериным тропам даже нога охотника-промысловика ступала не везде. Некоторые тропы были узки и покрыты мягким бархатным мхом. Непроходимые заросли окружали речку с обеих сторон, а на редких полянах трава высотой в рост человека глушила не только цветы, но и малину. Ни пней, ни следов пыли, ни полусгнивших поленниц или хотя бы следов порубки – только лес, могучий, высокий; горы валежника и частокол сухостоя.

Если даже предположить, что жилище старцев бесследно уничтожила тайга, то ведь еще сравнительно недавно где-то поблизости жил Антипов. Он, конечно, имел шалаш, рубил для костра лес...

Михайлов себя следопытом не считал, но Нерон по части сыска был опытен.

Исследование верхнего течения реки Михайлов отложил до следующего дня. Повесив над костром котелок, он достал схему Антипова и стал ее изучать.

Все ли в этой бестолковой схеме им было расшифровано? Да, все, кроме названия второй речки. Но это название не должно иметь отношения к поискам. «Однако, чтобы уничтожить малейшую неясность, попробую», – сказал себе Михайлов и стал подбирать буквы в дополнение к оставшимся. От названия остались буквы: «*ро...ащ...я*».

Слово не начиналось с «р», но начальную букву подобрать трудно.

– Между «щ» и «я» должна быть какая-нибудь гласная буква, – рассуждал в слух Михайлов. – Пусть это будет «е». Получаем: роцея. Дальше – между «о» и «а» должна быть согласная, но какая?

Михайлов перебрал все гласные буквы.

Несмотря на то, что в слове не хватало одной или двух букв, смысла все же не получалось.

Нужно попробовать подобрать к некоторым из полученных слов начальную букву. Предположим, что в начале слова не хватает только одной буквы. Из тридцати двух букв алфавита определенно бесполезно подставлять: «й», «р», «з», «ы», «ь» и едва ли могут быть буквы: «ч», «ц», «ч», «ш», «щ», «э», «я». Итак, остается двадцать букв одна из которых, представленная в начале пятнадцати, не имеющих смысла слов, раскроет название речки.

Пятнадцать подставок из двадцати букв – это триста вариантов.

Михайлов выбрал из оставшихся согласных букв несколько хорошо сочетающихся с «р». Этими буквами были: «б», «г», «п», «с», и «т».

Подставленная в первое слово буква «б» давала что-то не совсем бессмысленное.

– Бробащя... бробащя... – повторял Михайлов, стараясь уловить в этом зашифрованном слове какое-нибудь знакомое название.

– Так, так... А ну-ка, поставим вместо «б» букву близкую по произношению – «п». Пробащя – это уже лучше.

Михайлов написал слово: «пропащя», и... название речки было расшифровано. Предпоследняя буква «е» должна быть заменена на «а».

Михайлов посмотрел на схему Антипова, на исписанный вдоль и поперек лист и вскочил.

– Бестолковый! – воскликнул он. – Да ведь одно это слово стоит целого дня поисков! Что может быть проще? Антипов поставил крестик не на Каменке. Название второй речки говорит о том, что в некоторых местах она пропадает: пропадающая, то есть текущая под землей. Как об этом раньше я не подумал!

Михайлов так волновался, что забыл про котелок, содержимое которого бурлило и выплескивалось на костер.

– А пещера «Трех старцев»? – продолжал Михайлов. – Теперь все увязывается самым лучшим образом. Месторождение самоцветов в пещере или близко от нее. Пропащая где-нибудь скрывается в землю-в пещеру «Трех старцев». Лиственница и белый камень – не маловажные детали, иначе бы их не отметил Антипов.

Михайлов очень сожалел, что наступала ночь и он не мог с известняковой скалы осмотреть местность-Ночью Михайлов несколько раз просыпался и, не веря часам, смотрел на восток, надеясь над деревьями заметить полоску зари.

Первые лучи солнца осветили угасший костер да пустую нишу. Ни собаки, ни человека не было.

Михайлов отправился на поиски лиственницы. Он долго бродил в зарослях, но его преследовала неудача – лиственницы не было. Встречались повсюду березняк, ельник, черемушник, рябинник и снова березняк – причем все это было обвито диким хмелем и покрыто лишайником.

Михайлов, расцарапав в кровь руки и лицо, наконец, не выдержал и решительно повернул в сторону «палатки». Чтобы сократить путь, Михайлов пошел напрямик к известняковому холму. В густых зарослях вилась едва заметная тропинка. Пробираясь по ней, обходя костры валежника и пролезая в узкие проходы между переплетенной хмелем чащей, Михайлов заметил странного вида узловатые лапчатые ветви, покрытые ярко-зеленым лишайником. Ветви были толсты и кряжисты – они принадлежали, должно быть, лесному великану, поваленному бурей. Раздвинув кусты шиповника, Михайлов увидел заваленный хвоей и

листьями ствол дерева. По его огромной толщине и сохранившейся кой-где коре в нем не трудно было узнать лиственницу.

Сколько было потрачено энергии и времени на поиски, а упавшее дерево оказалось в нескольких десятках метров от «палатки».

«Десять сажен на север», – вспомнил Михайлов пояснение в схеме Антипова.

Высокий пенёк лиственницы найти уже не составляло труда. От него Михайлов шагами отмерил десять сажен и вышел на берег Каменки. Место ему было хорошо знакомо: впереди заводь, под ногами небольшой заливчик и камень... «Нечего сказать, открыл Америку», – с раздражением подумал Михайлов.

«Хотя, впрочем!..» – блеснула у него мысль, и он бросился к камню.

Будь в лесу охотник, он с удивлением посмотрел бы на человека, сдирающего траву и мох с большого, яйцевидной формы, камня. Когда зеленый растительный ковер был снят, перед Михайловым оказалась обточенная водой белая известняковая глыба.

Метеоролог ругал себя за несообразительность и бегал около камня.

– Я где-то у пещеры «Трех старцев» – кричал он. – А-а, все понятно. Антипов на плане изобразил рычаг!

Со стороны залива, внизу, между стеной берега и камнем, находилось отверстие. Прикрытое мхом и валежником, оно раньше совсем было незаметным. Из отверстия тянуло холодком и пахло плесенью.

Для рычага Михайлов выбрал березу с тонким длинным стволом, но достаточно упругую. Трудно было поверить, чтобы усилием одного человека огромный белый камень был сдвинут.

«Не повернуть», – думал Михайлов, заводя нижнюю часть ствола березы в щель. Камень теперь уже не отклонялся под напором воды, и она, лишённая стока, поднимала уровень.

Михайлов стал постепенно отводить ствол березы. Камень медленно поворачивался, но чувствовалось большое сопротивление воды. Береза гнулась; с одной стороны ее ствола лопнула кора; где-то, кажется под камнем, скрипел песок. Михайлов напрягал последние усилия. Ему не видно было, как вода, поднявшись до верхней черты, хлынула в щель. Камень быстро повернулся, и Михайлов вместе с рычагом полетел в заводь.

На шум прибежал Нерон. Случайно принятая Михайловым ванна избавила его, по меньшей мере, от нервного потрясения, так как, выйдя на берег, он увидел за повернутым им камнем темное отверстие. Нужно ли говорить, что перед ним был вход в пещеру «Трех старцев».

По новому руслу устремилась вода, она шумела в камнях, и приглушенное эхо доносилось из глубины пещеры.

Осмотрев вход, Михайлов осторожно стал спускаться в отверстие, но его опередил Нерон. Собака легко перескочила водопад и побежала вперед.

«Странно, – подумал Михайлов: – Нерон так смело идет только по знакомой дороге».

Глава V

ПЕЩЕРНЫЙ ЖИТЕЛЬ

По берегу подземного ручья. – Поиски рубинов. – Выработка, пройденная к контакту. – Михайлов превращается в забойщика. – Промывка породы. – Гроза.

Вход в пещеру был высотой около метра и шириной не больше полутора. Повернутый Михайловым камень, в новом положении, почти не загромождал входа. В расстоянии трех-пяти метров от входа почва заметно понижалась, благодаря чему высота коридора увеличивалась. Карстовые известняки изобилуют массой трещин, провалов и прикрытых тонкой коркой пустот.

Хорошо зная это, Михайлов шел осторожно, освещая стены и кровлю фонариком. Слева журчал ручей. Стены казались сложенными из плитняка, а с потолка свешивались заклинившиеся камни.

Чем дальше, тем коридор становился обширней, высота его достигла уже двух с лишним метров. Порода почти утратила трещиноватость и приобрела красивый светло-серый цвет. Судя по откосу холма у правого берега Каменки, мощность пород в кровле была не более двадцати метров, а на эту глубину по незаметным трещинам должна была с поверхности проникать вода. Деятельность воды как и предполагал Михайлов, скоро себя показала – свет его фонаря упал на кучу щебенки. Подойдя ближе, Михайлов оказался перед горной «мельницей». Этим, довольно удачным, термином горняки называют вывал, с кровли которого происходит обрушение пород. «Мельница» прекращает свою работу только в том случае, когда свободное пространство под кровлей все будет завалено обрушенной породой или когда потолок примет куполообразную форму, способную выдержать давление вышележащих слоев.

Перед Михайловым была старая «мельница», уже давно прекратившая свою работу. В кровле ее висели заклинившие друг друга камни. Теперь опасаться обрушения было нечего, и Михайлов, перебравшись через кучу известняка пошел дальше. Каменная плотина не преградила путь ручью: прорыв под кучей ход, он бежал дальше в глубь

подземелья. Коридор опять сузился, и Михайлов уже хотел развенчать легенду о пещере «Трех старцев», как вышел в обширный зал, потолок которого ушел вверх, стены расступились и пол выровнялся почти в плоскость.

Второй зал Михайлов прошел, не обратив на него внимания, и только шум воды остановил его. Ручей исчезал в провале, образуя водопад.

Глубину провала Михайлову установить не удалось. Свет фонаря не проникал сквозь брызги воды, а звук от падения брошенного камня поглощал шум водопада. За провалом коридор расширялся, образуя в кровле и стенах уступы, а затем настолько суживался, что Михайлов в нерешительности остановился.

Идти дальше, пожалуй, было опасно. Известняки – не гранит, и полагаться на их крепость не приходится. Внизу проход был завален крупной щебенкой, а вверху переходил в щель.

Из затруднения Михайлова вывел Нерон. Не смущаясь темнотой подземелья, он вышел вперед и скрылся в узком проходе.

«Похоже на то, что Нерон здесь уже побывал», – подумал Михайлов и, следуя примеру собаки, пошел дальше. Когда навал щебенки поднялся выше, а щель еще больше сузилась, Михайлов был вынужден опуститься на колени и дальше уже пробираться ползком. Впереди показалась голубая полоска света и донесся шум ветра.

Второй выход из пещеры был завален камнями и упавшими деревьями.

Выйдя на поверхность, Михайлов понял, почему Нерон вел себя так уверенно. Собака уже побывала в пещере, когда он искал Каменку. Русло Пропащей врезалось в тайгу, выход из пещеры перегораживал ствол дерева, под которым проскользнул Нерон. Русло по прежнему было сухое. Михайлов задумался.

Пропащая не выходила на поверхность, ручей исчезал в провале. Однако русло речки кончалось у выхода из пещеры и могло быть наполнено водой, вышедшей только из нее, а значит – бывают моменты, когда не вся вода ручья стекает в провал. В эти моменты узкую щель выхода заливают водой, и им пользоваться уже нельзя.

Сделав такое открытие, Михайлов догадался о его важности, хотя и не знал, какую оно роль может сыграть в будущем.

Михайлов осмотрел выход, спустился вниз и пошел по руслу.

«Пещера пройдена, – думал Михайлов, – но по каким признакам найти месторождение рубинов; следует ли его искать в пещере?»

Прямых указаний на это в схеме Антипова не было. Там пещера была помечена только как основной пункт. Может быть, она служила лишь убежищем? Если месторождение рубинов коренное, – значит его надо искать в пещере; если же оно рассыпное, – то в песках Каменки.

Михайлов вспомнил, что самоцветы образуются в приконтактной зоне. Следует и здесь найти контакт.

Со скалы было видно несколько обнажений пород. Светло-серые известняки на левом берегу Каменки местами сменялись более темными породами, должно быть другого происхождения. Осмотр на месте показал присутствие гранитов. Таким образом наличие гранита говорило за коренное месторождение. Падение гранитов было западным, и они пересекали карстовые пустоты на глубине около тридцати метров.

Вести разработку Михайлов, конечно, не мог: у него был только геологический молоток, а твердые породы требовали взрывания. Подземный коридор, по которому прошел Михайлов, отстоял далеко от контакта, и в его стенах встретиться рубины не могли. Но пещера могла иметь несколько горизонтов, один из которых должен пересечь зону контакта или, в крайнем случае, подойти к ней на близкое расстояние. На присутствие пустот ниже горизонта ручья указывал провал, – он не был «слепым», так как за большой сравнительно промежуток времени, пока Михайлов находился в пещере, вода не могла его наполнить.

Судить о размерах пещеры «Трех старцев» пока еще было нельзя, и Михайлов решил, не теряя времени, приняться за ее осмотр. Он вернулся во второй зал, где был водопад, чтобы использовать провал для спуска на нижние горизонты. Через провал можно было спуститься, если отвести воду или перед самым ее падением, или при входе в пещеру. Последнее сделать было легче: стоило только с помощью жерди отвести камень в первоначальное положение и этим совершенно осушить русло Пропащей. Если же перегородить поток у провала, то есть обрушить с кровли породу, то может, во-первых, получиться горная мельница, а во-вторых, даже и при удачном обрушении нельзя ручаться за плотность щебенки, промыв которую, вода устремится на исследователя. Подумав, Михайлов решил загородить ход в пещеру. Только случайность не дала ему возможности выполнить это рискованное решение. В правой стене первого вала он заметил нишу, темным пятном обозначившуюся в известняке. Судя по расположению ниши, она должна была совпадать с направлением трещин. Но осмотр пещеры показал обратное – просторный коридор яйцевидного сечения шел вначале горизонтально, а затем спускался вниз.

Этим открытием Михайлов был доволен: он только теперь понял, чем для него мог кончиться спуск в провал с разрушенными стенками.

Забраться в нишу было делом одной минуты. Свет фонаря позволит рассмотреть идущий круто вниз коридор с отполированными скользкими стенками.

Спустившись метров на пять, Михайлов увидел расклиненное в стенках дерево.

«Лестница», – подумал он и ударил по дереву геологическим молотком. Раздался глухой звук, ствол переломился пополам, и «лестница» упала вниз. Этим уклоном пользовались, должно быть, очень давно. Прошел не один десяток лет, прежде чем смолистое дерево превратилось в рыхлую развалину.

С глубины десяти метров уклон начал расширяться, почва его перешла в небольшую горизонтальную площадку, ниже был двухметровый обрыв и шли ступеньки. Только теперь начиналось настоящее исследование, и оно обещало быть интересным.

Пещера, несомненно, была очень древнего происхождения. Потребовались тысячелетия, а может быть и десятки тысячелетий, для медленного размывания и растворения пород.

Только поздно вечером Михайлов вышел из пещеры. Долина Каменки уже покрылась синеватой мглой, а последние лучи солнца еще золотили высокие перистые облака.

В безмолвии подземелья законсервирована история его тысячелетий, его случайных обитателей, от животного и до человека. Теперь уже было трудно сказать, что больше волновало Михайлова: месторождение ли самоцветов или история самой пещеры.

Скорее всего и то и другое в равной степени. Во всяком случае, первое хорошо сочеталось со вторым, и Михайлов, потеряв надежду заснуть, решил сейчас же перебраться на новую квартиру и потратить ночь на исследование.

Свое имущество Михайлов перенес по второй зал пещеры и разместил вещи в нишах – этих естественных шкафах и полках. Чтобы обеспечить себя топливом, он натаскал в пещеру сухарника.

В естественном известняковом углублении развел костер, и незаметные в темноте кристаллы минералов заискрились и засверкали. Но красивая иллюминация стала быстро меркнуть, дым густыми клубами поднялся к потолку, а копоть покрыла стены.

Михайлову не было времени любоваться своеобразием окружающей его обстановки. Он позвал Нерона и пошел в первый зал.

Михайлов дошел до спуска на второй горизонт и начал внимательно изучать структуру парод. Ниша имела направление на восток; следовательно, даже те два метра, на которые она уходила в сторону, несколько приближали ее верхнюю часть к контакту. Михайлов был профаном в геологии; то немного, что он вычитал у Ферсмана, Федоровского и др., к сожалению, не научило его читать, хотя бы по складам, летопись магматических вторжений, написанную огненножидкими гранитами на плоскостях известняковых парод. Да, опытный глаз геолога не пропустил бы ясно выраженный приконтактный пояс дислокации¹, где миллионы лет назад грохотали не небесные, а подземные громы, где в огненном окружении подымавшейся из глубина магмы, известняки сначала плавилась, как сахар, а потом выстраивали свои молекулы в гексагональные ромбоэдры и призмы². Между тем, налицо был целый ряд признаков, говоривших о близости контакта,

¹ Дислокация – нарушение в пластовании пород.

² Ромбоэдр, призма – формы кристаллов.

близости той зоны, где в массив пород были вкраплены краевые самоцветы. Михайлов открыл одну из величайших страниц истории мертвой природы и, как слепец, равнодушно перелистнул ее.

Освещая почву под ногами, он начал спускаться. Свет фонаря теперь уже скользил по известняковой стене с ровным, едва заметным напластованием. Область нарушений осталась выше.

Нерон – не плохой исследователь, однако не последовал за хозяином. Вдохнув затхлую сырость подземелья, он гавкнул раза два на прощанье и выпрыгнул из ниши. По знакомой дороге Михайлов спустился в обширный грот, в восточной стене которого были высечены ступени. В отличие от пустот верхнего горизонта, этот грот своим происхождением был обязан не только одной деятельности воды. Михайлов заметил на стене параллельные царапины. Они были нанесены каким-то острым инструментом.

– Следы кирки! – воскликнул Михайлов и поднял фонарь к стене.

Теперь даже и не горняк мог догадаться, что он находится в выработке. Фонарь давал хотя и яркий свет, но конус его лучей был очень узким и позволял рассмотреть только небольшую площадь.

Пристроив удобней фонарь, Михайлов стал осматривать внутренность грота по частям.

Почва грота была покрыта ровным слоем щебенки, конечно, отбитой киркой от стены. Следы царапин группировались в местах наибольшей кристаллизации породы. «Пробовали в разных местах», – подумал Михайлов. Сердце его сильно забило, на лбу выступил пот, и он, как сыщик, попавший на верный след, начал изучать плоскость стены сантиметр за сантиметром. Почти белые, сильно измятые известняки имели неравномерную кристаллизацию. Горевшие в свете фонаря кристаллы Михайлов откалывал ножом и пробовал на стекле – в каждом из них он готов был признать рубин. Но кристаллы не царапали стекло – это был всего только известняк, твердость которого в два раза меньше корунда¹.

Отсутствие рубинов в стене грота не смутило Михайлова. Он знал, что не только эта драгоценная разновидность корунда, но и другие, не имеющие никакого практического значения, попадаются очень редко. В самых богатых по содержанию самоцветов месторождениях считается обычным явлением – когда десятки и даже сотни тонн горных пород подвергают тщательной обработке и получают драгоценный камень, весящий после огранки немногим больше или даже меньше карата²

¹ Один из внешних признаков, по которым распознают минералы, является твердостью. В минералогии существует шкала Мосса, в которой минералы подобраны по степени их твердости: от 1 до 10, причем известняк имеет твердость 4, стекло 5, а корунд 9.

² Карат – единица веса, равная 0,2 грамма.

Для Михайлова способ определения корунда по твердости был пока единственным. При дневном свете еще можно было надеется заменить скопления корундовых масс, уже не говоря о кристаллах рубинов.

Михайлов не преследовал цели личного обогащения, и поэтому удельное содержание в породе корунда для него не играло решающего значения; ему важно было только установить наличие рубинов.

Только бы найти несколько рубинов, а там геологи лучше его разберутся во всех тонкостях.

Старые копи были им найдены, а это главное. Старцы, а после них Антипов, не могли вести массовую добычу, они даже едва ли пользовались динамитом, и поэтому копь должна иметь всего одну или две выработки, отыскать в которых гнезда корунда не трудно.

Утром Михайлов и Нерон расстались опят! первого зала.

После неудачных ночных поисков, вид стены со следами разработки теперь уже не волновал Михайлова, и он мог проследить направление горных работ. Щебеночный навал в почве грота был распределен неравномерно – в южной части слой его по объему не соответствовал глубине искусственной ниши. Насыпанная здесь порода добывалась где-то в другом месте.

Но где?.. После внимательного осмотра восточной стены и потолка грота, среди многочисленных углублений Михайлову удалось рассмотреть выработку. Форма сечения выработки – сводчатая кровля, вертикальные стены и Горизонтальная почва – говорила о ее искусственном происхождении. Куча щебенки была как раз под самой выработкой. Михайлов поднялся по ступеням на уровень выработки и направил свет фонаря в ее отверстие.

– Прекрасно! – воскликнул он. Выработка пройдена в восточном направлении, то есть к контакту. С кучи щебенки до почвы выработки было около двух с половиной метров. Михайлов пробовал подпрыгнуть и ухватиться за кромку породы, но это ему не удавалось – трещиноватый известняк обрушивался.

Подняться в выработку можно было только с помощью лестницы, за изготовление которой Михайлов и вынужден был приняться.

Он, конечно, не собирался плотничать. Выйдя из пещеры, он срубил елку, оставив торчки, и унес в пещеру. Нижний конец елки он зарыл в щебенку, верхний укрепил в трещине почвы выработки, и примитивная лестница была готова.

Михайлов залез в выработку. Она имела длину около пяти метров, причем на протяжении первых трех метров шли сравнительно слабые известняки. Забой же выработки упирался в кристаллические плотные породы.

О близости контакта говорили мелкие сбросы и крутые изгибы гранато-известняковых слоев. Здесь осадочные породы были основательно проплавлены магмой. Стенки небольших пустот были одеты красивыми

щетками кристаллов. Но не ими интересовался Михайлов. Он искал гнезда серовато-желтых скоплений корунда.

Прежним способом _ при помощи пробы на стекло – Михайлову удалось обнаружить несколько крупинок корунда. Но этим серовато-зеленым, мутным камешкам далеко было до рубинов.

Однако наличие корунда говорило о многом.

Три метра выработки подтверждали также, что Михайлов отыскал, наконец, месторождение.

Он вспомнил слово из рассказа Ковригина: «старцы промывали на берегу какие-то гальки».

Это были не гальки, а добытый в пещере и измельченный известняк с включением корунда. Михайлов, как и старцы, мог вести лишь весьма примитивную разработку в микроскопических масштабах. Но поскольку масштаб добычи не мог иметь решающего значения, Михайлов, не обращая внимания на трудности, принялся за работу.

При свете дымной лучины узкая выработка с работающим в ней человеком казалась картиной из истории далекого прошлого, когда горняки *tit* не знали ни керосиновых ламп, ни свечей.

Геологический молоток, к счастью, оказался подходящим инструментом. Известняк откалывался почти по всей плоскости забоя.

Михайлов работал долго, но куча, отбитой им породы могла легко уместиться в шапку. Корундовые скопления не давались на молоток – их приходилось вырубать с большим трудом.

К вечеру настойчивый забойщик отбил ведра два породы.

Следующей стадией должна былая промывка. В три приема Михайлов вынес породу из пещеры и высыпал ее на берегу Каменки.

Щебенка была мелкой и не требовала дополнительного измельчения. Наскоро пообедав, Михайлов принялся за промывку.

Чистый, белый известняк не нуждался в проверке, но его было немного. Остальная серая масса с включениями гранатой и каких-то еще минералов должна быть тщательно промыта и осмотрена.

Михайлов начал добросовестно промывать щебенку, не пропуская ни одного камешка. Попалось уже несколько кристаллов корунда. Мелкие и трещиноватые, они, тем не менее, заставили Михайлова волноваться. Теперь он походил на изобретателя, который вот-вот откроет желанную формулу. И эта формула открылась.

Взяв несколько камешков, Михайлов стал их один за другим пробовать на стекле. Те, которые скользили, не оставляя на стекле черты, он отбрасывал, а оставлявшие царапину осматривал.

– Рубин! – воскликнул он.

Вот небольшой серый кристаллик дал глубокую черту – это, конечно, корунд. Михайлов только мельком взглянул на него и хотел уже бросить, но ровная плоскость излома отразила солнечный луч.

– Рубин! – крикнул Михайлов и вскочил.

Рубин оказался небольшим, не больше четверти карата, но был густ по окраске и не трещиноват.

Насмотревшись вдоволь на первую находку, Михайлов завернул его в платок и принялся снова за промывку.

В первый раз за время пребывания Михайлова в лесу солнце село в тучу.

Наступление грозы можно было определить по многочисленным признакам. Подул прохладный ветерок, и зашелестели листья берез. Спокойная раньше заводь покрылась рябью, и поверхность воды приняла свинцовый цвет.

Михайлов во-время оставил промывку. Едва он успел заготовить на ночь дров и спуститься в пещеру, как на юге ухнуло, словно из пушки и в небе метнулась стрела молнии.

Раскаты грома вызвали в пещере низкий протяжный гул.

Михайлов подбросил в костер дров и, снимая сумку, заметил на дне ее несколько пригоршней галек – это была случайно оставшаяся порода.

Высыпав поближе к подземному потоку содержимое мешка, Михайлов снова занялся промывкой. Он не хотел оставлять не просмотренной даже самую маленькую гальку.

Света костра было достаточно, чтобы отличить корунд от известняка.

В первой горсти оказалось много корундовых осколков довольно порядочной величины. Промытую щебенку Михайлов аккуратно высыпал на мешок для просушки.

«Старатель» был так занят промывкой, что не слышал раскатов грома. А гроза теперь бушевала в районе пещеры. Молния наискось резала небо, ее вспышки сменяли одна другую почти без промежутков. Низкие тучи набухали влагой, но дождь не шел; только редкие крупные капли хлопали по листьям деревьев. Это была так называемая «сухая» гроза. Она не всегда кончается дождем.

В «сухую» грозу гибнет масса деревьев, порывами ветра с корнем вырываются старые лиственницы, а кусты на открытых полянах припадают к самой земле.

В Пропащей вода не прибывала, но стала грязной и теплой. Это ветер намел в речку горячего песка.

Михайлов промыл всю щебенку и, примостившись у костра, занялся сортировкой породы.

Он почти не пользовался стеклянной пластинкой. Корунд от известняка он теперь уже отличал по цвету, а от граната по строению. Из промытой массы щебенки набралось серых камешков около сотни, среди них были довольно ясные кристаллы красивого синеватого оттенка. Более крупные осколки содержали в себе чешуйки слюды и крупинки полевого шпата; некоторые крошки просвечивали и попадались участки, слабо окрашенные окислами металлов.

Синие, голубые, зеленоватые оттенки не привлекали внимания Михайлова. Только красный свет мог приковать его внимание.

Но рубинов не было! Осталось три самых крупных осколка, трещиноватых, грязно-серых, но очень твердых. Под ударом молотка первый осколок разлетелся на маленькие крошки, среди которых некоторые имели слабо-розовую окраску.

Михайлов стал осторожней. Из второго осколка удалось выделить небольшой трещиноватый рубин. Это был уже шаг вперед...

Каким-то чутьем Михайлов угадал присутствие драгоценного корунда в третьем осколке. По волосным трещинам он отделял от него корундовую массу и следил за изменением окраски.

Вот зеленоватый цвет стал бледнеть, осколок постепенно приобретал другую окраску. Появились прозрачные розовые области и уменьшилось число трещин.

Под коркой мутно-розовой породы, как в скорлупе раковины, было заключено драгоценное зерно – рубин.

После огранки получится полноценный камень в несколько карат – об этом не трудно догадаться, наблюдая характер изменения корундовой корки.

Занятый промывкой, Михайлов забыл о грозе, во Время которой Каменка могла выйти из берегов и, повернув камень, хлынуть по руслу Пропащей в пещеру.

Шум подземного ручья напомнил ему об этом, и он побежал к выходу укреплять камень.

При первой же попытке выйти на берег Каменки он должен был изменить Свое обычное представление о грозе, хотя и видел настоящие южно-уральские грозы.

Ветер постоянно менял направление, он не дул, а хлестал порывами, как ударами кнута.

Мелкий песок бил по лицу, а пыль тучами носилась в воздухе и смерчем пробегала по берегу речки в круговороте воздушных течений. Деревья, как по команде, наклонялись в одну сторону, их стволы скрипели и лопалась кора.

Голубые вспышки молнии часто раскалывали туманный полумрак.

Михайлов ползком пробрался к вращающемуся камню и укрепил его при помощи ствола березы.

Теперь воды Каменки уже не могли прорваться в пещеру до тех пор, пока ствол дерева не будет вынут из трещины.

Вернувшись в пещеру, Михайлов удивился исчезновению собаки. Несмотря на всю свою живость, Нерон не мог решиться уйти в лес. Единственно, что он мог сделать, это пойти из ущелья полюбоваться на грозу.

Прошел час. Раскаты грома не умолкали, эхо по прежнему наполняло пещеру. Уровень воды в ручье несколько поднялся, а температура ее понизилась – начался дождь. Благодаря разности температур на поверхности и в пещере незаметные раньше воздушные токи перешли в ветер. Потянуло прохладой, и охлажденные дождем испарения проникли в грот. Ветер раздувал костер и у самой почвы тянул тонкую полосу дыма.

При свете раздутого ветром костра Михайлов рассматривал найденные им рубины. Их было пять штук. По чистоте окраски они мало уступали один другому но по величине последний превосходил остальные. Общая ценность самоцветов была не малой. Но ведь это были всего-навсего камни, найденные случайно. О богатстве месторождения можно судить уже хотя бы по тому, что человек, не знакомый практически даже с основой разведочного дела, сумел найти рубины. При систематических поисковых работах в долине Каменки и в пещере «Трех старцев» месторождение красных самоцветов, конечно, даст не мало камней громадной ценности.

Михайлов даже не представлял всей важности своего открытия. Он, конечно, не знал, что найденное им месторождение способно открыть новую страницу в истории Южного Урала, богатого рудами, золотом, но не открывшего еще до конца свои сокровищницы драгоценных камней.

Счастливым разведчик рассчитывал пробыть в пещере еще дня три, взять пробы из разных участков береговых отложений Каменки и с доказательством в виде нескольких рубинов отправиться в обратный путь...

Нерон лежал на широком плоском камне у выхода из пещеры и смотрел на стонущий от порывов ветра лес. При каждом ударе грома он вздрагивал, жался к стене, но не убегал в глубину пещеры, где было душно, а теперь оттуда еще тянуло едким дымом.

Нерону было видно русло Пропащей, оба ее берега и часть тальниковых зарослей. Вспышки молнии хорошо освещали окрестности пещеры. Во время одной особенно сильной бело-голубой вспышки, последовавшей вслед за многократным треском грома, Нерон вскочил и прыгнул с камня, но не в пещеру. Не молния и не гром заставил собаку покинуть наблюдательный пункт. Когда молния на мгновение осветила прижатые ветром береговые кусты, Нерон заметил, как по левой стороне русла, под защитой скалистого берега, к пещере пробирался человек...

Нерон, считавший себя хозяином района пещеры, не обращая внимания на раскаты грома, скользнул вниз по мокрым камням перемахнул через ствол лиственницы и присел в береговых куда инстинктивно ожидая следуй вспышки молнии. Когда ее прихотливый зигзаг расколол небо, резкий силуэт человека проявился на фоне известняковых прибрежных скал.

Нерон в два прыжка достиг зарослей и побежал по тропе. Частые вспышки молнии помогали ему ориентироваться в хаосе склоненных и сломанных бурей деревьев и

Когда черная тень легла на дно пересохшего русла совсем близко, Нерон присел на тропе и через мгновение прыгнул вниз.

Человек остановился, выдернул из-за пояса топор и приготовился встретить нападение. Нерон прыгнул на человека, и тот метнул в него топор. Страшное орудие описало дугу и врезалось в комель березы. Потеряв равновесие, человек упал головой к березе.

«Кончено!» – подумал он, почувствовав собаку у себя на спине.

Нерон схватил его за воротник пиджака и прижал лапами плечи.

Человек потянул руку, чтобы ухватиться за топориче, но собака крепче сжала воротник и зарычала.

Гроза, между тем, бушевала. Деревья, наклонившись в одну сторону, как по команде, вдруг выпрямлялись и затем склонялись в другую. Дождь бешено хлестал, а вспышки молнии и гром следовали друг за другом без промежутков.

Промокший до нитки лежал на земле человек; не ослабляя хватки, в напряженной позе стояла над ним собака. Человек обдумывал, как ему сбросить собаку – он рассчитывал на темноту, а потом, может быть, и на свой топор.

Подождав некоторое время и убедившись, что человек лежит спокойно, Нерон немного разжал челюсти и снял лапы с плеч человека. Он не знал, что сейчас наступят решительный момент. Человек лежал по прежнему, не шевелясь.

Но вот наступило временное затишье, и все погрузилось в непроницаемую темноту. Человек, воспользовавшись этим, вскочил и кинулся к намеченному ям пункту – за ствол дерева, выхватив из комля березы свой топор. При новой вспышке молнии Нерон увидел его и, не раздумывая, бросился к стволу.

Собака вела себя согласно статьи «задержать неизвестного». Несложный курс дрессировки Нерон усвоил превосходно; он знал, что обнаруженный им человек должен вначале отбиваться, а затем покорно идти за ним. Статью «взять» Нерон самовольно применял только на собаках, и всегда клочья шерсти летели в сторону, раздавался визг, и перепуганная свора разбежалась по подворотням. Без команды хозяина «взять!». Нерон еще ни разу не бросался на человека.

Широкий топор блеснул при свете молнии, но Нерон был уже около человека и рванул его за руку. Человек закричал от боли. Нерон решил больше не преследовать неизвестного, а «взять» его. Он схватил человека за горло. Оба упали на валежник. Толстый кожаный воротник спас человека – собака не могла сжать ему горло.

Не выпуская воротника, Нерон перехватывал его, подбираясь к горлу. Человек чувствовал его горячее дыхание на лице. Не делая резких движений, с большой осторожностью он нащупал у собаки затылок и опустил на него топор.

Но в то мгновение, когда лезвие топора погрузилось в густую шерсть, от страшной боли в области горла и от удушья человек потерял сознание. Тем не менее удар топора причинил собаке ранение. Она разжала челюсти и упала на землю.

Буря хозяйничала в тайге почти до утра. Свалив массу деревьев и вырвав с корнем береговые кусты, она только перед самым восходом солнца ушла на юг.

Солнце долго не могло проникнуть сквозь густой туман, а когда проникло, то осветило хаос разрушения, произведенный ночной грозой.

Выйдя утром из пещеры, Михайлов был поражен переменой в окружающей местности.

Во-первых, обращала на себя внимание Каменка, – она вышла из берегов и залила низкий левый берег. Далеко виднелась спокойная превосходность воды, не затронутая течение; стволы берез разлиновали воду белыми полосами; кусты походили на острова. В разных местах по основному руслу Каменки выросли песчаные отмели; ниже переката шла коса, почти перегораживая русло. У входа в пещеру намыло песку.

Михайлов спустился к заливику, где вчера он укрепил вращающийся камень. За ночь ствол березы, прорезанный трещиной скалы,

выдержал не один шторм разбушевавшейся Каменки; Но все было в порядке. После такой грозы вполне можно было рассчитывать на крепость «замка». Только человек мог вынуть ствол и, освободив камень дать возможность воде прорваться в пещеру.

Набрав валежника, Михайлов ушел обратно в пещеру, Он не спал всю ночь: раскаты грома почти до рассвета сотрясали каменные своды грота, да и, кроме того, его не на шутку беспокоило отсутствие Нерона.

После завтрака Михайлов пошел искать его. Осмотр он начал с провала в конце коридора. Собака могла упасть в широкий провал, хотя это было так невероятно – ловкий пес прекрасно лавировал между камней и, кроме того, знал не хуже него весь верхний горизонт пещеры. В провал сбегал ручеек мутной воды. В глубине виднелся широкий уступ, на котором при падении должна была бы задержаться собака. Михайлов, наклонившись над провалом, опустил на шнурке фонарик и осветил уступ. На площадке скопилась вода, лежала куча обвалившейся щебенки и больше ничего. В стороне чернела ниша – спуск на второй горизонт. Убедившись, что не совершилось самого худшего, Михайлов повеселел. Найти собаку в лесу ему казалось просто. Да, пожалуй, и искать не придется. Нерок где-нибудь ночью переждал грозу и теперь сам прибежит.

Русло Пропащей за пещерой было местами завалено ветроломом. На вывороченных корневищах еще блестели кристаллы полевошпатовых обломков, разорванные плети вьюнков висели на сучьях и прибитая ветром трава обнажала каменистый грунт. Солнце уже поднялось над деревьями, и сильно парило; холодные токи воздуха веяли из чащи.

Михайлов бродил по руслу Пропащей – единственной пока дороге в районе пещеры – и звал Нерона.

К полудню он ушел далеко на юг. Русло опустилось в низину; кругом его обступило болото и тальниковые заросли. Дальше идти было бесполезно. На обратном пути Михайлов ушел вправо и после трудного пути по бурелому вышел на берег Каменки километров на шесть ниже пещеры. На всем протяжении пути он не встретил ни одной дороги; узкие извилистые тропы почти все кончались у реки. Михайлов недоумевал, куда мог убежать Нерон. Возвращаясь поздно вечером в пещеру, он надеялся, что собака вернулась.

Надежда Михайлова оказалась напрасной – собаки не было. Вечерние длинные тени легли на поверхность воды, вытянулись стволы берез. На елях возились крикливые пищухи. Моховая полянка над самой водой, где обычно любил лежать Нерон, была пуста.

Михайлов с трудом заставил себя съесть обед. Уставший, он лег и быстро заснул.

Утром следующего дня Михайлов продолжал поиски.

Все сроки возвращения собаки прошли. С Нероном, очевидно, случилось несчастье.

На одной из лесных полян внимание Михайлова привлекла беспокойная серая птичка, похожая на кедровку. Она перелетала с куста на куст и кружилась над небольшим овражком. Михайлов направился к овражку, но птичка не улетала, она пронзительно кричала и кружилась в воздухе.

Около обрыва Михайлов остановился. На дне овражка лежал какой-то черный предмет. При внимательном рассмотрении, он оказался телом животного.

– Нерон! – крикнул он, узнав собаку. – Убили моего пса!..

Михайлов побежал к Нерону и наклонился над ним. Собака лежала между камней на правом боку в неудобной позе. Голова ее была откинута в сторону, глаза закрыты, нижняя челюсть отвалилась и свесилась бледно-розоватый сухой язык. От левого глаза и почти до уха шел широкий, покрытый мухами и мошкаррой, шрам. На камне возле головы были видны капли крови.

На шее была видна широкая рана.

Со дня овражка Михайлов достал пригоршню холодной воды и выплеснул ее на голову Нерона.

Когда вода попала в пасть собаки, та сделала едва заметное глотательное движение, язык вздрогнул и приоткрылся один глаз.

Нерон еще был жив. Михайлов облил голову собаки фляжки, соединил челюсти. Нерон подал явные признаки жизни, открыл глаза, подобрал задние ноги и тихо заскулил.

Оставив собаку, Михайлов принялся за осмотр овражка.

У подножья крутого откоса Михайлов заметил кучу свежей осыпи. Он подошел к месту обвала – на ровной плоскости илистого намыва ясно отпечатался след сапога. И на одном из уступов красно-бурые пятна. Это были следы крови, но уже не собаки, а человека. Михайлов убедился в том, что здесь произошла кровавая схватка Нерона с неизвестным человеком, появление которого было зрительно, а поведение загадочно.

Михайлов до пещеры донес Нерона на руках.

Промыв рану, он устроил ему подобие конуры на солнечном берегу Каменки. Перед вечером Михайлов пошел искать человека. Он еще раз осмотрел овражек и окончательно убедился в том, что собака преследовала человека по правому берегу Пропащей. Несмотря на довольно ясные следы, место встречи обнаружить не удалось. Выйдя на тропу за овражком, Михайлов пошел по следам. По их расположению можно было без ошибки заключить, что человек первые метров сто бежал. Должно быть, он боялся преследования, и затем перешел на неуверенный шаг.

Михайлов шел по сравнительно знакомой ему местности. Слева метрах в трехстах тянулось почти меридионально русло Пропащей. Тропа в весеннее время заливается водой – это один из притоков речки. Ниже, в километре расстояния, начинается низина. Там и без того непроходимая тайга погружена в непроходимое болото. Даже в жаркое время голубоватая

дымка стоит над лесом. В чаще полумрак, тучи комаров, а под ногами трясина.

Михайлов пробовал пробираться по болоту в надежде найти какой-нибудь островок. Но островка не было – редкие березы, густой тальник и заросли камыша уж никак не могли служить пристанищем человеку. Может быть, человек вернулся обратно? Эта мысль показалась Михайлову правдоподобной, но отсутствие обратных следов заставило его отказаться от этой догадки.

Так и не разыскав человека, ранившего Нерона, Михайлов вернулся в пещеру. Он ухаживал за Нероном, как за человеком, и уложил его на мягкой подстилке из мха в удобной нише. «Больной» чувствовал, по видимому, некоторое улучшение, – это было видно по блеску глаз и попыткам делать резкие движения.

– Лежать, лежать! – часто повторял Михайлов, поджаривая мясо для Нерона. Между тем запас продуктов был на исходе, оставалось килограмма два сушеного мяса, полбанки масла и сухари. Большим подспорьем были хариусы из Каменки, но рыбная диета уж успела надоесть и Михайлову и Нерону.

По состоянию собаки полного выздоровления можно было ожидать не раньше пяти-шести дней. Вынужденный остаться на этот срок на Каменке, Михайлов решил еще раз попытаться найти человека и, в случае неудачи, продолжить горные работы.

Но и последующие поиски не привели ни к чему. Из всех предположений об исчезновении человека наиболее вероятным казалось одно: раненый, он решил перейти, и при выполнении этой безумной попытки утонул.

Тогда Михайлов возобновил работу по поискам рубинов, Нерон весь день лежал на берегу Каменки на солнечной лужайке.

Прошло пять дней. Рана на шее Нерона заживала успешно. Нерон был уже снова бодр и весел. Наступил последний вечер перед уходом. Солнце опустилось в тучу узкая полоса чистого неба на западе приобрела пурпурную окраску. Такой закат предвещал дождь или ветреную погоду. Но ни то ни другое не могло задержать Михайлова. Мешок был уже упакован, ружье вычищено и драгоценные рубины лежали завернутые в промасленную бумагу на уступе стены. Собираясь уходить, Михайлов любовался ими все чаще и чаще.

Последнюю ночь Михайлов решил провести в пещере. Он спустился на нижний горизонт, снял подробный эскиз с выработки и забоя, на всякий случай убрал лестницу и принес охапку хвороста, принялся за изготовление ужина! Нерон растянулся рядом у костра на своей моховой постели – его ждала сытная еда.

После ужина, прежде чем лечь спать, Михайлов вышел из пещеры проверить свое предположение о перемене погоды. В темноте был слышен тихий плеск воды, вошедшей в берега Каменки, дул свежий

ветерок. На небе блестели яркие звезды. С запада подымалась туча, но ее, кажется, пронесло мимо. Над вершиной далекой горы посветлело небо – над горизонтом всходила луна. Признаки на перемену погоды были неопределенными. Постояв минут десять, Михайлов ушел обратно в пещеру. В грот постепенно пробралась ночная свежесть, и Михайлов устроился спать в нише, отделив себя от входа в нее костром, по другую сторону которого лежал Нерон.

Постепенно сторал легкий хворост, и только сырые толстые стволы тлели, превращаясь в уголья.

В полночь над лесом вошла полная луна и осветила безбрежное таежное море.

Вьется от болота узкая песчаная тропа; на поворотах и прогалинах луна проникает в чащу леса и освещает голубоватые галечные намывы. Тропа идет от болота на восток; она пересекает Каменку и по ее левому берегу между кустов тальника тянется на несколько километров. Тропу эту Михайлов не знает, иначе она бы его заинтересовала. На илистых намывах вперемешку с рисунчатыми отпечатками лапок лесных обитателей видны широкие следы сапог... Они еще свежи – острые кромки не осыпались и даже сохранились отпечатки шляпок гвоздей...

По тропе ползут тени. Лунный свет то гаснет, то вспыхивает. Быстрые облака скользят по небу и медленно на-двигается тяжелая туча...

Нерон внезапно проснулся и стал прислушиваться. Рядом с ним журчал ручей, потрескивали сырые головни – знакомые звуки наполняли пещеру. Кажется, не о чем было беспокоиться, но собака тем не менее насторожила уши.

Нерон слушал. Через равные промежутки времени к журчанию ручья присоединялись короткие тихие звуки, походившие на шорох шагов крадущегося человека...

Сгорела высохшая головня, и костер почти погас; куча угольев освещала только спящего Михайлова и нависший над ним белый известняковый свод.

Нерон медленно повернул голову в ту сторону, откуда доносился шорох, и стал всматриваться в темноту коридора. Шорох постепенно усиливался. Через некоторое время, когда вспыхнувшая головня озарила грот, Нерон вскочил и бросился вдоль ручья к выходу из пещеры. Добежав до кучи щебенки, он сделал прыжок через ручей, но вперед раздался глухой удар – и камень, повернувшись, загородит выход. Нерон ударился головой о камень и упал в ручей.

Отряхнувшись, он начал лаять и искать выхода, но камень настолько плотно прилегал к стенкам грота, что даже ручей почти лишился притока. Убедившись в невозможности выйти на поверхность, Нерон побежал обратно. Мимо костра он пролетел стрелой, даже не взглянув на спящего хозяина, перепрыгнул через провал и, миновав узкий коридор, выбежал в

лес. По берегу Каменки он обогнул гору и остановился у заводи перед белым камнем.

На площадке никого не было. Сделав несколько кругов около входа в пещеру, Нерон, низко опустив голову, побежал по тропе. Чутье вело его на берег Каменки.

Михайлов уже привык пробуждаться в тот момент, когда последняя головня издавала треск, похожий на птичий писк, рассыпаясь на уголья и падая в кучу золы. Отсутствие Нерона не удивило Михайлова – собака, верно, где-нибудь носилась в лесу, выгоняя из кустов задремавших птиц. Поставив на костер пирамидой несколько поленьев и подбросив хвороста, Михайлов снова лег.

Через час к разогревшемуся костру подошел мокрый и грязный Нерон. Он часто дышал и отряхивался.

Нерон отошел от костра и лег на берегу ручья, по дну которого едва сочилась вода.

Собака уже задремала, когда раздался плеск воды и высокая волна чуть не смыла ее с площадки в ручей. Волна так сильно ударилась о выступ, что веер брызг поднялся до потолка грота и зашипел костер. Нерон отскочил ближе к стене. В одно мгновение ручей превратился в ревущий поток, вода не умещалась в его русле, и уровень ее быстро поднимался...

Начало заливать площадку, костер, и Нерон, чтобы разбудить хозяина, несколько раз гавкнул.

Нерон стоял уже почти по грудь в воде, и только ниша где спал Михайлов, была еще сухой.

Вода заполнила всю почву коридора, мимо неслись гнилушки пней, четки деревьев – Каменка пошла по новому руслу...

Тогда Нерон прыгнул прямо на Михайлова. Тот проснулся. «Камень повернуло!» – сразу мелькнула у него мысль. Но раздумывать не было времени. Грот наполнился водой. Площадка – ниша – представляла собой остров среди бушующего потока.

Новой волной потушило костер, и в гроте стало темно. Нерон жался к ногам хозяина. Едва Михайлов успел зажечь фонарик, с которым он не расставался, как его сбросило с площадки. Такое количество воды могло прорваться в пещеру только в единственном случае – если полностью повернуть камень.

Михайлова несло по потоку; рядом с ним плыл Нерон. Пользуясь неровностями почвы, Михайлов иногда касался ее ногами. Впереди был провал, к которому несло человека и собаку. Только чудом можно было набежать, стремительного водоворота, который теперь грохочет вид отверстием. Михайлов несколько раз пытался схватить Нерона за ошейник, но собака не давалась.

– Ко мне, ко мне! – кричал Михайлов. Только в нескольких метрах от провала ему удалось схватить собаку за ошейник.

Перед провалом раньше была куча щебенки и больших камней. На последние рассчитывал Михайлов. Фонарик он держал в зубах, одной рукой держал за ошейник Нерона, и только вторая рука была свободна.

Михайлов напряг все силы, чтобы держаться у стены. Вода поднялась до пояса, но ее уровень с минуты на минуту повышался, так как провал поглощал только часть потока. Главная масса воды устремлялась дальше, по узкому коридору. В шести-семи метрах за провалом уровень воды достигал кровли, и дальше коридор представлял собою каменную трубу, наполненную быстро несущейся водой. Когда вода поднялась по грудь, Михайлов решил броситься вместе с собакой в кипящую воронку грота с расчетом, что бурное течение через несколько секунд выбросит их из пещеры наружу.

Как только он сошел с уступа, вода поднялась ему по горло. Осторожно, нащупывая ногами почву, Михайлов пробирался вперед, прижимаясь к стене.

У водоворота Нерона стало затягивать в провал. Михайлов тянул осторожно собаку к себе. Ошейник врезался в горло, и она стала задыхаться. Еще минута, и они оба исчезнут в водовороте.

Внезапно в освещенное фонарем пространство выплыло корневище сухостоя. Михайлов уже знал, что делать. Когда спасительная коряга приблизилась достаточно близко, он схватил ее за толстый сук, направил в сторону водоворота и, дождавшись момента исчезновения ее в горле провала, с силой оттолкнулся обеими ногами и нырнул в воду за водоворотом.

Едва он успел прижать уши Нерона к голове, как поверхность воды сомкнулась над ними. Михайлов втянул голову в плечи и прижал плотно к себе Нерона. Несколько раз Михайлов ударился о подводные выступы кровли. Должно быть, получив ушибы, бился Нерон.

Два сильных толчка, следовавших один за другим, заставили Михайлова открыть глаза. Он и собака лежали на ветках сломанного водопадом дерева. Под ним шумел поток. Нерон сразу вскочил на ноги и зафыркал. С дерева оба без труда спустились в безопасное место на камни. Михайлов осмотрелся. Поток выбросил его на левый берег Пропащей. Вода заполнила теперь ее русло. Благодаря большой разности отметок входа и выхода пещеры, водопад превратился в струю гигантского брандспойта. Живая сила такой струи измерялась десятками тонн. При свете ныряющей в облаках луны, блестела бурная поверхность Пропащей.

По тайге бежали тени. Свежий ветер гнал низкие лохматые облака.

Михайлов пошел вдоль берега бурного ручья. Луна освещала путь.

Появление в лесу человека заставляло Михайлова быть осторожным. Ему было ясно, что повернутый и заклиненный им камень кто-то поставил в прежнее положение, открыв тем самым доступ вод Каменки в пещеру.

Когда прибрежные скалы отошли на запад. Михайлов тихо позвал Нерона и велел ему идти рядом. Осторожно раздвигая кусты, он подошел к площадке перед входом в пещеру и из-за уступа стал смотреть вниз.

На берегу Каменки ярко пылал костер. Перед костром спиной к наблюдателю сидел человек. Около костра лежал ствол березы, служивший рычагом для вращающегося камня. Как только Нерон увидел человека, шерсть на его спине встала дыбом и напряглись для прыжка мускулы.

– Спокойно! – прошептал Михайлов и положил руку на голову собаки. Человек не спал, он поправлял головни и посматривал на темный вход в пещеру, куда с ревом устремлялась вода. Он выжидал.

Михайлов и Нерон тихо стояли за камнем. Человеку, должно быть, надоело сидеть, и он встал.

«Антипов!» – чуть не крикнул Михайлов, увидя лицо человека.

Теперь ему все стало ясно. Хищник-старатель, узнав, что метеоролог отправился в Таганайские долины, сообразил, в чем дело, и пошел следом. По пути, недалеко от пещеры, в бурную ночь он встретил собаку. При схватке оба пострадали, но Антипов нашел силы уйти в безопасное место и там укрыться.

Антипов задумал недоброе. Наводнение было его рук дело. В доказательство предположения Михайлова, Антипов подошел к пещере и, действуя стволом, как рычагом, начал поворачивать камень. Поток стал уменьшаться, и через некоторое время освободился проход. Антипов укрепил в трещине ствол, зажег от костра смолистую лучину и скрылся в пещере.

– Мерзавец, пошел посмотреть на мой труп, который, по его предположению, сейчас лежит на уступе в провале, – сказал Михайлов, выйдя из-за камня. – Однако ничего себе, хорош его план...

Не успел Михайлов кончить фразу, как внизу раздался треск, и сдерживающий камень рычаг сломался. Сильным давлением вода повернула камень и хлынула в пещеру снова. Все попытки Михайлова поставить на место камень не привели ни к чему. Обломок ствола был слишком короток. Не раньше, как через два часа, когда Михайлову удалось найти и сломать достаточно прочную березу, русло Пропащей было перегорожено.

Михайлов с ярко пылающей головой побежал по коридору пещеры вслед за последней волной.

Около провала поток еще бурлил.

Когда уровень воды понизился, на уступе провала Михайлов увидел тело Антипова. Руки его были вывернуты и неестественно запрокинута голова.

«Вывихнуты шейные позвонки... пробыл в воде не меньше двух часов», – заключил Михайлов.

С тяжелым чувством вышел Михайлов из пещеры. От его геологических инструментов осталось только стеклянная пластинка, случайно положенная им в карман, а от продуктов не сохранилось даже куска хлеба. Все остальное, в том числе и сверток с рубинами, унесло во время наводнения.

Началось утро. Около костра Михайлов нашел старый меховой пиджак, топор и пол мешка сухарей. К счастью, этого было достаточно, чтобы отправиться в обратный путь в Кусу.

ВОСХОЖДЕНИЕ НА ТАГАНАЙ

Вечерело. Заходящее июльское солнце багровыми отблесками отражалось в прозрачной воде озера Тургояка. Солнце позолотило верхушки стройных сосен на скалистом берегу.

На берегу озера, на распутье двух тропинок, уходящих в горы, стояли два молодых парня Павел и Леонид и ожесточенно спорили, а третий – здоровый детина с копной рыжих волос, Миша – сидел на берегу и меланхолично бросал гальки в воду, совершенно безучастно относясь к спору, который разгорался все яростней из-за того, куда свернуть – вправо или влево.

– Ну, теперь вам до утра хватит, – лениво пробурчал рыжий парень. Он прицелился и ловко пустил плоскую гальку рикошетом. Галька запрыгала по воде. По ее поверхности расплывались зеленоватые круги.

В разгар спора из лесу вынырнул парнишка лет тринадцати, с пестерем за плечами, в домотканном пиджаке и лаптях. Был он белобрыс и вихраст. Он остановился и молча слушал, как спорят два парня, которые в пылу спора забыли обо всем на свете. Затем подошел к рыжему и тронул его за плечо.

– Что это они спорят? – спросил мальчик.

– Горячие. Перепутали все и спорят, по какой тропе в Куштум идти, – лениво обернувшись, ответил рыжий,

– Я сам оттудова. Вон по той надо, – парнишка указал на право.

Тогда сидящий неторопливо поднялся и подошел к спорившим:

– Довольно болтать. Проводник нашелся!

Ребята разом обернулись.

– Ты откуда взялся? – обратился один из споривших к мальчику.

– Из Куштумги.

– Вот нам туда-то и надо, а потом на Таганай. Проведи нас по этим местам, мы тебе заплатим. Отец тебя отпустит?

– А што ему меня держат. Я дома мало живу. Все по лесам хожу.

Соглашение состоялось.

* * *

Три свердловских студента: Леня Костомаров, Миша Дубровин и Паша Соколов сговорились пройти за время каникул пешком по Южному Уралу. Они слышали от многих, что Южный Урал по праву считается советской Швейцарией.

Сборы были недолги. Доехав поездом до Миасса, дальше двинулись пешком.

В Миассе, в краеведческом музее, им посоветовали до Златоуста идти тропинками прямо через горы по маршруту: Миасс – озеро Тургояк – Куштумга – Таганай – Златоуст.

Заведующий музеем, ходивший по этим местам десятки раз, подробно объяснил им направление тропинок и даже нарисовал план.

– С планом вы не собьетесь с пути, – сказал он на прощанье. – Обязательно идите по этому маршруту. Вы увидите самые интересные места на Южном Урале. С помощью этого плана туристы пришли к вечеру в большое село Тургояк, расположенное на берегу одноименного озера, в 20 километрах на запад от Миасса.

Переночевав в доме отдыха на берегу озера, с утра начали осматривать окрестность. Их восхищению не было границ.

Не даром об озере Тургояке ходит слава; как о самом красивом озере на Южном Урале.

Окруженное горами и лесами, на двенадцать километров в длину и шесть в ширину раскинулось это глубокое голубое озеро.

Вода его, имеющая радиоактивные свойства, настолько чиста и прозрачна, что с лодки простым глазом видно, как на дне плавает рыба. Дно усеяно песком и мелкой галькой. Озеро славится обилием рыбы – главным образом окуней и щук.

Ребята не устояли против соблазна покататься по озеру. Наняв у рыбаков лодку, они отчалили от берега. Двое гребли, а Миша мирно дремал на корме лодки. Скоро показался маленький скалистый островок Вера. Причалив к нему, они нашли там рыбаков из Тургоякского колхоза. Рыбаки угостили их свежей ухой и рассказали, что около другого берега, на Пинаевском острове, раньше был кержацкий скит и сейчас еще сохранилась пещера, в которой жил когда-то отшельник.

Осмотрев островок Веру, туристы решили отправиться туда.

– Смотрите, ребята, – предостерег их старый рыбак, – время к вечеру. Как бы буря не поднялась.

– Ерунда! – возразил Леонид. – Мы не маленькие.

– Ну, как знаете!

Оттолкнув лодку от берега, студенты отправились дальше. А небо и в самом деле нахмурилось. Лодку уже подбрасывали набегающие волны. Грести становилось все труднее. Издалека доносились раскаты грома.

В бурю озеро Тургояк становится неузнаваемым. Высокие волны с разбегу бешено бьются о скалистые берега. Бушует озеро, пытаясь вырваться из кольца гор. Горе неопытному человеку оказаться на озере в разгар бури ежегодно здесь гибнуть зазевавшиеся новички.

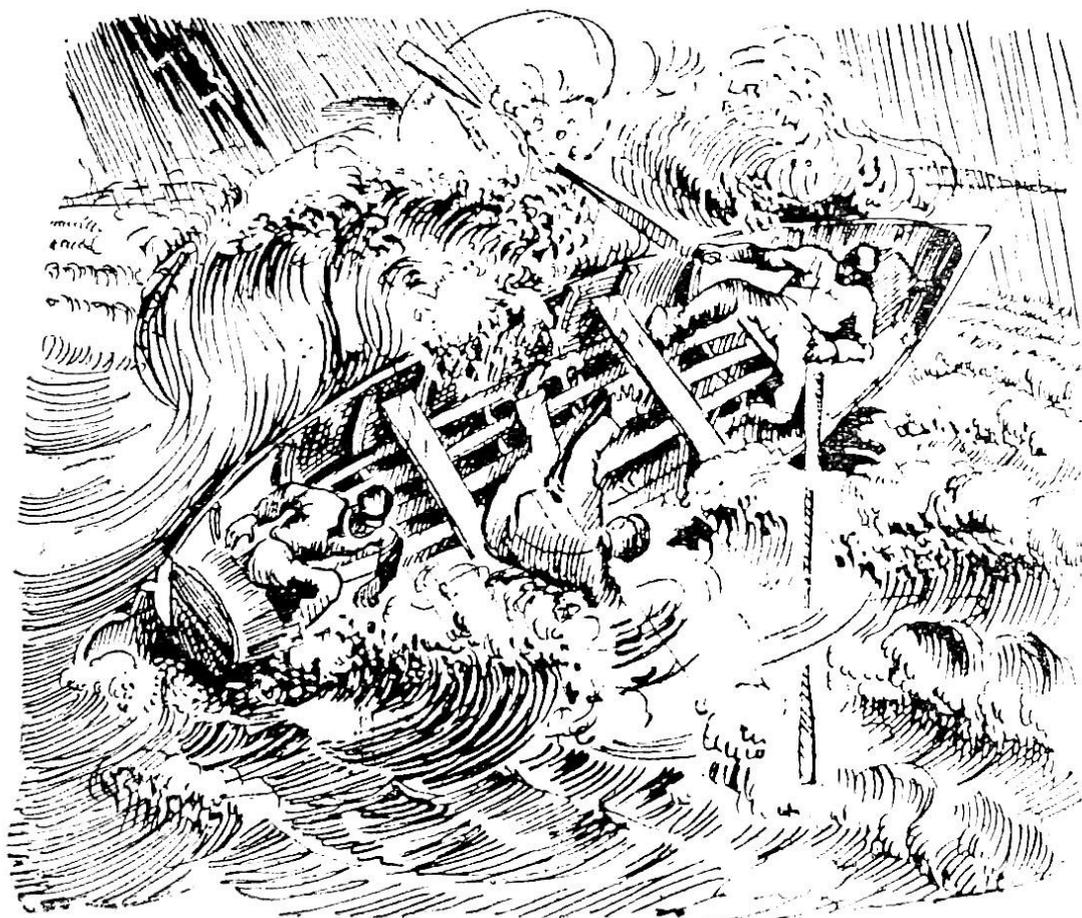
Миша не на шутку перепугался. Большие волны высоко подбрасывали лодку. Озеро потемнело. Далекий берег скрылся из глаз. Назад вернуться было нельзя – ветер гнал лодку к противоположному

берегу. Сверкнула молния, загремел гром, еще сильнее запрыгали волны и ребята съжились под потоком дождя.

Когда уже до Пинаевского острова осталось недалеко, на лодку обрушилась огромная волна. Мише показалось, – она была не меньше двухэтажного дома. Он бросился на дно лодки, выпустив из рук кормовое весло.

– Что ты делаешь? – закричал Леонид.

Но было уже поздно. От резкого толчка лодка, ставшая боком к волне, опрокинулась, и ребята очутились в воде. Лихорадочно работая руками и ногами, они поплыли к острову.

От резкого толчка лодка опрокинулась

– Выбрасывай камень! – хрипло крикнул Павел.

Плывя на спине, потерпевшие крушение торопливо выбрасывали из карманов камни, собранные на острове Вере.

Плыть стало легче. Лодка исчезла, увлекаемая вдаль.

Отчаянными усилиями борясь с волнами, ребята с трудом добрались до острова. Стоя на скалистом берегу они наблюдали разыгравшуюся стихию.

– Ну, робинзоны! – обратился к ним Леонид. – Придется здесь ночевать.

– Небольшое удовольствие ночевать под дождем, – проворчал Миша.

– Сам виноват. Зачем опрокинул лодку, – упрекнул его Леонид.

– А пещера! – вспомнил Паша. – Давайте-ка поищем ее, пока ночь не наступила.

Не меньше часу, спотыкаясь о камни, бродили они в темноте, отыскивая пещеру. Попали в болото и еле выбрались из него, пробираясь в камышах. Продрогли, потеряли всякую надежду найти пещеру.

– Ребята, огонь! – закричал вдруг Павел.

И в самом деле, невдалеке, прорезая тьму, сверкал огонек. Ребята бегом бросились туда и вскоре очутились у входа в пещеру. В камельке горел огонь. Широкоплечий, густо-бородый, лохматый старик сидел у огня и варил уху.

Когда вошли ребята, он поглядел на их мокрую одежду и усмехнулся:

– Искупались?

– Искупались, дедушка! – хором ответили ему потерпевшие крушение.

– Ну, ничего. Хорошо, что не утонули. Раздевайтесь. Сушите одежду, да сами грейтесь.

Угостил их ухой, разговорился. К ребятам вернулось хорошее настроение. Они засыпали старика вопросами.

– Тургояк, это тебе не простое озеро. Чуть не угодил ему – утопит беспременно. Разгуляется, разбушуется – беда. Видно, у вас, ребятки, богатое счастье – спаслись, а то бы тут и вашей жизни конец, – говорил дед.

– Дедушка, а ты откуда сам будешь?

– Крапивин я. Тут за горой Куштумга есть. Может, слышали?

– Туда мы и пробираемся.

– Ну дак вот, я оттудова родом.

– А как сюда попал?

– Рыбачил. Живу я наискосок, на берегу, смолу курю да рыбу ловлю.

Поговорили еще немного со стариком, высушили одежду и легли спать. После пережитого волнения спалось крепко.

Утром Крапивин разбудил их.

– Ну, ребята, поехали на берег.

Подплывая к смолокурке, ребята обрадованно вскрикнули. На берегу лежала лодка, на которой они вчера потерпели крушение.

– Вишь ты, на берег выбросило. Э, да это кумова лодка-то! – заметил старик.

Ребята обрадовались.

– Дедушка, ты переправь ее хозяину, а то он, наверное, ругается.

- А что переправлять-то. Он ко мне часто ездит. Приедет и возьмет.
- Значит, лодка не пропадет?
- Знамо, нет.

Крапивин показал им свою смолокурку. Смолокурка была маленькая, самого простого устройства. Смолье и бересто для курения смолы и дегтя он добывал тут же, в лесу. Старик почти круглый год проводил на берегу озера, изредка наведываясь в деревню.

- Здесь вольготнее жить. Ругаться не с кем. Обидеть тоже некому.
- А не скучаешь? – спросил его Леонид.
- А что скучать-то? Тут места веселые. Посмотри-ка кругом. Глаза радуются – такой тут простор.

Понравились Крапивину веселые ребята, и он предложил попутным делом повезти их вдоль берега Тургояка на Озерские печи.

– Не пожалеете. Увидите хорошие места. А после обеда пойдете дальше, в Куштуму. Поехали?

Ребята с радостью согласились. Предложение старика давало им возможность лучше осмотреть берега чудесного озера.

Озеро было великолепно. Освещаемое утренним солнцем, оно ослепительно сверкало. На берегу высились стройные высокие сосны, перемежаемые кудрявыми березами. За поворотом увидели, как в зеленом уборе лесов высится круглой вершиной гора.

- Это что за гора?
- Пугачевской называется.
- А разве Пугачев здесь проходил?
- Сам не видал, а деды сказывают, что тут его помощник с войском стоял. К нему со всех сторон мужики шли, которые обиженные были. Сказывают, хороший человек был, помощник-то. Строгий, но справедливый. Богатых не миловал, но бедных любил. Грамота ему была такая от самого Пугачева. Вот с тех пор гора так и называется.

Крутой берег постепенно понижался. Сосновый лес сменился лиственным. Вскоре лодка повернула в узкий залив. Крапивин указал на дым, выющийся над деревьями.

- Озерские печи. Заедем к брату – он нас обедом накормит.

Минут через десять пристали к берегу.

В двухстах саженях от берега расположились над озером Озерские печи. В сосновом бору беспорядочно раскинулся десяток изб, а повыше вытянулись в ряд восемь углевыжигательных печей. Около них стояли длинные поленицы заготовленных дров, а в угольных сараях и просто в отвалах лежал выжженный уголь. Зимой по первому санному пути углевозы повезут его на Златоустовские домны.

- Дедушка, расскажи нам, как выжигается уголь, – попросил Леонид.

Крапивин подвел их поближе к печи.

– А вот смотрите сами. В печь сажают дрова, березовые там или сосновые или еще какие. Потом печь наглухо закрывают и все щели

замазывают, чтобы продуха не было. Не дай бог, если продух где-нибудь окажется – все дрова начисто сгорят, тогда начинай все сначала. Тут зоркий глаз нужен. Ну, ладно. А внизу, под печью, устроена топка. Кочегар ее бесперечь топит, чтобы был одинаковый жар. Дрова-то, значит, не горят, а томятся и помалу превращаются в уголь. Пока из дров не потечет серя по желобку, все топит кочегар топку. А когда потекла сера – тут уж и довольно топить. Начинают печь остуживать. Дрова уже сделались углем. Через двое суток печь открывают и начинают выламывать уголь. А потом сызнова садку дров делают.

– А как раньше уголь жгли?

– Раньше-то? А тогда никаких печей не было. Уголь мы жгли в кучах.

– В каких кучах?

– А это вот как делалось. Кладется несколько рядов дров, поленницы вроде. Их плотно закрывают свежим дерном, а сверху засыпают землей и утаптывают. Получается высокая куча. У нее тоже есть вроде топки. Ну вот, сидишь и караулишь, как томятся дрова, как из березового полена делаются угольки. Только в кучах уголь хуже получается. Часто дрова загораются, и приходится тушить пожар. Так бывало все лето и живешь в лесу. Дрова рубишь да кучи жжешь.

– А это не опасная работа?– спросил Миша.

– Как тебе сказать. Ничего такого ровно нету. А бывают, конечно, и тут случаи. Помню, еще молодым когда был, утаптываю землю на куче, а в дерне-то, видать, щель появилась, али вовсе это место не заложили. Топтал, топтал, а потом не успел голосу подать, как провалился с головой меж поленниц в самую середину кучи. Провалился и сижу. Позвать некого – моя куча в стороне была. Сам выбраться тоже не могу. Так я весь день и целую ночь и просидел в куче. Боялся все, как бы кто топку не зажег. Только на другой день, когда мой парнишка принес мне обед из деревни и позвал на помощь людей, вытащили меня из кучи, всего исцарапанного.

Осмотрев печи, ребята стали собираться в путь.

– Идите по тропе вдоль озера, – сказал им на прощанье Крапивин. – А как дойдете до речушки, поворачивайте направо. Перейдете через гору – там будет тракт.

– Спасибо тебе, дедушка, за добрую встречу, – сказал ему Паша, крепко пожимая руку.

– Не за што. Заходите еще, коли путь будет.

Тропа вилась вдоль берега. С веселой песней ребята шагали вдоль берега озера Тургояка. По дороге они искупались в маленьком заливе. Купаться было приятно. Вода теплая, дно чистое, нечем ногу ушибить – все устлано песком и мелкой галькой. Выкупавшись, долго лежали на песке. Но вот солнце стало склоняться к закату.

– Пора и в дорогу, – забеспокоился Леонид.

И снова все трое зашагали по извилистой тропе.

Вскоре они дошли до быстрой речушки, которая журчала в камнях и с обрыва низвергалась в озеро. Все невольно, очарованные, остановились и долго наблюдали за тем, как сверкает на солнце падающая вода.

– А красиво же здесь, ребята! – воскликнул Павел.

– Здорово, – подтвердил Леонид. – Однако, пошли дальше! – и он, повернув по тропе налево, решительно зашагал в гору.

– Куда? Куда ты пошел? – закричал Павел. – Направо надо.

Леонид остановился.

– Ничего подобного, – возразил он. – У тебя, верно, память отшибло. Старик сказал, что надо свернуть налево.

Тут-то и разгорелся жестокий спор, описанный нами вначале, и только неожиданное появление парнишки прекратило препирательства горячих спорщиков.

Нанятый ими в проводники уверенно повел их по тропе. Перевалили через гору и вышли на зимний тракт. Уже стемнело, когда Володя Кирьянов (так звали парнишку) привел их в деревню Куштумгу.

* * *

Ум самого подножия Уральского хребта, закинутая в глухие леса, окруженная высокими горами и тропками болотами, стоит на косороге деревушка Куштумга.

В ней 120 дворов, хотя остановились здесь жители около 1760 года, когда строился тульским купцом Мосоловым Златоустовский завод. Пригнали тогда семь семей крепостных сюда, в непроходимую тайгу и сказали:

– Живите здесь. Работайте. Дрова рубите да уголь томите. А убежать вздумаете – пощады не дадим.

С тех пор и живут здесь углежоги и лесорубы. Лес их кормит одевает и согревает.

На 120 дворов – всего только 10 фамилий. Все коренные, давнишние. Одних Волокитных – 31 двор.

Со времени основания деревни лесорубы и углевозы работают на Златоустовские домны, что расположены в 25 километрах, по ту сторону Уральского хребта.

Хлеба не сеют, потому что вокруг горы не проходимые леса да болота – непригодные места для посевов.

Колхоз здесь особенный – лесной. Уголь, дрова, баклажки и деготь – вот что производит он. Да еще продает возами малину и бруснику на городском рынке. Ягоды здесь всякой множество: малина, брусника, черника, земляника, голубика, клюква.

Около самой деревни, на берегу Куштумги, у Вороньего омута, расположились углевыжигательные печи, построенные уже после революции. А дальше, вреди лесов, по течению маленьких горных речек,

стоят печи Сухаменские, Индаштинские, Озерские и Галовские. Зимами со всех пяти печей окрестные углевозы везут через Уральский хребет древесный уголь на Златоустовский завод.

Солнечным утром вышли ребята из Куштумги по тракту на север, направляясь на Таганай. Вел их шустрый проводник Володя Кирьянов. Он охотно сообщал им сведения о местах, по которым они проходили. Ему нравилось, что взрослые парни разговаривают с ним, как с равным. Дорога вилась над речкой, скрывающейся в зарослях черемухи и тальника, вдоль Варгановой горы.

Когда они дошли до Волокитинской дороги, Володя показал им на хребет.

– Вон там, за хребтом, из болота две речки в разные стороны бегут.

– Так это значит здесь водораздел? – спросил его Павел. И ребята вспомнили рассказ миасского краеведа.

Около самого хребта, на плоскогорье, раскинулось большое болото. Из него вытекают две маленькие речки – Большая Тесьма и Киолима. Выйдя из одного болота, они, как поссорившиеся, текут в разные стороны. Не даром сложена о них такая легенда.

В далекие времена, когда на Урале звери редко видели человека, когда на сотни верст вокруг не было никаких поселений, на этой горе жили две речки-сестры: Киолима и Тесьма.

Жили они дружно, текли рядом и никогда не ссорились. В ясную погоду улыбались, отражая в себе яркие прибрежные цветы и голубое небо. Играли с каменными россыпями, с разбегу бросались на скалы, падали с них стремительно вниз, сверкая брызгами на солнце.

Иногда приходил сюда высокий, стройный лось – смелый и красивый вожак. Он приводил сюда на водопой свое стадо, и здесь оно отдыхало. Вожак купался в воде речек-сестер.

Но вот полюбила Тесьма красавца лося сильной любовью. И сказала она лосю:

– Люби меня одну. Не ходи к Киолиме – вода моя мягче и вкуснее. Берега мои красивее. Когда тебе придет время вести стадо на север, я скроюсь под землю, и ты проведешь стадо, не замочив копыт.

Увлекла его Тесьма жаркими словами. Показалось вожаку, и в самом деле Киолима – плохая речка, и перестал он водить свое стадо на ее берега.

Заскучала Киолима.

Когда уводил вожак свое стадо на север, Тесьма бросилась под землю и обнажила свое русло, и все лоси прошли, не замочив копыт, и скрылись в лесу.

Когда ушли лоси, Тесьма решила снова вернуться на белый свет, в свое русло.

Но не тут-то было.

Киолима завалила выход огромной скалой. Испугалась Тесьма, заплакала, куда ни кинется – нигде ходу нет. Попала она навеки в сырую и темную подземную тюрьму Стала Тесьма у сестры пощады просить. Год плакала наконец, разжалобила сестру. Выпустила та ее на белый свет, но через глиняный грунт, за пять верст от своих берегов.

Вышла Тесьма на волю и не радуется: испортила Киолима, сестра-соперница, ее красоту. Берега у нее стали вязкие, болотистые, а воды ее – желтые, грязные. Разгневалась она и повернула в другую сторону от сестры. На другой год снова привел вожак свое стадо. Поглядел он на Тесьму, сразу разлюбил ее и повел лосей прочь. Звала, приглашала к себе Киолима – но не пошел лось и к Киолиме.

Гордо шел он на восток, не оборачивая головы назад. С тех пор Киолима и Тесьма стали врагами и текут в разные стороны: первая по одному склону, вторая по другому склону Таганая.

Так в поэтической форме объясняет легенда водораздел в этой горной точке Уральского хребта. Пути этих речек таковы:

Тесьма впадает около Златоуста в Ай, Ай – в Уфимку, Уфимка – в Белую, Белая – в Каму, Кама – в Волгу, Волга – в Каспийское море.

Брось в Тесьму кедровую шишку, и, если она по пути нигде не застрянет, уральские воды унесут ее в далекое Каспийское море, в незнакомые, теплые края.

А Киолима убегает от сестры на север. Она впадает в Миасс, Миасс – в Исеть, Исеть – в Тобол, Тобол – в Иртыш, Иртыш – в Обь, а Обь несет свои холодные воды в Ледовитый океан.

И может быть, и сейчас упавшая в воды Киолима другая кедровая шишка вмерзла в льдину и плавает в холодных северных просторах.

Так разошлись пути двух горных речек.

...Ребята перешли шаткий мост, перекинутый через реку Куштумгу. Здесь она, резко повернув на север, идет узкой долиной между Варгановой и Красноглинной горами, чтобы около Исылского бугра вырваться из плена гор и кинуться в дремучие леса на восток.

Здесь путники задержались не надолго. Они тщательно осмотрели бугор, где увидели залегание слюды. Блестящие слюдяные плитки валялись на земле.

– Мы, когда ходим по малину, берем с собой эту слюнду играть, – сообщил Володя.

– Не слюнду, а слюду, – поправил его Ленька.

– Ну, все равно. Она красивая. Здесь ее француз в японскую войну добывал, а потом что-то бросил. А то прямо ящиками куда-то ее отправлял.

Записав в блок-нот местоположение слюдяной залежи, ребята с Исылского бугра спустились в красивую березовую рощу. Все березы казались одетыми в белые, чистые халаты.

За рощей показались Сухокаменные печи. Они ничем не отличались от остальных. Осмотрев их, тронулись дальше. Дорога стала подниматься вверх. В семи километрах от печей они взойшли на Филинский стан, как раз на перевале. Здесь, около Гранитного утеса, устроили короткий отдых. И снова, входя в роль опытного проводника, Володя сообщил им:

– Тятка сказывал, что он здесь робил пять годов назад.

– А что он делал здесь?

– Гранат добывали. Инженерша какая-то тут распоряжалась.

– Тут наверное, не только гранат в земле спрятан, – сказал Леонид, записывая эти сведения в блокнот.

– Ты не записывай, копать все равно нельзя, – заметил юный проводник.

– Почему?

– Вода затопит. Дедушка сказывал: Таганай рыть начали, а оттуда вода как хлынет – все и разбежались. А в Тагане всякие камни есть: и красные, и зеленые, и еще много других.

– Удивляюсь пожал плечами Паша, – почему сюда геологическую экспедицию не пошлют.

– А вот кончай институт, да и приезжай сюда ковыряться, – усмехнулся Миша.

– Подожди до всего доберемся, – авторитетно заявил Леонид. – Урал и на сотую долю не разведан. Вон посмотри, – он указал на висящий в дали Таганай. – Никто еще не знает, какие богатства в нем скрыты. А будет время – все пойдет на пользу Советского Союза.

Взглянув на Таганай, Володя поторопил их:

– Пойдемте скорее, а то не успеем.

– А что? – торопливо спросил его Миша.

– А видишь?

* * *

Вершину Таганая заволакивала черная туча. Вот уже он стал виден только наполовину.

– Гроза большая будет. Дождище будет большущий. Тогда тропкой через болото не пройдешь. Кругом придется обходить.

Молча, быстрым шагом пошли ребята вперед. Дорога, извиваясь между скалами, привела их в глубокую долину, где теснились утесы Исыла и слышался грохот далекой грозы на вершине невидимого для глаз Таганая.

Деревья тревожно качали вершинами. Птицы замолкли. Лес под порывами ветра шумел и трещал.

Вот и тропа. Володя свернул на нее и пустился бежать. Спутники бросились за ним. В лесу потемнело. Тучи покрыли все небо. Не успели

они пройти еще болото, как молния разрежала мрак. Загрохотал гром, гулко отдаваясь в горах.

И вот разразился сильнейший ливень. В одну минуту все смокли до нитки. Шли молча, стараясь не оступиться в болото. Тропу было трудно различить. Но Володя уверенно шел вперед, торопя своих спутников.

– Давайте где-нибудь укроемся, – завопил выбившийся из сил Миша.

– Еще в темноте влетишь куда-нибудь и не выберешься, – поддержал его Павел.

Гроза разбушевалась не на шутку. Громовые раскаты, казалось, потрясали горы, словно кто-то бил по ним огромной кувалдой. Вдруг вблизи грохнулось на землю дерево, раздробленное грозой. Ребята испуганно отскочили в сторону и остановились.

– Володька, где ты? – испуганно крикнул Леонид.

Ответа не было.

Огромная сосна перегородила тропинку. Ребята лихорадочно шарили руками вокруг. Спичку зажечь было невозможно.

Дважды обшарили они ствол сосны. Володи не было. Миша в изнеможении сел на ствол.

– Может, его в болото сшибло? – пробормотал он.

– Давайте поищем, – предложил Леонид и первый спрыгнул с тропинки в сторону.

– Помогите! Тону! – дико закричал он тотчас же, ибо, спрыгнув, сразу же погрузился в тину. Его неодолимо тянуло вглубь.

Паша, схватив толстый сук, кинулся к нему.

– Держись!

Леонид ухватился за сук обеими руками.

Общими усилиями Паша и Миша вытащили его на тропинку. Весь он был облеплен липкой грязью. Тяжело дыша, он спросил:

– Где же Володя?

– Утонул наш проводник! – со слезами в голосе пробормотал Миша и отвернулся в сторону. Плечи его вздрагивали.

Ребята подавленно молчали. В голове у всех бродили тревожные, невеселые мысли.

А кругом грохотала гроза. Казалось, еще немного – и небо расколется, а горы опрокинутся в болото.

Испуганные, стояли они в темноте под яростным ливнем, не зная, что предпринять и куда идти.

Вдруг в промежутке между ударами грома они услышали звонкий крик откуда-то из темноты.

– Это Володька! – радостно завопил Миша. Стараясь не сбиться с тропинки, ребята бросились и крик.

И вот уж Володя стоит рядом с ними и весело смеется:

– Где вы пропали? Я кричал, кричал. Думал не знаю што...

– А ты куда девался? – сердито спросил Леонид.

– Балаган искал. Тут он, недалеко. Не прошли они и ста сажен, как вышли на пригорок Почувствовав под ногами твердую землю, облегченно вздохнули. Балаган стоял на бугре, среди высоких сосен в стороне от тропинки. Через полчаса все сидели около камелька, в котором весело потрескивал огонь, и смеялись над своими недавними страхами.

– Чей это балаган? – спросил Паша.

– Охотничий. Дядя Максим построил.

– Ну и молодец же ты, Володька, – похвалил его восхищенный Леонид.

Выспавшись в балагане, путешественники утром пришли на берег Киолимы, где стоят Верхнекиолимские углевыжигательные печи.

Киолима, как маленькая юркая змея, вьется между Таганаем и Исылом и, огибай их, уходит дальше в урман, а здесь, над самыми печами, сияет на солнце высокими утесами красавец Таганай, достигая высоты 1400 метров.

Таганай – священная гора башкир, Населявших прежде этот край.

По преданиям, в незапамятные времена под горой было башкирское село. Жители поклонялись горе, на вершину которой раз в месяц спускалась луна. Из далеких сел, за сотни верст по горным тропам, через дремучие леса приходили башкиры поклониться священной горе.

Но все это народные легенды, древние предания, – а перед глазами восхищенных ребят высился живой Таганай, с высокими вершинами, с цепью горных кряжей, протянувшихся вплоть до Златоуста.

Осмотрев печи, они перешли по узкому мосту через бурную Киолиму и устремились по тропе вверх, туда, на вершину.

Тропа вилась вверх через хвойный лес, через вырубленные делянки, поросшие высокой травой и кустами малинника.

Выше! Выше! Вот уже лес редееет. Чаше встречаются каменные россыпи, деревья становятся ниже.

Выше! Ельник и пихтач остаются за спиной. Их заменили багульник, можжевельник, карликовые березы.

Из скал бьет холодный ключ и бурными каскадами низвергается вниз по склону, чтобы превратиться в горную речку.

Вокруг в разные стороны, окруженные скалистыми грядками, раскинулись широкие поляны, поросшие мхом и брусничником.

Брусники неописуемо много. Здесь ее черпают железными бралками. Наберут ведро и тащат на стан, где стоят телеги с огромными корзинами. Возами отсюда бруснику и голубику в Златоуст возят по горному тракту.

Отдохнув у ключа, ребята начали взбираться на вершину Таганая. Подъем был очень труден. Ежеминутно рискуя свалиться вниз, медленно продвигались они вперед.

Из-под ног летели камни. Володя, как горная коза, легко взбирался вверх.

Отдохнут на выступе минут пять, а он уже их снова подгоняет:

– Скорей! Скорей! А то как закроет все облаками, туманом заблудимся и свалимся вниз.

– Какие тут облака? – возразил Миша. – Вокруг все ясно

– Ты еще ничего не знаешь. Сейчас ясно, а, глядишь все туманом закроет. Тут место такое, – поучал юный проводник.

И он снова двинулся вперед.

Выше! Выше! Вот уже они пробираются сплошной россыпью. Вот уже ползут, осторожно перебираясь с камня на камень. Дует легкий ветерок. Еще напряжение – и они на вершине.

Но как же здесь хорошо!

Под ногами необозримо море зеленых лесов. Цепи гор синеют вокруг. На севере, среди лесов, маячит величественная вершина Юрмы. На юге вдали виден город Златоуст, горы Косотур, Уреньга, а еще дальше Иуртуш.

На востоке могучей стеной стоит Урал-Тау (главный хребет). За ним озеро Увильды, а еще дальше, в солнечном мареве, чуть виднеется далекий Кыштым. Правее сверкает озеро Тургояк, за ним Ильменский хребет и город Миасс.

Тут и там среди лесов маленькими прогалинами виднеются лесные деревушки.

Синь. Простор. Необъятность.

Хочется громко кричать, петь, чтобы голос твой отдавался по округе, эхом ударяясь в горы, перелетая дальше. Хочется набрать полную грудь горного воздуха и пить его, как целебную воду.

Здесь, на высоте, под облаками, земной шар кажется более осязаемым и понятным. Здесь яснее, чем в учебнике, раскрывается история земли, становятся ясными те далекие времена, когда гигантские смещения земной коры выдвинули, возвысили эти хребты и вершины. Земля шаталась, она вставала на дыбы, и на память от тех времен остались прекрасные горы. Сколько же богатств таят в себе они? Сколько полезных руд ждут человека? Ждут, когда он придет и вскроет их недра, наполненные сокровищами.

Долго стояли на вершине и мечтали трое ребят. Они мечтали о прекрасном будущем, которое будет еще лучше нашего радостного настоящего. Они стояли и смотрели, пожирая глазами просторы.

Очнувшись от очарования они лишь тогда, когда туча начала окутывать вершину и юный проводник дернул за рукав Леонида. Тот обернулся.

Володя молча показал ему на соседнюю вершину.

– Надо спускаться вниз.

Тем же путем осторожно стали спускаться они с вершины.

Когда они вошли в балаган около ключа, снова началась гроза с проливным дождем. Но она уже была не страшна. Раздевшись, в одних трусах, ребята выбежали под ливень, радостно хохоча.

Ливень прошел. Выглянуло солнце, и еще прекраснее стало вокруг.

Проголодавшийся Миша деловито кипятил чай.

Володя с Пашей ушли на западный склон за голубикой.

Они прошли мимо высокого утеса, а затем перевалили через невысокую гряду скал. Нагибаясь, Паша подбирал небольшие камни, отбивал некоторые молотком, клал их в карман и бормотал про себя.

– Авантюрин... Гранат... Сланец... Кварц...

Володе то и дело приходилось окликать его. Но вот и склон. Он весь усеян кустиками спелой голубики. Склон круто обрывался вниз.

Дул свежий ветерок. Володя и Паша, ползая на коленках, собирали в котелки голубику. Паша, сидя на корточках над обрывом, наполнял свой котелок и восхищенно покрикивал:

– Вот это да. В жизни не видал столько ягод!

Вдруг резким порывом ветра его бросило в сторону.

Он вскрикнул, взмахнул руками и покатился с обрыва. Котелок, перегоняя его, звенел о камни, а затем исчез внизу.

Володя стоял, словно охваченный столбняком, без крика, без движения. Он видел, как, взмахивая руками, Паша пытался ухватиться за камни. За мелкий кустарник и снова катился вниз.

Но вот ему удалось ухватиться за кустик. Напряга последние силы, он подтянул тело, и ногами и руками обхватил его. Кустик гнулся и потрескивал. Тогда он, осторожно цепляясь за траву, за камни, пополз вверх. Метр за метром медленно полз он к группе огромных камней торчащих из заросли карликовых березок. Вот он добрался до них, укрепился ногами и руками и, тяжело дыша, взглянул наверх.

Тогда Володя схватил котелок и стремглав бросился бежать.

– Куда ты? – крикнул Паша, но тот уже исчез.

Ленька и Миша, не дождавшись товарищей, начали пить чай, когда в балаган ворвался испуганный Володя. Ребята вздрогнули и вопросительно взглянули на него.

– Паша свалился вниз! – крикнул он.

– Где?

– Там, за утесом.

– Пошли скорее! – крикнул Леня и бросился к двери.

– Постой, веревку надо, – Володя начал шарить под нарами. Он знал, что на случай несчастья в балагане всегда лежала крепкая веревка. И он нашел ее. Это была длинная пеньковая веревка с петлей на конце.

Через пять минут они были на краю обрыва.

– Жив? – крикнул Леня.

– Жив! – раздалось снизу.

– Сейчас мы тебя вытащим. Ты не сильно расшибся?

– Нет, не очень.

– Лови веревку!

Укрепив веревку за камень, другой конец с петлей бросили Паше. Он поймал ее, обвязал вокруг пояса и медленно пополз вверх, подтягиваемый товарищами.

Ближе, ближе. Еще немного – и его голова уже показалась над обрывом. Он уже протянул руку, чтобы схватиться за камень, как вдруг с диким криком отпрянул в сторону.

Ребята пошатнулись, едва не выпустив веревку из рук.

– Змея! – закричал Паша. – Тащите! Тащите!

Сильным рывком ребята выдернули его на площадку.

Еще секунда, и было бы поздно.

Большая серая змея, шипя, взметнулась из-под и камней, только что полз Паша.

Все отскочили в сторону. А Володя, схватив камень, с силой бросил его в змею. Змея упала обратно на камни, с вившись в кольцо, скатилась вниз.

Укрепив веревку за камень, другой конец с петлей бросил Паше.

Бледный, с окровавленным лицом и руками, стоял Паша и радостно обнимал своих спасителей.

Они привели его к балагану и обмыли ключевой воде. На его счастье, он отделался только легкими ушибами ссадинами. Переломов не было. Но уже взбираться на горы и идти по горным тропам он не мог.

Ушибленное колено болело, а левая рука плохо поднималась. Переночевав в балагане, утром повели его вниз на Киолимские печи.

– Там есть фельдшер, – сообщил им Володя. К обеду ребята пришли на печи, а вечером вернулся с Нижнекиолимских печей фельдшер – седенький старичок – и сделал Паше перевязку.

Отсюда до Златоуста оставалось лишь 25 километров. Решили дальше ехать на лошадях. Наняли две попутные телеги и с песнями отправились дальше.

Проехали мимо Откликного Гребня, в семи отвесных столбах которого долго бродит эхо, ударяясь о скалы и передразнивая человеческий голос.

Затем дорога поднялась на высокий перевал. Оставив в стороне Малый Таганай, спустились в долину реки Тесьмы.

Здесь путешественники пообедали, искупались и поехали дальше через ельник и сочные зеленые луга по берегу реки. К вечеру они уже были в Златоусте. Не доходя до города, Володя спрыгнул с телеги.

– Ты куда? – спросил его Леонид.

– Домой. Вон дорога в нашу деревню.

Ребята тепло распрощались с ним и долго смотрели, как, весело напевая, он шел по дороге. Скоро он исчез в зеленой чаще.

– Хороший парнишка, – тихо проговорил Паша.

К вечеру были в Златоусте. Два дня осматривали город и заводы, а затем уехали обратно в Свердловск.

А когда началась учеба, они на общем собрании студентов рассказали о своем путешествии на Таганай так ярко, так красочно и интересно, что организовать путешествие новой группы студентов на Таганай не составило никакого труда.

И вот, однажды, в начале зимы Володя Кирьянов получил письмо. Прочитал его и сказал отцу:

– Понравилась наша горы. Летом тридцать человек приедут. Опять поведу их на Таганай.

ПОДЗЕМНЫЕ РОБИНЗОНЫ

Избушка «на курьих ножках»

О крутом склону высокого лесистого холма, – их не мало в окрестностях Багаряка, – по узенькой, едва заметной лесной тропке торопливо пробиравось трое путников с рюкзаками за плечами.

Старшему из них, студенту геологу Виталию, было не более 19 лет. Это был высокий, плотный широкоплечий юноша. Вся его внешность дышала здоровьем и силой. Темные волосы густой шапкой окаймляли крупное смуглое лицо с ослепительно белыми зубами. Он не был красив, но когда улыбался, лицо его делалось особенно привлекательным и симпатичным.

Его двоюродные братья, Борис и Павлик, были городскими жителями и только недавно приехали в Багаряк.

Старший брат Борис, худой, бледный, с большими серыми глазами, был не по летам серьезен и задумчив.

Полной противоположностью ему был его младший брат, двенадцатилетний Павлик. Живой, подвижной, всегда смеющийся, он выглядел совсем ребенком. Павлик в первый раз в жизни попал в глухой лес, и все, что ни встречалось по пути, доставляло ему неподдельную радость, приводило его в неописуемый восторг.

Молчание нарушил Виталий;

– Пожалуй, не дойти нам к ночи домой. Нечего и спешить. Наберем побольше хворосту, разложим костер, да и будем спать у костра.

– Вот чудесно! – воскликнул Павлик, – я буду хворост собирать...

Виталий посмотрел на мальчика и улыбнулся своей милой улыбкой. Протянув загорелую руку, он похлопал братишку по плечу.

– Нравится тебе здесь, Павлик?

– Еще бы! – живо ответил тот, и глаза его заискрились радостью. – Ты не можешь себе представить, Виталий, как мы с Борисом всегда завидовали тому, что ты живешь на Урале, среди лесов.

– И как хорошо, – подхватил Борис, – что ты пригласил нас этим летом к себе. Теперь мы попали в настоящие лесные дебри...

Разговаривая, путники незаметно поднялись на вершину холма и очутились на обширной, заросшей шиповником и малиной каменистой площадке.

Заходившее солнце играло в ярко-зеленой хвое сосен и золотило их стройные красноватые стволы.

Братья подошли к краю площадки и замерли на месте, любуясь чудесным, видом. Перед ними расстилалась широкая панорама

живописных лесистых холмов, кое-где усеянных голыми серыми скалами, прорезанных изумрудными горными долинами.

– Какая красота! как здесь хорошо! – взволнованно произнес Борис, останавливаясь на каждом слове и вдыхая полной грудью чистый горный воздух.

Виталий взглянул на брата.

– Я думаю, на всем Урале не найдется уголка живописнее этого...

– Борис, Виталий! – вдруг раздался где-то в стороне голос Павлика. – Домик, настоящий домик, вон там...

Отправились за Павликом. Действительно, недалеко обрыва, среди огромных глыб камней, приютилась крохотная избушка: ветхая, покосившаяся, наполовину вросшая в землю. На крыше ее, когда-то выложенной дерном, цвели бледно-голубые колокольчики. Настоящая лесная избушка, какие бывают только в лесной глуши Урала...

В избушке была узкая покосившаяся дверь, забитая доской, и крошечное окошечко без стекла. По обе стороны избушки, словно часовые, стояли две огромные сосны, в сравнении с которыми она казалась совсем игрушечная.

– А вот и второй домик, – захлебываясь от радости сообщал Павлик, – смотрите, совсем маленький, без окон без дверей и... на ножках!

– Точно на курьих ножках! – воскликнул Борис. – Как в сказке: «Избушка там на курьих ножках»... Что же это такое? Улей?..

– Это амбарчик, – пояснил Виталий. – Охотники обычно укрепляют их над землю на четырех столбиках, чтобы предохранить продукты от мышей и других мелких грызунов.

За избушками высилась высокая скалистая горка и из-под нее вытекал прозрачный ручеек. Он растекался по цветной гальке, небольшим водопадиком падал с камня и быстрой журчащей струйкой бежал вниз.

Братья молча созерцали это дикое живописное место. Вид уединенной, полуразрушенной избушки на вершине холма, избушки, в которой, без сомнения, кто-то когда-то жил, заставил их громко высказать то, о чем мечтает не один мальчик их возраста: «хорошо пожить в лесу одним, так, как живут дикари».

– Виталий, – спросил Борис, – ты жил когда-нибудь в лесу?

– Жил в таборе, когда ездил с ягодниками за малиной. Но жил не больше двух дней.

– А вот в такой избушке бы пожить... – мечтательно протянул Борис.

– Великолепно придумано. Завтра вернемся домой, поговорим с отцом.

– А сейчас мы в избушке ночевать будем? – не отставал Павлик. – Можно дверь отбить?

В избушке оказался просто, сбитый из необтесанных досок стол и такая же скамья. Сквозь крышу в некоторых местах, видимо, протекал

дождь – в углу избушки виднелись плесень и мох. Пол прогнил, печка развалилась.

– Сегодня-то мы, конечно, в избушке ночевать будем, – заявил Виталий, – только надо помягче постель устроить.

Павлик, возьми-ка топор и пойдя наруби еловых лап.

Через некоторое время Виталий уже устраивал постель из душистых еловых лап. Он устлал ими весь пол, а сверху положил свое пальто. Укрылись плащами Бориса и Виталия. Закрыли дверь, собрались спать. Вдруг при свете луны в незастекленном окне вырисовалась какая-то фантастическая тень, взметнулись широкие крылья.

– Что это? – спросил Борис.

– Это летучая мышь, – сказал Виталий, – залетела в избушку. Она всех мух и комаров переловит, спокойно можно спать будет.

– А волки и медведи к нам не придут? – сонным голосом спросил Павлик.

– Нет, нет, не бойся, не придут, – успокоил его Виталий.

Через минуту все смолкло в лесной избушке. Братья спали крепким сладким сном.

* * *

Вернувшись домой, Виталий узнал от отца, что это за домик в лесу. На Урале, в самых глухих местах часто встречаются такие избушки. Углежоги много лет назад выстроили ее, прожили в ней лето; с тех пор она стояла пустая.

Василий Ефремович, отец Виталия, ничего не имел против того, чтобы мальчики поселились на месяц в лесу.

– Неплохо пожить в лесу. Дома и без вас со всеми делами справится. Живите себе на здоровье. Мы с братом в детстве тоже мечтали о такой жизни. Под боком леса были, а мы в Америку бежать собирались. Совсем ошалели. Особенно брат. Сидит, бывало, на уроках, ничего не слышит, не соображает, когда учитель спросит. А потом рассказывает, что ему в это время битва с тигром или удавом чудилась...

Василий Ефремович взял в колхозе лошадь, чтобы отвезти ребят в их новое жилище. До холма было около пятнадцати километров. Ехали по едва заметной, заросшей колее. У подножья холма протекала в узких каменистых берегах мелкая речушка Урка. Там кончилась дорога, а от нее вела тропинка к вершине холма, где стояла избушка.

– Смотрите, ребята, – указал Василий Ефремович на скалу, высившуюся недалеко от избушки. – здесь в скале находится пещера. Старики рассказывают, что когда-то еще в крепостное время, беглые рабочие скрывались в ней от преследования.

– Вот интересно! Непременно осмотрим ее, – в один голос воскликнули ребята.

С телеги сняли мешки с продуктами, чемоданы с бельем, ведра, посуду...

– Устраивайтесь, ребята, – сказал Василий Ефремович. – Недельки через две, как только освобожусь, пришел вас навестить. Остался бы с вами, да нельзя. А хорошо здесь. Ну, прощайте.

Василий Ефремович хлестнул лошадь и скрылся за поворотом дороги.

Трое ребят остались одни среди уединенных Багарякских холмов.

Лесные робинзоны

На другое утро неугомонный Павлик проснулся чуть свет. Сначала он не мог понять, где находится. Маленькая комнатка с бревенчатыми растрескавшимися стенами, фанерным потемневшим потолком. В углу навалены мешки и чемоданы. И спят они все вместе, все три брата прямо на полу, на мягкой душистой хвое.

Тут Павлик сразу все вспомнил. Ведь они теперь не в просторном и удобном доме Виталия, а в лесной избушке не в большом селе Багаряке, а в глуши холмов.

– Ура! Да здравствуют Уральские холмы да здравствуют лесные робинзоны! – закричал Павлик так громко, что Борис повернулся на другой бок и натянул одеяло на голову. А Виталий открыл глаза, сладко потянулся и расплылся в широкой улыбке.

– Что так рано проснулся, робинзон? – спросил он Павлика.

– Ты говорил, много дела сегодня. Вот я и проснулся рано. Сейчас за водой пойду.

Павлик, захватив ведро, отправился за водой.

Едва выйдя за дверь избушки, мальчик остановился. Прямо перед ним, на стволе сосны, сидел пестрый красноголовый дятел и долбил длинным носом по дереву.

– Тук, тук, тук, тук, – разносилось по лесу.

Павлик попятился назад, в еще не закрытую дверь.

– Виталий, Виталий, посмотри, какая птица красивая по дереву лазит, – зашептал он, – дятел, наверно.

– Дятел, я по стуку слышу. Не мешай спать, – ответил задремавший было Виталий.

– Да нет же, посмотри на него, – не унимался Павлик.

Добродушному Виталию ничего не оставалось, как встать и посмотреть на дятла.

– Дятел и есть... А теперь не мешай мне спать.

Но не успел Павлик сделать и нескольких шагов, как опять вернулся обратно.

– Виталий! Я только на одну минутку... Белка на сосне. Шишку вниз бросила, посмотри.

– В последний раз смотрю, неугомонный ты, – не мог не уступить Виталий своему любимцу.

– Хорошо, больше не стану тебя беспокоить. Принесу воды, разожгу костер, вскипячу чайник и сварю кашу.

– Тогда меня и разбуди, а до тех пор я буду спать.

Но не судьба была Виталию заснуть в то утро. Только что он закрыл глаза, как раздался грохот пустого ведра, и на пороге опять появился Павлик.

– Виталий!?

– Опять что-нибудь увидел? Жука, муравья, слона, кенгуру?..

– Виталий, не сердись и не смейся надо мною, – взволнованно заговорил мальчик. – Я воды не принес. Пошел я на то место, где вчера ручеек протекал. Именно на то место, я не мог ошибиться... А ручья нет... И след от него остался. А ручей исчез... что же это такое?

– Не волнуйся, Павлик, да, ручей действительно исчез если его нет на прежнем месте. Я забыл вам рассказать, что этот ручей называется: «Пропаций ручей». Он то появляется, то опять исчезает.

– Что это ты там рассказываешь? – заинтересовался проснувшийся Борис.

– Да про ручей. Сегодня он исчез...

– Исчез? Ручей? – Борис даже привстал от удивления. – Куда же исчез?

– Еще школьный учитель рассказывал, – продолжал Виталий, – что здесь под землю находится озеро. Озеро это соединяется с поверхностью земли коридором, промытым подземной водою. Когда подземная вода наполняет озеро до краев, она по этому коридору вытекает в виде ручейка на поверхность. Иссякает вода в подземном озере – перестает бить из-под земли и ручеек. Поэтому его и назвали: «Пропаций ручей». У нас на Урале много таких рек и ручейков. Они питаются водою подземных озер.

– Как это интересно, – мечтательно произнес Борис – Вот если бы пробраться в такую пещеру, посмотреть, каковы подземные озера...

– Дай срок, доберемся и до них.

А вдруг Пропаций ручей не появится, как мы будем жить без воды?

– Какой ты рассеянный, Борис. Разве ты забыл про узенькую речку у подножья нашего холма? Отец еще сказал, что она называется Урр, но все зовут ее просто: Урка. А где же вы с Павликом рыбу собираетесь ловить? Ведь в Пропаем ручейке она не водится...

Через минуту трое ребят, весело болтая, спустились с холма за водою. Павлик веселился, как маленький ребенок. Он громко напевал, гонялся за бабочками, целился шишками в любопытных белок. То его внимание привлекал невиданный жук, то цветок, то камешек. Не было ни одного предмета, который бы не вызвал его бурного восторга и удивления.

Вот он нашел красивый белый блестящий камешек.

– Смотрите, золото вкраплено в камень!..

– Да это же кварц со слюдою, – улыбнулся Виталий.

– Ай, да геолог! – поддразнил его Борис.

Павлик обиделся и решил больше ничему не удивляться, по крайней мере громко, при братьях.

После завтрака принялись за дела. Прежде всего надо было осмотреть амбарчик.

– У такого амбарчика всегда бывает лесенка, – заметил Виталий.

Но здесь лесенки не было. Подсадили Павлика, он повернул вертушку, открыл дверцы и скрылся в амбарчике. Вскоре он вытащил оттуда сначала рассохшуюся кадку, в которую, очевидно, наливалась в запас вода, когда иссякал источник. За кадкой последовала морда для ловли рыбы, лопата, старый зазубренный топор. В глубине амбарчика стоял большой туес, наполовину заполненный горохом. Появление каждой новой вещи сопровождалось радостными восклицаниями.

– С туесом мы будем ходить по ягоды, он легче, чем ведро...

– Кадку сначала размочим в реке, а потом будем держать в ней воду...

– Мордой рыбу ловить будем.

– У вас есть уже топор, а теперь и для меня топор нашелся, – радовался Павлик.

– Из гороха мы суп варить будем, – сказал Виталий.

– А как же углежоги? – удивился Борис.

– А мы, когда будем уезжать, оставим крупы, которая у нас останется. Ты, ведь, слышал, отец рассказывал, что на Урале, в глухой тайге, нередко встречаются избушки. Они ничьи. Издавна ведется такой обычай: в этих лесных гостиницах находят себе приют охотники. С радостью они замечают такую избушку, входят в нее, находят уже приготовленные спички на шестке. Зажигают огонь, сушат свою одежду и отогреваются. Подкрепившись и отдохнув, они покидают избушку и, в свою очередь, оставляют нарубленные дрова и спички.

Ребята сложили в амбарчик свои продукты: крупу, сахар, лапшу, картошку и прочее.

– Все, что нам нужно, мы будем брать из амбарчика. Наш домик так мал, что в нем нельзя оставлять ничего лишнего, – решили мальчики.

А Виталий прибавил:

– Амбарчик стоит как раз на солнечном припеке. Масло в нем растает, картошка завянет и прорастет, консервы могут испортиться. Давайте-ка здесь, под сосной, выкопаем яму в земле – туда и сложим эти продукты.

Сказано – сделано. Поточили об камень найденную в амбарчике лопату, выбрали место между камнями где было побольше земли, и

поручили Павлику выкопать яму А для старших мальчиков нашлось более сложное занятие-надо было сделать лесенку для амбарчика.

– Мы сделаем ее самым простым способом, – сказал Виталий, – как делают народы Севера. Возьмем отрезок бревна и сделаем на нем глубокие зарубки, вместо ступенек Кроме изготовления лестницы, была и другая работа' Кое-где надо было подбить доски в избушке, законопатить щели мхом, замазать их глиной. Надо было сбить из досок еще одну скамейку, а также напилить обрубков вместо стульев.

Целый день употребили мальчики на устройство своего нового жилища. Наконец, все было окончено. Было решено завтра же предпринять далекий поход. Корзин, утес, продукты и вода были заготовлены с вечера. В этот вечер братья заснули с самыми радужными планами на следующий день.

Обвал в горах

Но на следующий день все произошло совсем не так, как предполагалось. Все проснулись поздно. У всех болела голова, словно они угорели. В воздухе чувствовалась необычайная духота, было страшно жарко. Обыкновенно, даже в самый знойный день, всегда бывал легкий ветерок, но в это утро воздух был душен и неподвижен. А солнце было какого-то странного огненно-красного цвета.

– Ну, и душно же сегодня, – жаловался Павлик, вытирая после завтрака вымытую Борисом посуду. Щеки его побледнели, и он не бегал и не суетился, как всегда.

– Гм, странно, – бормотал Виталий, тяжело опускаясь на скамеечку у избушки и обмахиваясь кепкой, – даже дышать сегодня трудно.

– А не лесной ли это пожар? – догадался Борис.

– Не знаю.. Может, и пожар. Но здесь мы в полной безопасности. Мы ведь на самой вершине холма. Наша площадка, кроме этих двух сосен и кустов, почти совсем лишена растительности. К вершине холма деревья редеют, трава почти всюду выжжена солнцем, всюду из земли торчат камни. Огню негде разгуляться. Да и к тому же у холма протекает Урка. А наш ручеек, он еще не появился?..

– Появился, я только что его видел, – сказал Борис, – и сегодня в нем гораздо больше воды, чем было раньше. Водопад сверкает на солнце, словно усеянный самоцветами.

– Ну, с водой под боком и думать нечего об опасности. Ведь не из-за красоты же углежоги выбрали для своего лагеря именно это место. Но во всяком случае мы должны остаться дома и не спускаться с холма.

– Как ж-а-ль, – протянул Павлик.

– Ну, уж поскучай один денечек, – успокоил его Виталий. – Я уверен, что днем поднимется ветер, и воздух очистится. Наверное, будет гроза.

Все утро ребята тоскливо бродили по холму, высматривая, не видно ли где дыма. В середине дня они заметили, что на западе, над скалой за избушкой, нависла огромная туча.

– Похоже, что скоро разразится гроза, – Борис. – Никогда я не видел подобной тучи – черной, с медно-красным отливом. У нее такой зловещий вид. Посмотри Виталий.

– Да, будет сильнейшая гроза, – подтвердил Виталий. Буря разыгрывалась медленно. К трем часам дня первый порыв ветра налетел на горку за избушкой и с ревом пронесся вниз по ее склону. Молния зловеще засверкала озаряя багровыми вспышками окрестные горы, и оглушительные раскаты грома перекатывались от одной горной вершины к другой.

Павлик, боявшийся грозы, сдерживался, насколько это было в его силах. Но, наконец, при особенно громком ударе грома он бросился в свою постель и закрыл голову плащом.

Потоки воды неслись по горной площадке, на которой стояла избушка, и бурным водопадом стекали вниз, по склону холма. Иногда сильный напор воды уносил и обломки скал. Затем внезапно сверкнул ослепительный свет. Раньше чем Павлик успел вскрикнуть, раздался оглушительный треск, будто что-то сломалось и разрушилась целая скала. Избушка задрожала до самого основания. Резкое восклицание Виталия заставило Бориса поспешно подойти к двери.

– Молния попала в одну из больших сосен. Совсем близко, – чуть нас не убило!

И, действительно, огромная сосна, почерневшая и изуродованная, склонилась почти над самой избушкой, не падая на землю только потому, что ее поддерживали ветви сосны, стоявшей по другую сторону. Но в это время внимание мальчиков привлек отдаленный грохот, несшийся со скалы, которая высилась над ними. Павлик, онемев от ужаса, крепко уцепился за руку Бориса. Все три мальчика стояли рядом, с вытянутыми лицами, не спуская глаз с крутого склона за избушкой. Зловещий грохот звучал все ближе и ближе.

– Борис, ты понимаешь: по горе катится оползень, – взволнованно сказал Виталий. Едва успел он произнести эти слова, как огромный камень, окруженный целым градом мелких обломков, скатился со склона горы.

– Нужно уйти отсюда, – поспешно проговорил Борис: – нас может завалить. Но только куда? Ах, знаю. Берите самое необходимое: провизию, спички, фонарь.

– Зачем?

– Нужно быть готовым ко всему, избушку может разрушить. Живее!..

Мальчики не стали терять времени. Решено было взять всю воду, какая была в запасе. Тут пригодились и три пустых бутылки, найденные в

амбарчике. Были взяты спички, свечи, консервы, сухари, горох и даже лапша.

– Зачем брать лапшу, – суетился Павлик, – ведь вы не сможете ее варить на улице, под дождем.

– Кто знает, что может случиться. На всякий случай возьмем все, что у нас есть, – говорил Виталий.

Провизию разделили на три неравные части. Самая тяжелая ноша предназначалась Виталию, самая легкая – Павлику. Взвалив рюкзаки на спину, мальчики выбежали из избушки. Это было во-время. Большой камень с такой силой ударил в стенку избушки, что она зашаталась.

Дождь хлестал, как из ведра. Ветер налетал с бешеным порывом. Трудно было стоять на ногах.

– Сюда, за мной! – крикнул Борис, хватая братьев за руки. – Туда, в пещеру, – и мальчики, борясь с ветром и ливнем, пробрались в пещеру, которую отец указал им за несколько дней до этого.

В пещере царил полумрак, и только вспышки молнии иногда освещали внутренность пещеры, помогая мальчикам осмотреться.

– Теперь мы в безопасности, – проговорил Виталий. – Промчится ураган, и мы сможем осмотреть избушку, если ее не разрушит...

Конец его слов заглушил страшный раскат грома, что-то загрохотало и в пещере стало темно...

– Почему вдруг темно стало? – беспокойно спросил Павлик.

– Это так кажется после вспышки, – успокоил его Борис...

– Да, да, – быстро проговорил Виталий. – Вы стойте тут возьмитесь за руки, а я – сейчас.

В темноте слышно было, как он пошел в сторону входа. Вернулся через несколько минут. Братья стояли молча.

– Хорошо, что мы взяли провизию, – проговорил Виталий.

– А что? – с тревогой спросил Борис.

– Особенного ничего. Небольшой оползень завалил нас. Мы завтра поищем выхода, – он зажег свечу. Пламя заколебалось. – Вот видите, воздух движется, значит, где-то есть еще выход. Я знаю здешние пещеры: они иногда тянутся на несколько километров.

Закусив хлебом с консервами и запив свой ужин водой, все улеглись. Было жестко и неудобно спать на камнях, и они невольно вспомнили свои постели из еловых лап в избушке у Пропащего ручья и особенно сильно почувствовали свое одиночество.

Другого выхода у нас не остается, – твердо сказал Виталий, – и мы не должны терять присутствия духа.

Несмотря на жесткое ложе, подземные робинзоны быстро заснули в эту первую ночь своего пещерного путешествия.

Духи пещеры

Однако спали они недолго. Павлик, как всегда, проснулся первым. Его разбудил пронзительный писк. При свете луны, проникавшем в щели свода пещеры, он увидел множество летавших крылатых фигурок. Они носились по пещере, кружились, камнем бросались вниз, затем вдруг, словно кто их подбросил, взлетели вверх. Целые стаи их вылетали и влетали вверх обратно в пещеру и вдруг в одном углу пещеры раздался новый непонятный звук:

– Угу-ух, ух-ух... уху.. ху-ху...

В другом конце пещеры повторилось то же уханье, раздалось хлопанье чьих-то больших крыльев, шелканье, падение какого-то тяжелого тела и отчаянный, резкий, пронзительный писк, скорее визг. Засверкали в разных углах пещеры по два красных блестящих огонька. Тут уже Павлик не выдержал.

Засверкали в разных углах пещеры по два красных блестящих огонька

– Виталий, Борис! – закричал он, расталкивая братьев.

Те с спросонок ничего не понимали.

– Что тебе? – спросил Борис, – разве утро?

В это время уханье раздалось совсем близко от них и там же засветились два горящих огонька.

– Виталий, Виталий! – уже вдвоем тормозили его братья.

Виталий вскочил.

– Чего испугались? Ведь это филины ухают. Прилетели, видно, сюда из лесу, а может, и здесь день в пещере проводят. Мы их и не заметили. Теперь они вылетели на охоту. А пищат летучие мыши, разве вы их не узнали?

– Смотрите! – Борис чиркнул спичку. В сторону шарахнулось что-то огромное, серое. Это был филин. А кругом беззвучно летали, описывая круги, маленькие крылатые фигурки – летучие мыши.

Мальчики успокоились, но им не спалось.

– Расскажи нам про летучих мышей, Виталий, – попросил Павлик.

– что же вам рассказать про них?.. летучие мыши это очень полезные животные. Они уничтожают вредных бабочек, жуков и мух. Но в нашей деревне еще есть суеверные люди. Они говорят, что летучие мыши приносят несчастье. Недалеко от нашей деревни, на реке, есть пещера, где обитает много летучих мышей.

Между тем наступило утро. В пещере делалось все светлее. Вся она стала розовой, от проникшего света восходившего солнца. Теперь и дальний угол пещеры был тоже освещен. Виталий указал мальчикам на несколько странных сухих, сморщенных коричневых листков, висевших под кровлей. На них ясно вырисовывались тонкие жилки. Листики, несмотря на то, что никакого ветра не было, слабо колыхались.

Виталий дотронулся до одного из них, и вдруг сухой листик задергался, раздалось сердитое стрекотание. Листик вдруг разорвался надвое, и снизу высунулась крошечная головка. Сухой листик превратился в живую летучую мышь.

– Смотрите, какая смешная головка у летучей мыши: курносая, как у бульдога. Огромный рот похож на полумесяц, ушки большие, широкие, с острием наверху, – объяснял Виталий.

– У летучей мыши осязание и слух заменяют плохое зрение, а глазки у нее крошечные, как мелкие бусинки, – заметил Борис.

Между тем летучая мышь раскрыла рот, выставив мелкие острые зубки, полураспустила крылья и не переставала угрожающе стрекотать. Маленькое, безобидное, бессильное животное, видя перед собою великанов людей, пыталось показаться грозным и сильным.

– Как же могут висеть летучие мыши? – спросил Павлик.

– Они цепляются за выступы камня длинными крючковатыми ноготками и повисают на них, закутавшись в своих длинных шелковистых крыльях. Вот эти-то странные существа и метались ночью по пещере. Отсюда, значит, они вылетали и к нам на площадку.

В разговорах мальчики, казалось, забыли и свои вчерашние ночные страхи и ужас перед предстоящим путешествием под землю.

Виталий напомнил о том, что надо двигаться в путь. Закусили, свернули одеяла, закинули мешки за спину. В пещере было несколько ходов. Отправились по одному из них. Это оказался узкий каменистый коридор, спускавшийся вниз и вскоре расширившийся в небольшой грот.

В коридоре стоял еще полумрак, но в гроте уже была абсолютная тьма. Пришлось зажечь свечу и вставить в ее фонарь.

Здесь мальчики увидели множество летучих мышей, которые густо увешивали потолок грота. При свете фонаря летучие мыши принялись летать по гроту и несколько раз гасили фонарь. Целые тучи их носились по гроту, не задевая, однако, крыльями по лицу. В гроте поднялся шум, напомилавший шелест листьев при сильном ветре. В конце концов, пришлось погасить фонарь.

Когда опять зажгли его, то, к удивлению своему, увидели, что на платье у них висят крошечные коричневые листочки...

– Это детеныши, – объяснял Виталий, отцепляя крошечные листочки с глазками-бисеринками. – Обычно мать – летучая мышь – куда бы она ни летела, берет с собой своих детенышей. Они крепко цепляются за ее кожу коготками. Когда летучая мышь чем-либо встревожена, она летает слишком быстро и делает резкие движения. Малыши-детеныши не могут удержаться и падают. Обычно мать подхватывает своего детеныша, если он от нее оторвется, и не дает ему упасть на землю. Но сейчас летучие мыши были слишком встревожены. И вот, оторвавшись от матери, малютки на лету зацепились и повисли на нашей одежде.

Оторвав от себя эти странные листики, подземные путешественники постарались поскорее миновать грот летучих мышей. Они выбрались из него в узкий, тесный коридор, но которому приходилось пролезать боком, извиваться, как змее. Длинный коридор, как и предыдущий, кончился гротом. Шум и хлопанье крыльев остались далеко позади. Здесь стояла мертвая тишина, какая может быть только под землю. Всем стало жутко...

Фонарик подземного мира

Между тем взятая с собою вода приходила к концу. Жажда чувствовалась все острее. Павлик уже не мог молчать.

– Пить... как хочется пить... – все время повторял он.

Борис и Виталий с трудом сдерживались, чтобы не говорить о воде, не жаловаться на жажду.

Усталые, едва передвигая ноги, шля мальчики дальше, экономя воду и распределяя ее по глоткам. Все их мысли и мечты были только о воде, об одной воде.

– Вода должна быть здесь где-нибудь близко, – утешал братьев Виталий. – Мы только не знаем, как ее найти.

Ведь вы чувствуете сырость?

И они опять шли вперед, сворачивая в те коридоры, где, им казалось, было более сыро.

– Озеро! – вдруг воскликнул Борис.

Впереди, куда едва доходил свет фонаря, слабо светилось зеркало воды. Прибавили шагу. Павлик ожил, запрыгал, захлопал в ладоши.

– Сейчас воду пить будем! – радовался он. – Вот уж я напьюсь...

Они были уже совсем близко от озера. Борис поднял камень и бросил его в голубую поверхность воды. Но, к их изумлению, не раздалось никакого всплеска. И только через несколько времени послышался отдаленный стук упавшего камня.

– Что это? Прямо волшебство какое-то.

Осторожно шагая, подошли к таинственному озеру. Борис протянул руку, чтобы окунуть ее в воду и зачерпнуть воды. Но рука свободно двигалась в пустом пространстве...

– Но ведь это же обман! – воскликнул Виталий. – Светится не озеро, а воздух, толща воздуха, пронизанная лучами дневного света. Свет проникает сюда через провал. Да, это провал, освещенный откуда-то снизу, быть может, через тот вход, в который мы вошли в пещеру.

– А может, это и не через наш вход, может быть, через другой? Надо пойти посмотреть.

– Если бы у нас была длинная веревка, мы могли бы спуститься и обследовать нижнюю часть провала.

Края провала были покрыты мхом. Кое-где в нем торчали на тонких изящных ножках невзрачные грибы с серыми шляпками. Они напоминали собою лесные поганки. Подушки мха были похожи на губки. Из них можно было выжимать воду. Измученные жаждой мальчики, недолго думая, стали вырывать мох и жадно сосать и жевать его.

Голубое сияние, исходившее от провала, постепенно слабело, и, наконец, оно погасло, слившись с общим мраком пещеры.

«На земле наступил вечер», – решили мальчики. И вдруг в непроницаемой черной тьме, где раньше голубым фосфорическим светом синела поверхность воображаемого озера, слабо замерцало зеленоватое, изумруде золотистое огромное кольцо.

Мальчики остолбенели от изумления. Некоторое время они молча созерцали это феерическое зрелище. Борис зажег фонарь, подошел и осветил края провала. Видение сразу исчезло. Потушил огонь – опять засветилось золотисто-изумрудным светом чудесное кольцо. Борис сорвал

пучок мха и бросил его в сторону – там замерцал на несколько мгновений тот же золотисто-зеленый свет.

– Теперь я понимаю, в чем дело, – сказал он. – Свет исходит от мха, растущего по краям провала. Это светящийся мох.

Борис подполз к краю провала, где в каменных углублениях среди мха росли грибы. Там он увидел фантастическое зрелище.

Серые грибы преобразились. Шляпки их были окружены сиянием, мерцали мягким матово-белым светом

Борис подполз на животе и сорвал один гриб. Некоторое время гриб светился, но потом стал увядать: ножка погнулась, шляпка повисла. В руке Бориса вместо гриба лежала какая-то черная слизь. Хрупкое подземное растение не вынесло прикосновения теплых человеческих рук и быстро погибло.

Все эти фантастические явления на время заняли мальчиков, оторвали их от навязчивой мысли о воде, но вскоре она восторжествовала с новой силой.

«Пить, пить, пить», – только и думал каждый из них.

Дождь под землю

Снова начались неустанные поиски воды. Мальчики блуждали по лабиринту коридоров, слизывали единичные капли воды, могли говорить только о воде и о жажде. Вдруг среди мертвой тишины пещеры до их слуха донесся глухой и монотонный звук: «кап-кап, кап-кап».

– Вода капает! – громко воскликнул Виталий и двинулся в ту сторону, откуда несся этот звук.

Подвигаясь вперед, Виталий провел рукой по стене. Рука стала совсем мокрая. Мальчики с жадностью стали слизывать воду с камней, находили углубления, где вода задерживалась, и выпивали накопившуюся живительную влагу.

Чем дальше они пробирались, тем учащенное и громче слышалось шлепанье водяных капель. Капли падали так часто, словно там шел дождь.

– Ближе выход, слышно, как идет дождь, – радостно воскликнул Борис.

Свернули с главного коридора в ту сторону, откуда слышался дождь. Потушили фонарь в надежде увидеть дневной свет, но в пещере была темнота. Нигде не было видно выхода.

– А может быть, сейчас ночь? – спросил Павлик.

Надежда заискрилась в сердцах мальчиков. Было решено остаться здесь и ждать наступления дня.

Зажгли опять фонарь и стали внимательно осматривать пещеру. Все яснее слышалось капанье дождя.

Вскоре подземные робинзоны к своему изумлению увидели, что этот дождь идет с потолка, со стен.

– Хлюп-хлюп, шлеп-шлеп, – слышалось со всех сторон.

Получалась полная иллюзия дождя.

– Ну, теперь нечего бояться остаться без воды, – радовался Павлик, подставляя пригоршни и жадно выпивая воду подземного дождя. – Вкусная вода, совсем настоящая... как на земле.

– Нет, пожалуй, она не такая, как на земле, а Лучше. Особый вкус какой-то, вроде нарзана или боржома.

Откуда здесь, под землей, вода? – в досталь напившись спросил Павлик. – Ты вот все знаешь, Виталий?

– Уж и все, но это как раз знаю, – ответил тот. – На поверхности земли идут дожди. Вода, падая на землю, впитывается землей, просачивается через трещины известняка и по капелькам падает с потолка и стен пещер. Знаете – на реке Белой есть пещера, которую называли Каповой, – там все время слышится звук капающей воды: «кап-кап, кап-кап». А здесь этих трещин так много, и они такие широкие, что вода уж не капает, а прямо льется... как во время проливного дождя.

На полу грота стояли лужи. Дальше пол был усыпан большими круглыми и-скользкими камнями. Среди них тоже была вода. Идти приходилось по этим камням медлен-но с трудом удерживая равновесие.

– Осторожней, здесь можно оступиться, здесь опасна – предупреждал Виталий. – Нога может попасть в узкое отверстие между камнями. Вытащить ее мы не будем в состоянии.

Павлик опустил в воду удилище, которое все еще не бросил за время своего странствования в пещере. Оно почти все ушло в воду.

– А знаете, что я придумал, – сказал повеселевший Павлик. – Здесь много воды. Не лучше ли нам вернуться обратно, пока мы еще ушли недалеко. А сюда мы будем! приходить за водой.

– Молодец, это ты правильно придумал, – согласились братья.

Под огромной нависшей скалой мальчики нашли защиту от подземного дождя, отдохнули и решили идти обратно.

Но найти обратную дорогу оказалось не так-то легко. Из дождевого грота было много выходов. Каким из них вошли в него, они не могли вспомнить. Обходили и осматривали ходы с фонарем, но все они были похожи друг на друга.

Один из коридоров показался им более знакомым. Пошли по этому коридору, повернули вправо, влево. Коридор казался то очень длинным, то высоким, с огромными острыми камнями, висевшими с потолка, то таким узким, что надо было идти наклонившись, потом ползти на четвереньках.

– Это не тот коридор. Мы не выйдем к нашему входу.

– Мы пошли не в ту сторону.

Вернулись, пошли назад, но тут встретили столько новых ходов, что сбились с пути и пошли теперь наудачу.

– Тсс. Слышите, опять дождь...

– Значит, мы возвращаемся обратно.

Потолок поднялся, проход расширился, и коридор незаметно перешел в грот. Опять послышался дождь и гулкое шлепанье капель о камни.

Пропащий ручей

Путники очутились в том же дождевом гроте, но теперь они вошли в него с другой стороны. Стены грота с этой стороны были все в дырочках, словно это были коралловые образования. С потолка спускались причудливые каменные портьеры, украшенные каменной бахромой и кружевами. Кое-где выступали углы скал, покрытых прихотливой резьбой, напоминавшей резьбу по дереву.

Мальчики, повеселевшие с тех пор, как утолили жажду, невольно остановились перед этим невиданным украшением подземного мира.

– Здесь, наверно, жили какие-нибудь художники и так чудесно украсили этот грот, – решил Павлик.

– Я слышал, – сказал Борис, – что во время башкирских восстаний многие спасались в пещерах. Но если они и спасались в этих пещерах, то им, наверно, было не до того, чтобы заниматься скульптурой и украшать стены пещер. Наверное, они испытывали и голод и жажду.

– Каково это состояние, мы убедились на опыте, – добавил Виталий и, как всегда, разрешил все сомнения: – Не люди, конечно, делали эти украшения. Это работа подземной воды. Когда-то, в далекие времена, быть может, сотни тысяч лет тому назад, подземные реки промывали огромные пустоты. Вода, размывая земные толщи, придавала им, самую разнообразную форму более мягкие породы она смывала и уносила совсем. Более твердый, не поддававшийся ей, она оставляла. Вот и образовались эти рисунки, цветы, узоры.

– Откуда ты все знаешь, Виталий? – спросил Павлик.

– Я ведь, бывал в других пещерах: на реке Белой, на реке Уфе, или Уфимке, как ее называют местные жители. Ходил с подводниками... Но что это... происходит? – прервал он себя, устремив глаза на воду.

– Что? Где происходит?

– Почему вода все время на одном уровне? В Чем дело – не понимаю, – задумчиво сказал Виталий.

– Надо скорее пить ее, – весело хохотал Павлик, пригоршнями набирая воду, – а то она совсем уйдет.

– Совсем она не уйдет. Ведь сверху дождь идет, – засмеялся Виталий.

Несомненно, вода все время куда-то уходила. Сквозь звуки дождя ясно слышалось журчание воды. Так журчит она, вытекая куда-нибудь в отверстие.

Куда же уходит вода, они не могли понять. Она буквально проваливалась сквозь землю.

– Нашли, нашли!.. – закричал Борис.

– Что нашли?

– Куда уходит вода...

Зажгли и вставили в фонарь новую свечу. Здесь оказалась огромная черная дыра, вроде тоннеля. В нее и стекала вода.

Виталий спустил по гладкому, отполированному ложу тоннеля большой булыжник. Тот скользнул и исчез в пропасти.

– Вот где разгадка Пропащего ручья! – воскликнул Виталий. – Наверное, эта вода вытекает сейчас там, где раньше были скалы и где протекал Пропащий ручей.

– Как бы я хотел вместе с водой проскользнуть в эту темную дыру и выйти на поверхность, – вздохнул Павлик. – Там сияет солнышко, стрекочут сороки, играют белки.

– А вот и еще яма! – закричал Борис.

Еще один шаг, и они слетели бы в пропасть. Свет фонаря упал на правильную круглую яму, каменную трубу, круто спускающуюся вниз.

Виталий осторожно ощупал ее края. Убедившись, что они прочны, лег на живот; спустили фонарь и заглянули в дыру. Фонарь осветил гладкие каменные стены и черное дно. Снизу доносился гул.

– Виталий, – звали мальчики, – пойдем, здесь страшно.

– Послушайте, там шумит что-то, точно у мельницы на плотине. Это, по-моему, шум воды.

Мальчики прислушались. Хладнокровие Виталия действовало на них успокаивающе.

– Это, наверное, подземная река, – решил Виталий. – А эти каменные колодцы – это органы трубы, – вспомнил он. – По геологии мы о них учили, да и в Каповой пещере я их видел. Вода в течение долгого времени размывает в вертикальном направлении пласты земли. Получаются как бы трубы. Они называются органы трубы, так как похожи на трубы органа.

Хрустальный дворец

Как ни удобно было мальчикам иметь под рукою так много воды, все же им надо было уходить отсюда, двигаться вперед, разыскивать новый выход наружу.

В поисках другого выхода подземные робинзоны набрали на круглое отверстие. Вошли в него и очутились словно в трубе, в обыкновенной водопроводной трубе. Только она была огромных размеров да стены ее были не гладкие, а рубчатые.

– Какая красота! Вы только поглядите, – с восхищением сказал Виталий.

Голубовато-белые стены, изрезанные такой гофрировкой, были чрезвычайно красивы. Далее гофрировка сменилась прозрачными натеками голубого и розового цвета.

– Кажется, что это окаменевшие струи воды, – с восторгом говорил Борис. – Мы словно идем по дну сказочного моря, и на нашем пути расступаются волшебные волны.

Пол этого интересного коридора тоже невольно обращал на себя внимание. Он весь был во впадинах и воронках. Очевидно, под ним были тоже пещеры.

Наконец, коридор расширился и обратился в от зал невиданной красоты. С высокого куполообразного свода свешивались блестящие прозрачные сосульки.

Павлик дотронулся, до одной из них и невольно отдернул руку: сосулька была холодна, как лед.

– Какая красота! – воскликнул Павлик. Одни и сосулек были кремового цвета, другие розоватые, третьи бледно-голубые. Одни матовые, другие прозрачные, совсем как ледяные. Навстречу сосулькам, висевшим с потолка, с полу поднимался целый лес таких же прекрасных прозрачных, как стекло, и цветных столбиков.

Пол грота был покрыт такой же гофрировкой как предыдущем коридоре. При свете фонаря Виталий не мог удержаться, чтобы не достать свой электрический фонарик, – зал представлял собою волшебное феерическое зрелище. Стены сверкали словно усыпанные драгоценными камнями, переливали разными цветами. Игра их при свет фонариков была изумительна.

– Вот если бы провести электрическое освещение, – мечтательно сказал Борис.

– Ну, это будет еще не скоро, – возразил Виталий, – пока же эти пещеры не только не исследованы, но даже не известны. Пока здесь все призрачно, нереально сказочно, кажется какой-то волшебной страной.

Узкий коридор вел в другой, не менее интересный грот. Здесь потолок был ниже, чем в первом гроте. С кровли его свешивались такие же сталактиты, но они висели отдельными пучками и напоминали собою дорогие люстры с хрустальными подвесками. Другие пучки сталактитов имели форму гроздей винограда или букетов цветов. И весь грот походил на фантастическую беседку.

Ё третьем зале потолок был очень низкий, вогнутой формы, – очевидно, он не выдержал тяжести верхнего слоя почвы и постепенно опустился вниз в виде воронки, сломав при этом часть чудесных сталактитов. Сломанные, они в беспорядке валялись по всему полу.

В следующем гроте стояло много столбов, матовых и серых, напоминавших толпу людей. Это были огромные сталагмиты. Тут же рядом два столба, поддерживавшие своды, служили как бы аркою для перехода в новый грот. В новом гроте опять были сталактиты и сталагмиты. Это был точно какой-то таинственный город с окаменевшими людьми, домами, деревьями, животными.

Из этого грота узкий коридор вел в маленький зал с резными стенами. Посредине его высилась огромная колонна – белоснежная, точно сахарная, кое-где пронизанная коричневыми и красными прослойками.

– Какая прекрасная колонна, – сказал Борис, – точно выточенная.

Он не успел договорить, как неожиданно среди мертвой тишины пещеры раздались торжественные звуки, напоминавшие аккорды духового инструмента. Прекрасные нежные звуки все разрастались, и вскоре вся пещера наполнилась ими. Многоголосое эхо, как бы сотни инструментов, повторило эту чудесную музыку, сделало ее еще более торжественной и величественной.

И вдруг сразу все смолкло. Мальчики стояли молча. Павлик дрожал от волнения.

– Это я случайно ударил по камням. А они вдруг заиграли...

– Во многих уральских пещерах, – прервал его Виталий, – камни имеют чудесное свойство: звучать, если по ним ударить.

В следующей пещере, среди глыб камней, разбросанных среди целого хаоса каменных осыпей, возвышалась огромная блестящая, отливавшая золотом скала. У этой скалы валялось несколько черепов и было много костей. Виталий поднял череп.

– А вот и кости, – он поднял фонарь.

– Золото! – воскликнул Борис.

Освещая со всех сторон золотую скалу, заметили и на полу такие же золотистые осколки. В углу пещеры находилось нечто вроде полуразрушенного очага, и в нем угольный порошок. Тут же валялись какие-то странные губчатые куски.

– А может быть, это медь! – заметил Виталий. – Возможно, что мы находимся в древнем руднике, в так называемых чудских копях. Древние, доисторические люди еще далекие времена разрабатывали медь. Красивый блестящий металл издавна привлекал внимание первобытного человека. И первый металл, который он разрабатывал, была медь. Нам рассказывали еще в школе, что копи первобытного человека были не глубоки, крепей не имели. Не раз случались обвалы, и люди погибали. Поэтому древние рудокопы избегали рыть глубокие шахты.

– Ах, если бы мы не были здесь, в этих пещерах, в плену. Я все думаю, какие: это были люди. Мне уже ничуть не страшно. Они кажутся мне товарищами по несчастью.

– Опять ты за свое, – нетерпеливо перебил его Виталий. – Уверю тебя, что копи были всегда недалеко от выхода на поверхность.

– Ах, как есть хочется, – неожиданно и в первый раз заявил Павлик.

Виталий поднял череп.

Виталий и Борис переглянулись. Они и сами все время только и думали о пище. Правда, у них была еще картошка, но она была сырая. Сырую лапшу они давно уже съели. Из продуктов осталось только немного сухарей. Виталий вел выдачу их по пайкам. Голод давал себя чувствовать.

– Очень есть хочешь? – участливо спросил Виталий, – Так и быть, возьми еще сухарик. Скушай его и ищи выход. Тебе больше везет на находки, чем нам с Борисом. Поиски выхода продолжались. Подземные робинзоны по нескольку раз возвращались на одно и то же место. Теперь не было такого запутанного, лабиринта коридоров и гротов как раньше. Они сообщались между собою короткими и широкими ходами. Невольно возникла мысль о работе рук человек, расширивших естественные проходы, промытые водой.

Ущелье в горах

Откуда-то распространялся свет. Значит где был выход – конец их голоду и подземному заключению.

Чувство радости и волнения охватило всех.

Вот на глинистом мокром полу увидели они неясную светлую полосу.

Оказалось, здесь, меж двумя камнями, была небольшая щель. Она выходила в какое-то глубокое ущелье. Против нее возвышалась отвесная серая скала. Ни окрестностей ни солнца, ни даже клочка неба нельзя было увидеть через эту щель.

Схватив нож, Виталий поспешно стал расширять отверстие, заросшее мхом. Земля быстро была снята, но дальше нож наткнулся на сплошной камень.

– Вот это и был, вероятно, когда-то выход из пещеры; но обвал надвинул почти вплотную один камень на другой... Обвал произошел сравнительно недавно. Вот лежит в кучке земли дерево. Оно могло попасть сюда, только упав сверху, – Виталий пробовал расширить отверстие топором, но только зазубрил его. Отчаянию мальчиков не было границ. Их дразнил свежий воздух, веявший в отверстие, вид мелких букашек и паучков, суетившихся в жалкой травке ущелья. Теперь они со всей ясностью видели весь ужас своего положения. Было еще раннее утро или вечер. В ущелье стоял полумрак. Высунуться в дыру было невозможно. Она была так узка, что в нее можно было просунуть только руку. Мальчики заглядывали в ущелье принимали всевозможные, самые неудобные положения, чтобы рассмотреть, что в нем находится. Но ничего, высокой, изборозженной трещинами стены, они не видели.

Становилось все светлее, очевидно, всходило солнце. Вот луч солнца упал на стену, и она вдруг засверкала, точно по ней были разбросаны крупные жемчужины. Жемчужины эти были овальной формы и, казалось, были живые. Павлик едва дотронулся до одной из них, как она задвигалась... Драгоценные жемчужины превратились в крупных полупрозрачных слизняков. Ими наполнены были все щели в скале.

Но мальчикам было не до исследования. Голод непрестанно напоминал о себе.

– Если бы нам достать их и съесть, – сказал Борис, – ведь едят же устриц.

Но как ни старались мальчики, они не могли их достать. Когда удочкой отрывали слизняков от стены, они тот-час же падали вниз.

– Знаете, что я придумал, – сказал Борис: – я читал, что Робинзон раскладывал костры, желая привлечь внимание проходящих судов. Давайте и мы разложим костер.

Может быть, кто-нибудь заметит дым и придет к нам на помощь.

– По-моему, это бесполезно. Местность здесь уединенная, и никто не увидит дыма нашего костра, – рассудил Виталий. – Впрочем, давайте попробуем.

Мигом извлекли из кучи земли полусгнившее дерево, изрубили его в щепы. Вскоре яркий костер запылал в пещере. Дым сизой струйкой

поднимался из щели. На углях костра испекли картошку и с жадностью поели. Никогда никакое блюдо не казалось им таким вкусным, как эта обуглившаяся, пахнувшая дымом картошка. Они испекли ее всю и распределили на несколько дней, как они делали это с сухарями.

К концу дня все топливо, которое удалось извлечь через отверстие, было сожжено. Настроение мальчиков упало, никто не пришел на их дымовой сигнал.

На дне ущелья, перед самым отверстием в пещеру, стояла лужа. Виталий зачерпнул воды, но она была невкусная, отдавала гнилью. Сходили за водой в соседний грот, где протекал небольшой ручеек. Но Павлик не переставал болтаться в луже.

– Раки, – закричал он и высыпал целую горсть странных, извивающихся прозрачных существ.

– Да, похожи на маленьких раков, – сказал Борис, – только это, конечно, не раки, а скорее мокрицы.

– Это мормы, или бокоплав, – сказал Виталий. – Маленькие животные, похожие на раков. Они живут в прудах, даже в лужах. Их истребляют птицы и очень любят рыбы. На Урале это лучшая приманка, которую всегда имеют при себе рыбаки.

– А у меня как раз и леска в кармане есть! – воскликнул Павлик. – Я буду рыбу ловить на них.

– А где же ты ее ловить будешь, – мрачно перебил его Борис. – Ты разве забыл, где мы находимся?

Но все же Павлик набрал полный карман.

– Их даже есть можно, – сказал он.

Но никто не мог решиться попробовать такую пищу.

Пришла ночь, пришлось зажигать фонарь. Но зато утром, когда восходило солнце, они опять любовались чудесными жемчужинами-слизняками.

После скудного завтрака, по две печеных картошки на брата, подземные робинзоны решили двинуться на новые поиски выхода, так как у щели ждать было нечего.

Спасение

Взвалили рюкзаки на спины и отправились. Странное это было шествие. Ребята были оборваны, на ногах остались жалкие остатки обуви, лица и руки расцарапаны, волосы всклочены. Борис тащил кремневый молот, Виталий – сумку из лосиной кожи. Единственной мыслью всех была мысль о еде.

– Мы теперь мало чем отличаемся от наших предков, доисторических людей, – попробовал шутить Виталий. – Да вдобавок также пробираемся часто на четвереньках, как передвигались, вероятно, и они.

Перед ними лежало подземное озеро, загадочно светившееся при свете фонаря

И опять бродили они по переплетающимся лабиринтам подземного мира. В конце концов, когда уже почти совсем выбились из сил и изнемогли от голода, вновь набрали на сталактитовые залы. Издали увидали знакомое голубовато-белое сияние.

«Опять провал», – подумали они. Стали бросать камни. Но, вместо гулкого удара о дно провала, неожиданно раздался звучный всплеск воды.

Перед ними лежало подземное озеро, загадочно светившееся при свете фонаря.

– Вот и сбылась, Борис, твоя мечта – увидеть подземное озеро, – сказал Виталий.

А Борис, и без того забыв о голоде, стоял перед озером, как зачарованный.

Это было новое чудо подземного мира. Вода озера была настолько прозрачна, что свет фонаря пронизывал ее и освещал его дно. На дне озера видны были цветные гальки, песок. И вдруг какие-то серебристые тени мелькнули под водою. Немного спустя метнулась целая стайка теней. Это были рыбы, каким-то образом попавшие в подземное озеро.

– Совершенно ясно, что рыба попала сюда из надземной реки, – сказал Борис. – Надо осмотреть все озеро.

Озеро имело правильную овальную форму. Но один из концов исчезал под нависшей скалой. Видимо, оно уходило далеко вглубь.

– Быть может, там сток, выходящий наружу? Быть может, на далекое расстояние над озером тянутся скалы, нависшие над водой? И поплывший туда расшибет себе голову о нависшие камни. А выплыть обратно не хватит сил, и он там погибнет, – рассуждал Борис.

– Надо рискнуть, – решительно ответил Виталий. – Остаться здесь, значит обречь себя на голодную смерть. Лучше утонуть там, разыскивая выход, чем медленно умирать здесь с голоду.

Решено было, что, отдохнув, Виталий отправится на разведку.

Между тем Павлик взялся за рыбную ловлю. Он нацепил мертвого мормыша, – все они почему-то очень быстро уснули, – и забросил леску в голубую воду озера. Почти тотчас же резко рвануло. На вытащенной леске билась большая серебристая рыба.

Пока мальчики отдыхали, Павлик наловил более десятка голавлей, С наслаждением ели изголодавшиеся робинзоны сырое мясо, посыпая его солью.

– Теперь я почти уверен, что мы спасены, – говорил Виталий: рыбы не слепые. Значит, они попали сюда из надземной реки. Борис, а тебе не жалко будет оставить подземное озеро, сталактитовые гроты, чудесные светящиеся грибы да вообще все чудеса подземного мира, которые нам довелось увидеть?..

Жаль, – сразу делаясь серьезным, ответил Борис, – и даю слово: если мы спасемся, я еще вернусь сюда. Я буду учиться, много учиться, и приду сюда как исследователь всех этих подземных гротов и озер.

– И я с тобой, присоединился Павлик, – только на самое короткое время. Я не большой охотник до пещер и люблю солнышко...

– Вот и я, как ты, Павлик, люблю солнышко, – подхватил Виталий, – поэтому-то и поплыву на разведки. Вы оставайтесь здесь. Если не вернусь, значит я погиб, и вы тог-да не рискуйте плыть по моему пути. Все же ищите другой выход, но я думаю, что скоро вернусь. На всякий же случай – прощайте! – Виталий крепко обнял братьев, разделся и бросился в воду. Вскоре он скрылся под нависшими сводами.

С нетерпением и тревогой ждали братья его возвращения. Но Виталий не возвращался. И только они подумали, что он погиб, как из воды вынырнула голова Виталия.

– Ах, как холодно, скорее дайте платье! – воскликнул он.

Через минуту он уже оживленно и радостно рассказывал о своем путешествии:

– Не проплыл я под нависшими скалами и двух метров, как протянул руку вверх и почувствовал, что сверху пустота. Нашупал огромный камень

в воде, вскарабкался на него, и очутился в широком коридоре, служившем руслом подземной реки, которая вытекает из этого озера.

Один берег ее высокий, каменистый, другой представляет собою длинную узкую нишу. В коридоре было не совсем темно. Я хорошо различал все вокруг себя.

Осмотревшись, я быстро зашагал вдоль берега по течению реки. Кое-где мне мешали камни, но я перепрыгивал через них. Чем дальше я шел, тем светлее становилось в коридоре. Наконец, длинный коридор расширился, и я вошел в обширный грот, где стоял зеленый полумрак. Белые каменные стены и потолок грота – все было освещено зеленоватым светом. Здесь словно горела зеленая лампа. Прямо против меня в воде светилось ярко-зеленое пятно. Оно все время колебалось и расплывалось, но не перемещалось.

На месте этого светлого пятна находился водоворот. Вода здесь всасывалась и похожа была на воронку,..

– Уж не выход ли это подземной реки наружу? – подхватил Борис.

– Да, я тоже так думаю, я даже уверен в этом.

– Неужели это правда?..

– Да, мы скоро будем на свободе, на чистом воздухе. Это самое главное. Подземная речка вливается в надземную реку.

– А как же мы с Борисом проберемся через этот водоворот? – прервал его Павлик.

– Вы же оба хорошо плаваете, а нырнуть в воронку и выплыть оттуда очень легко. Подземная река сама вынесет нас на волю и выбросит на берег. Подумать только, – продолжал он, – мы скоро совсем выберемся из нашего подземелья, снова будем жить на солнышке, под голубым небом, ходить по зеленой траве, говорить с живыми людьми, Виталий обвязал веревкой талии мальчиков, обвязал веревку и вокруг своего пояса. Теперь все они были связаны вместе на некотором расстоянии друг от друга.

– Ну, теперь поплывем, – скомандовал Виталий.

Течение, чувствовавшееся в озере по направлению к стоку, подхватило мальчиков. Через минуту все они были в подземной реке, по которой быстро доплыли до зеленого грота. Первым нырнул в воронку Виталий, за ним Павлик а последним Борис. Их мгновенно вынесло на поверхность наземной реки и прибило к песчаной отмели противоположного берега. Они почувствовали дыхание легкого теплого ветерка, открыли глаза и сразу зажмурились, – солнечный свет, от которого отвыкли их глаза, ослепил их.

– Как тепло, наконец-то мы снова на земле, – слабо проговорил Виталий. Силы оставили его, и он заснул. Борис и Павлик последовали его примеру.

На другой день, рано утром, рыбаки, несшие в город свой ночной улов голавлей и щук, увидели странную картину: на песке, у реки, разметавшись, лежали трое спящих ребят. Они были связаны между собой веревкой. У них были включены волосы, исцарапаны руки и лицо, одежда их представляла жалкие лохмотья.

Мальчиков подобрали и отвезли в город.

Подкрепившись и отдохнув, мальчики поделились своими знаниями о подземном мире с Каменскими пионерами и через день уехали по узкоколейной железной дороге в Багаряк, к родителям Виталия.

ЧОРТОВ ПРОВАЛ

Козел «колдуньи» Матрены

Пустынная, каменистая, почти лишенная растительности долина...

Однообразие ее скрашивается многочисленными и живописными впадинами – воронками, полузанесенными землей, скрытыми предательскими кустами и невысокими остроконечными скалами у самых провалов.

Далеко, насколько глаз хватает, уходит эта мрачная равнина на юг и на север.

На западе тянется цепь высоких, мохнатых и зеленых холмов. Один из них вклинивается в долину, и лес широкой бархатной лентой спускается к самому его подножию. На востоке протекает по каменистому дну неглубокая речушка Каменка¹ – одна из многочисленных уральских речек того же названия, – вся в зарослях ивы, малины, смородины, крапивы, хмеля. Недалеко от этой речушки начинаются домики деревни Малой Каменки.

* * *

Наступали тихие летние сумерки. Подул легкий предзакатный ветерок. Солнце уже наполовину скрылось за зубцами потемневших холмов.

Издали доносилось позвякивание ботал на шеях коров, звонкая детская песня, смех и собачий лай.

Из лесу показались коровы и козы. За ними появился и пастух Зосимыч, сутулый морщинистый старик, с белыми волосами под черной бараньей шапкой и длинной белой бородой. В руках у него была толстая, узорчатая черемуховая палка посох, как говорят в той местности.

С другого конца леса выбежал, размахивая кнутом и сгоняя разбежавшихся коз, пастушонок Панко. Дырявые штанишки его окаймляла широкая бахрама грязи, рваная, не-определенного цвета рубашонка едва прикрывала его спину. Здоровый румянец разливался по щекам, веселая задорная улыбка не сходила с его загорелого привлекательного личика.

¹ Речушка Каменка впадает в интереснейшую полуподземную р. Ергалыш. Ергалыш – приток р. Ураим, а Ураим впадает в р. Уфу вблизи Нязепетровского завода Челябинской области. Уфа – приток р. Белой. Белая впадает в р. Каму. Какма впадает в р. Волгу.

Мальчику было всего девять лет. Настоящее имя его было Павел, но все звали его Панко.

Дед взглянул на солнце, задумчиво постучал посохом по камню.

– Пора скотину домой гнать, Панко, – сказал он.

– Малышко! – свистнул Панко собаку. Оба – и пастушонок и собака – засуетились, забегали по долине, собирая скот.

Старик Зосимыч, потрясая посохом, погнал вперед красного быка – вожака стада, за ним поспешили коровы и козы. Порядок был установлен, и животные, теснясь и перегоняя друг друга, направились к реке. Только большой лохматый черный козел все норовил удрать из стада.

– Смотри за ним в оба, Панко, – строго сказал дед.

– Я и то смотрю, дедушка.

– Не люблю я его, – продолжал Зосимыч, грозя козлу посохом, – все бежит куда попало, точно дьявол в нем сидит...

– Дьявола нет, дедушка, учительница говорила, – засмеялся шустрый Панко.

– А не твоего это ума дело, внук, – рассердился было дед, но все же продолжал: – Тетка Матрена, хозяйка этой черной животины, считается колдуньей у нас на деревне. Говорят, сглазить человека может, несчастье на него нагнать. Говорят, она даже летает ночью из деревни на Чортов провал. Знаешь, там, в кустах...

Пастухи, беседуя, следовали за стадом, направляясь к реке. Некоторые коровы уже вошли в воду, жадно приникли к ее холодным струям. Козы следовали за ними. И вдруг, совсем неожиданно и для пастухов и для собаки, черный козел с быстротой молнии метнулся в сторону и огромными скачками помчался обратно в долину.

– Опять черный убежал, – проговорил, растерявшись, Панко.

Раздался оглушительный лай, и вдогонку за козлом бросился Малышко.

– Держи, лови его, Малышко, – закричал дед, – а ты, Панко, беги ему наперерез.

Козел летел, как пуля, перескакивал, как мяч, с камня на камень. Нечего и думать было его догнать.

Животное бежало к густым зарослям кустарника, в которых скрывался Чортов провал, тот самый, о котором рассказывал дед и который пользовался „дурной славой“ среди окрестного населения.

Вот козел вскочил на большую каменную глыбу, на мгновение остановился, высоко подняв свою уродливую голову и потрясая длинной бородой, словно поддразнивая своих преследователей. Затем он спрыгнул с камня и исчез в кустах.

Собака юркнула за ним... За ней пробрался в кусты и мальчик. Он оглянулся вокруг. Козла нигде не было. А на самом краю пропасти надрылся от лая Малышко.

Мальчик заглянул в провал. Козел, стоя на одном из выступов, преспокойно пасся.

Панко никогда раньше не бывал на этом месте, боялся его. Теперь он подошел поближе, раздвинул ветки шиповника и заглянул в самую глубину.

Перед ним зияла огромная черная дыра в бездну, из которой веяло холодом и сыростью. По краям провала виднелись каменистые уступы и довольно широкие площадки, поросшие кустарником. Понижение стены были совсем гладкие и голые.

Снизу, из тьмы, слышался какой-то шум, точно гул далеких голосов.

Козел вскочил на большую каменную глыбу

Панко вспомнил рассказы деда и ответил глаза от страшной дыры. Махнув кнутом на козла и видя, что тот не обращает на него ни малейшего внимания, мальчик поспешил к деду.

– Перегоним сначала все стадо через реку, – решил Зосимыч, – да подгоним к деревне. Там коровы уже сами дорогу домой найдут, а коз хозяйки встретят. А тогда и за черным козлом пойдём.

Промолчали.

– Кто в яму полезет?

Вперед выступил Федор, молодой парень, лет двадцати.

– Я полезу.

Федора обвязали вокруг пояса толстой веревкой, в руки дали зажженную сосновую головешку. Он спрыгнул на ту же площадку, откуда упал Панко, и вскоре скрылся в провале.

Длинный канат почти весь был размотан, но все еще оставался натянутым. Очевидно, провал был очень глубокий, и Федор еще не достиг дна. Но вот канат слабо задергался, откуда-то из глубины раздался заглушенный крик.

Мужчины стали постепенно вытаскивать веревку. На краю провала появился Федор, страшно бледный, с расширенными глазами. Он смотрел перед собой, но точно ничего не видел, никого не узнавал.

– Федор, Федор, – тормошил его, что, видел Панка, жив он?..

Федор только бессмысленно таращил глаза и молчал.

– Нет Панка там, – наконец, хрипло ответил он. – Дьявол там внизу, весь красный, в крови. Красный дьявол.

Пещера у Грязного ручья

Километрах в пятнадцати от деревни Малой Каменки находилась деревня Большая Каменка. Кругом деревни – лесистые холмы, а на них тьма грибов и ягод.

По грибы и ягоды здесь не ходят, а ездят. Когда наступает грибной и ягодный сезон, крестьяне собираются артелями, запасаются пищей, берут необходимую посуду бочки и ведра для воды и... уезжают далеко в холмы километров за 15-20 от деревни.

Там находят они подходящее место, где-либо у реки или ручейка, разбивают табор и остаются на все время пока в лесу много ягод и грибов. Целыми днями ягодники и грибники за работой.

Ходят, собирают ягоды, приносят в табор, обедают, пьют чай и снова в лес.

Через день подводы-увозят весь их сбор в ближайший город.

С одной из ягодных артелей поехал в этот год гостивший у учителя Каменской школы студент Горский.

Все было ново, интересно, необычно для приезжего студента. Его приводили в неподдельный восторг и нескончаемые пестрые ковры ягодника, и густые пряные запахи маличника и смородинника, перевитого хмелем, заросшего крапивой в человеческий рост, и крупные ягоды костяники, точно огромные ярко-красные бусы, рассыпанные по склонам холмов.

Нов и необычен был для него и самый сбор ягод: в огромные туеса, ростом с пятилетнего ребенка, и не руками, как всюду, а своеобразным «уральским» способом – при помощи особых деревянных решетчатых совков, срывавших сразу не менее горсти ягод.

Горский уходил сначала из табора только с ягодниками, потом, познакомившись с окрестностями, целые дни бродил один, то осматривая

причудливые скалы, там и сям вздымавшиеся среди леса, то собирая для коллекции растения и камни.

Как-то, бродя по холмам, Горский услышал шорох и треск сучьев. Догадался, что это убегает от него какое-то животное. Перед ним в зарослях папоротника промелькнула неуклюжая мохнатая фигура, в которой можно было узнать медвежонка.

Студенту захотелось получше рассмотреть животное, и он решил во что бы то ни стало догнать его. Медвежонок помчался прочь, но Горскому удалось не выпускать его из виду.

Впереди вилась узкая, едва заметная тропинка, протоптанная, вероятно, животными. По ней и бросился медведь. Горский – за ним. Тропинка исчезла в кустах. Медведь проскользнул туда, за ним почти ползком пролез и студент.

Перед ним была маленькая полянка, вся в жидкой грязи, с многочисленными следами ног животных. В конце у самой подошвы невысокой скалистой горы, было полукруглое отверстие пещеры. У входа в нее лежал огромные глыбы камней. Из-под них струился маленький ручеек.

Медведь мог скрыться только в пещере. Так решил студент и зашлепал по грязи к темной дыре пещеры.

Он вошел в нее и осмотрелся. Это была большая комната с полукруглым сводом, красивыми, словно покрытыми искусной резьбой, стенами.

Из этого грота шло много коридоров, которые вели в новые гроты, но в них уже была абсолютная тьма.

Спичек у Горского не было, и он поспешил обратно, твердо решив тщательно осмотреть пещеру в ближайшие же дни.

Вечером, сидя с ягодниками перед котелком с грибной похлебкой, студент рассказал им о своем необычайном открытии.

Рассказ его произвел неожиданное впечатление.

– Это пещера у Грязного ручья, – сказал один из слушателей.

Все переглянулись и замолчали. Тогда заговорил один пожилой ягодник:

– Давно знаем мы про это место. Деды и прадеды наши знали его. Место это страшное.

– Почему страшное?

– Так еще прадеды наши считали... Кто ни входил в пещеру, не выходил больше.

Студент не стал спорить. Но после ужина он подсад к своему приятелю башкиру Селиму, с которым он уже не раз бродил по лесу.

– Пойдем со мной завтра в пещеру, – предлагал Горский.

– Ягод не наберу, если с тобой пойду, – отнекивался Селим.

– Там столько ягод, как нигде, – туда ведь никто не ходит. И к тому же мы вместе будем собирать, а не ты один. Пойдем, Селим!

Наконец, ему удалось уломать Селима. Он взял огромную запасную веревку из склада ягодников. К веревке присоединил пять свечей, целую пачку спичек и два куска хлеба.

Утром он, как всегда, двинулся с походным рюкзаком за плечами и флягой с водой.

Когда все занялись ягодами, Горский с Селимом быстро зашагали к пещере.

Горский рассказал Селиму о том, как медвежонок привел его к пещере.

– Много у вас тут медвежат водится? – спросил студент.

– Теперь что, – отвечал Селим, – а вот лет десять тому назад, когда я мальчонкой был, много их в наших лесах было. Как-то ходили мы по малину целой артелью. Помню, долго тогда на малине пробыли. Под вечер, уже уходить пора, – мы с матерью на крупную малину напали, отстали от народа... Вдруг слышим за кустами – шлеп-шлеп, щлеп-щлеп...

«Марфуня, ты?» – позвала мать. Ответа нет. И опять: шлеп-шлеп.

Мать испугалась – «медведь, говорит, идет!»

Схватила меня за руку, с перепугу туес огромный, с ведро, с ягодами опрокинула – и бежать, к народу...

Теперь тут мало высоких деревьев, а тогда много было. А я шустрый мальчишка был. Мать прячется, молитвы шепчет, а я хоть бы что. И все думал: как бы мне медведя увидеть. Только добежали мы до своих, – я мигом на дерево. Вижу: медведь идет, на задние лапы встал, осматривается, опять на четыре опустился, и все нюхает. Дошел до рассыпанных ягод, нюхает. А потом стал есть ягоды...

– А вот и пещера! – объявил студент.

– Давно я здесь не был, – осматривался кругом Селим.

За ствол дерева, росшего почти у самого входа в пещеру, Горский привязал один конец захваченной веревки. Продвигаясь в глубь пещеры, он решил постепенно разматывать ее, а потом, возвращаясь, постепенно сматывать.

На Селима вдруг напал страх, и он забоялся идти в пещеру.

– Никто от туда не выходил, дед говорил, – упрямо повторял он.

– Не выходил, потому что без веревки ходил, заблудился там и с голоду умер. А у нас пища с собой и вода, а главное, веревка.

Набрал целую. Вязанку сосновых сухих веток, чтобы ими освещать путь.

Вошли в первый грот. Студент опять с восторгом осматривал его.

– Видишь, Селим, какие здесь рисунки – ведь это сделала вода. Когда-то, тысячи лет тому назад, здесь протекала огромная подземная река, которая и промыла все эти пещеры.

Зажгли ветку сосны и двинулись по одному из коридоров дальше.

Веревку нес студент, горящую ветку – Селим.

По узкому сырому коридору пришли в новый грот. Новая ветка сосны осветила его.

Стены его были изъедены водой, но здесь были и новые украшения. Не очень длинные, тонкие и прозрачные, как стекло, сосульки свешивались с ее невысокого потолка.

– Лед! – удивился Селим и даже прикоснулся к сосулькам рукой.

– Это не лед, это камень, Селим, – пояснил студент. – Эти сосульки называются сталактитами. Когда-то, очень давно, вода, просачивавшаяся с поверхности земли и насыщенная известью, капала с потолка пещеры. Часть извести оставалась на потолке, кристаллизовалось... Другие капли оставляли еще немного извести – так нарастали вот эти сосульки... На это понадобилось много тысяч лет...

Горский увлекся. Он говорил все, что он знал об образовании пещер, разрушающей и созидающей работе подземных вод. Он видел теперь на этом ярком геологическом примере подтверждение своих теоретических знаний по геологии, и только теперь он вполне понял то, что то казалось ему мало интересным и скучным.

Но он не забывал и о веревке. Из одного грота они переходили в другой, из одних коридоров в другие. Некоторые из них были широкие и высокие, другие узки тесные, приходилось наклоняться, передвигаться ползком.

В одном из гротов студент увидел несколько столбов – это были огромные сталагмиты. И студент прочел целую лекцию об образовании сталагмитов перед ничего не понимавшим Селимом.

– Смотри, Селим, какая красота, а ведь сколько тысячелетий потребовалось для образования такого столба, – говорил восхищенный Горский.

– Домой пора, – вернул его к действительности Селим. – Ветки уже кончаются...

– Нечего, у меня еще пять свечей про запас есть.

– Кушать хочется...

– Вот и отлично. У меня в мешке хлеб есть, сахар и вода в фляге. Хочешь закусить?

– Нет, нет, – испуганно замахал руками Селим, – здесь нельзя. Кушать буду, когда на волю выйдем.

Студент нашел новое интересное образование: две стройные, белоснежные колонны, подпиравшие своды пещеры.

Мысли его переносились в те далекие времена, когда здесь бурлили могучие подземные воды, промывая огромные подземные ходы и лабиринты.

«От них осталось вон то маленькое прозрачное озерко – точно в драгоценной голубой хрустальной вазе лежит оно...»

И вдруг нечеловеческий крик прервал его мысли. Студент вздрогнул, даже выпустил из рук путеводную веревку. Оглянулся на Селима, но в это время свет погас. Горский быстро зажег приготовленную свечу.

Перед ним стоял Селим, бледный, с искаженным лицом. Дрожащими губами он едва выговорил:

– Там, там... – он не мог говорить.

– Что?..

– Лохматый такой... Головище во какая...

– Где он?.. Пойдем туда, – храбрился студент, а сам чувствовал, что и у него мурашки забегали по спине.

– Там, вон в ту дыру голову высовывал...

Студент, сам стыдясь своего страха, решительно зашагал к дыре.

– Не ходи, беда будет, не выйти нам живыми из пещеры, – умолял его Селим.

Но студент уже втиснулся в узкое отверстие нового грота. Он был совсем небольшой, на полу была, грязь и глыбы камня. Посреди его возвышалась груда камней, очевидно, упавших с потолка. Студент осветил свечой весь грот. Ничего и никого нигде не было.

– Все тебе причудилось, Селим, – сказал он. И вдруг, подняв свечу, остолбенел на месте.

На гладкую, точно полированную, стену из белого ангидрита, освещенную свечой, падала тень от груды камней, наваленных посреди пещеры. А над нею ярко вырисовывалась огромная лохматая голова...

Но вдруг голова задергалась, один из камней задвигался и послышалось жалобное урчание молодого медведя:

– У-у-у...

Студент весело расхохотался.

– Селим, скорей на помощь! Дьявола спасать! – закричал он Селиму, стоявшему у входа в гроте.

Очевидно, испугавшись людей, медвежонок бросился прятаться, и обвалившийся камень придавил ему лапу.

Делом одного мгновенья было освободить лохматого пленника.

– Это тот медвежонок, который привел меня к пещере, – сказал студент. – Из-за меня он попал сюда и заблудился, и я его должен спасти.

Медвежонок брыкался и царапался. Но студент не выпускал его из рук.

Селим был очень рад, что, наконец, они идут обратно, и старательно сматывал переданную ему веревку.

Вот впереди уже забрезжил свет.

Подземное путешествие приходило к концу. Медвежонок еще сильнее заерзал в руках студента. Путники ускорили шаги.

Наконец, когда до выхода оставалось уже совсем недалеко, Горский пустил зверя на пол, и тот бомбой вылетел из пещеры.

– Ну, вот и кончилось наше путешествие. И дьявола видали и сами живы остались, – шутил, громко смеясь, Горский.

А пещерное эхо повторяло его смех и делало его похожим на раскаты грома.

И вдруг раздался тихий отдаленный стон. Селим страшно побледнел.

– Да это же человеческий голос, стон. Кто-то заблудился, наверное. Просит о помощи, – сказал студент. – Мы здесь... Люди!.. У нас вода и пища! – заорал он изо всех сил.

Пещера громовым многоголосым эхом повторила его слова. Селим в ужасе ждал, что будет дальше.

– П-и-ть... – раздался слабый далекий голос.

Горский выхватил веревку из рук Селима и бросился, забыв даже зажечь свечу, в темный коридор налево.

– Кто здесь? – кричал он. – Воду несем!..

Селим зажег свечу.

Прошли узкий длинный коридор, из него попали в грот, опять коридор, опять грот.

– Где ты? – кричал студент.

– Здесь, – раздался у его ног слабый детский голос, – пить...

Студент наклонился. Перед ним лежал совершенно истощенный от голода мальчик. Только два огромные осветившиеся глаза говорили о том, что мальчик еще жив.

Студент налил воды из фляги в дорожный стаканчик и поднес к его губам. Он жадно выпил.

– Еще...

– А есть хочешь?

Мальчик едва заметно кивнул головой.

Студент положил ему в рот крошечный кусочек хлеба.

– Идти не можешь, конечно...

Студент взял его на руки и понес. Селим освещал путь.

У пещеры его положил на землю, освежили лицо и голову водой, дали еще хлеба и воды.

Трудно представить себе радость старика Зосимыча в который одного себя винил в гибели внука. Он обнимал внука, Горского, Селима, всех ягодников, даже своего пса Малышка.

– Жив наш Панко, – говорил дед и плакал от радости.

Оказалось, Панко упал прямо на пушистого лохматого черного козла и только немного ушибся. Он очень испугался и плакал, зовя на помощь. Его плач и доносился наверх в виде таинственного гула и стонов. Потом он потерял сознание.

Придя в себя, Панко все ждал помощи сверху, но, не получая ее, пополз в одну из дыр, которых так много было на дне Чортова провала.

Перед ним лежал совершенно истощенный от голода мальчик.

Около трех дней блуждал мальчик по лабиринтам пещеры, пил воду из подземного озера, ел какой-то мох, росший на стенах гротов. Потом обессилел, потерял озеро – и в таком виде услышал он голос и смех студента.

А над Федором, увидевшим в провале красного дьявола, много смеялись да так и прозвали его – Красным Дьяволом.

Спустя несколько лет

Прошли годы.

Бурным вихрем пронеслась революция, миновали тяжелые года гражданской войны.

Настала новая жизнь...

И дедушка Зосимыч и тетка Матрена давно уже нашли себе покой под высокими соснами на тихом деревенском кладбище.

Многое изменилось в жизни деревень, ставших теперь колхозами. По-иному стали жить, по-иному вести хозяйство, по-иному обрабатывать

землю. Только стадо коров и коз колхоза Малой Каменки по-прежнему, по-старому, гоняют все тем же путем в лес, на холмы – через речку Каменку и пустынную каменистую долину.

И вот однажды поутру, когда пастухи гнали колхозные стада, им представилось необычное, невиданное зрелище. Шла странная процессия людей – с мешками за плечами, с топорами, кирками, веревками, веревочными лестницами, ящиками, какими-то непонятными инструментами.

Направилась она прямо к Чортову провалу.

Это была геологическая экспедиция, приехавшая исследовать Чортов провал и подземную пещеру у Грязного ручья.

Во главе экспедиции был геолог Горский, тот самый студент, который когда-то ездил с ягодниками в табор и спас из пещеры пастушонка Панка.

В числе рабочих был и Панко.

Геологические разведки дали интересные результаты. Для колхозников обеих Каменок было интереснее всего то, что на дне Чортова провала найдены были кости черного козла, на которого упал когда-то Панко в провал.

На дне провала оказалась огромная лужа кроваво-красного цвета. В нее и упал черный козел. При свете голо-вешек перепуганному Федору показалось, что лежавший мертвый козел красного цвета. А бесчувственного Панка он с перепугу и совсем не заметил.

Секрет этой кроваво-красной лужи объяснялся очень просто: вода ее была насыщена раствором бурого железняка. В подземных гротах, куда вели коридоры из провала, были найдены богатейшие залежи этой ценной железной руды.

ЗАПИСКИ ТУРИСТОВ**ЧЕРЕЗ ЮРМУ**

Поезд, разбрасывая по ветру клубы дыма, быстро идет под уклон.

Сквозь замершие окна слабо пробивается свет последних фонарей Челябинска.

Мерно постукивают колеса. И с каждым новым километром, с каждым новым разъездом, все ближе дремучие леса и красивые горы Южного Урала...

До Кыштыма осталось 95 километров.

– Часа в два ночи будем там, – перекладывая лыжи, говорит Николай.

– А утром Карабаш смотреть пойдем, – добавляет Иван. – Только к поезду узкоколейной дороги не опоздать...

– А кто знает: почему Карабаш так называется? – свесившись с полки, спрашивает Сергей. – Ведь «Карабаш» по-башкирски значит «Черная голова».

Все задумываются.

– Может потому, что горы вокруг Карабашского завода ничем не покрыты и имеют какой-то черноватый цвет, – говорит Николай.

– Но почему тогда «Черная голова», а не «Черная гора»? – не успокаивается Сергей.

– А ты, Сережа, откуда знаешь, что «Карабаш» – это «Черная голова»?

– Мне один знакомый переводил.

– А «Кыштым» что такое? Ты не спрашивал?

– «Кыштым» – приблизительно, «Тихая погода зимой».

– «А Юрма»?

– А «Юрма» – «Не ходи».

– «Не ходи», говоришь, а мы перевалить ее собираемся.

– Что, Юрму перевалить хотите? – заговорил вдруг мой сосед – седенький старичок, в большой заячьей шапке. – И не думайте... Я сам карабашский. Тридцать лет там живу. И знаю: летом еще кой-кто забирается до «Чертовых ворот», что на вершине горы, а зимой не слышал, чтоб на Юрму лазили... Не слышал.

И, ядовито улыбнувшись, он добавляет:

– К тому же с вами барышня...

– Она не «барышня», отец. Она лыжница, – еле сдерживая смех говорит Сергей. – А почему вершину назвали Чертовыми воротами?

– В старину сказку такую сложили.

– Расскажи, отец, – интересно.

– «Случилось это раз деду одному за дровами на гору: ехать... Стал он рубить ель, смотрит, а перед ним мальчонок вырос. Маленький такой, и на глазах у старика стал расти, расти и превратился в столб. Дед – ух – боевой был и смекалистый, думает: «если столб срубить, он упадет и меня задавит. А дай-ка я топором его в голову...»

«Хватился, а топора-то след простыл. Унес, значит, нечистый.

«Испугался старик (куда он без топора-то?), скорей на лошадь. А тут ветер поднялся, камни сверху сыплются, темно.

Кое-как выбрался на дорогу и домой...

«С тех пор только охотники и ходят на Юрму – шайтану не жалко. Сохатого бьют, Медведя, куницу, а попробуй ель свалить или камень с места столкнуть, он тебе покажет...»

Старик замолчал, а Сергей сказал, улыбнувшись:

– На Юрму мы, дедушка, сходим, непременно сходим Старик не отвечал...

Поговорив еще немного о предстоящем путешествии ребята разошлись по местам. И вскоре только постукивание колес да скрип вагона нарушали тишину купе.

В Кыштыме, после теплого, уютного вагона, резкий северный ветер неприятно забирается под одежду, холодными струйками ползет за ворот, в рукава...

– Ничего себе «Тихая погода зимой», – ворчит Николай, распуская уши шлема...

Не выходя из станционного двора, двинулись по крайней левой линии к вокзалу узкоколейной дороги Кыштым – Карабаш.

И через несколько часов маленький поезд увозит нас в горы.

Прямая, как стрела, дорога пересекает леса, болота и сверкающие снегом долины.

Вот поезд идет по берегу озера.

У самой насыпи качаются прошлогодние камыши, а дальше все снег и снег.

Ровной пеленой он лежит по всему озеру. Только вдали чуть синее противоположный берег. Горизонт широк...

Но вдруг в вагоне быстро темнеет. Поезд проходит между двух гор. И они, закрывая солнце, бегут, то приближаясь к самому полотну, то, отпрянув, уступают место зарослям липы и березняка. А на вершинах, распластав в небе широкие ветки, качаются вековые сосны.

– Сколько леса здесь, – задумчиво смотря в окно, говорит Сергей.

– Да, Сережа, «богат и славен» наш Урал.

– Богат-то, богат, только не «славен», – не соглашается Сергей. – Мало о нем пишут, мало рассказывают. А писать есть о чем. Только подумать: золото, серебро, медь, железо, лес, пушнина – все в нашем «заповеднике» есть.

– Карабаш! Конечно остановка! – прокричал кондуктор, проходя по вагону.

Поезд, замедляя ход, остановился...

Выйдя со станции, поднимаешься на гору. И окутанный дымкой город предстает перед нами. От центра, во все стороны, тянутся нити узкоколейки. Они соединяют отдельные рудники с заводом. Медный колчан – руда, из которой выплавляют медь – поступает с рудников, разбросанных в окрестностях Карабаша, на медеплавильный завод.

Здесь, отсортированная и раздробленная, она загружается в печи.

И вскоре узкой сверкающей струйкой медь льется в ковши.

Но это еще не чистый металл, это полуфабрикат; его отправляют для очистки в Кыштым, на электролитный завод. Там путем электролиза в специальных ваннах получается чистая «электролитная медь», нужная для постройки всякой сложной и ценной машины...

Утром следующего дня, покидая Карабаш, идем на запад по дороге в село Александровское.

Впереди синееет вершина Юрмы.

Лыжи скользят по только что выпавшему снегу. Задумчиво, обступив дорогу, молчит лес. Покрытые снегом ветви клонятся к земле. Стоит нечаянно задеть сосну или березу, как целый столб снега, медленно кружась, осядет на идущих сзади ребят...

Со смехом и шутками уходят километры. И вот мы уже недалеко от барачков лесопромхоза. Здесь дорога раздваивается. Одна огибает Юрму, идет в Александровское; другая, свернув вправо, направляется к барачкам. Идем по второй. Минуя ледянку, – гору по которой спускают лес, – встречаем ручей.

Снег, покрывающий русло, хорошо держит лыжи, защищает от ветра.

Отсюда начнем штурм Юрмы...

Растянувшись цепочкой, идем в ногу, чтобы ровней была лыжня.

Поскрипывают палки, глубоко уходя в снег. И чем выше, тем гуще становится лес. Порою ели, покрытые снегом, образуют непроходимую стену. Они стоят, близко друг к другу, а снег так обволакивает их, что кажется – не лес, а какие-то причудливые конусы – стоят перед тобой. Подъем все труднее.

Лыжи начинают скользить назад, а рюкзаки, ранее казавшиеся легкими, оттягивают плечи.

Но никто не останавливается. Все идут, зная, что вперед еще большой подъем, что дело клонится к вечеру.

Наконец, лес начал редеть, и перед нами открылась вершина горы, окутанная тучами.

До нее метров 500, но подъем здесь настолько крут, что даже «елочкой» забраться нельзя.

– Давайте здесь отдохнем, – предложил кто-то.

Быстро появился костер, и чайник со снегом над ним. Через полчаса мы уже имеем кипяток. Заботливый «повар», улыбаясь, приглашает к «столу», блистающему не плохими «блюдами»...

Закусив и отдохнув, начинаем штурмовать последние укрепления Юрмы. Глубокий снег, осыпаясь, тянет за собой, лыжи часто проваливаются.

Идем «лесенкой», медленно осваивая метр за метром...

Вдруг внизу что-то сухо треснуло...

Все, как по команде, обернулись: Николай, опершись на одну палку и кое-как держась на большом камне, тянется вниз, стараясь поймать что-то рукой...

В напряженном молчании проходят минуты. Но вот от выпрямляется и, подняв руку, показывает обломок палки.

– Эх, ты, – укоризненно качая головой, говорит Лида, – палку сломал. Не мог поосторожнее...

Николай пробует снять лыжи и пойти пешком. Но только не успел он шагнуть, как очутился по пояс в снегу.

– Нет, без лыж здесь утонешь, придется идти с одной палкой, – решают ребята...

Снова стихают разговоры, снова упрямо, перебирая лыжами, поднимаются ребята к уже близкой вершине.

Временами налетает ветер. Он рвет полы теплушек, забрасывает снегом. Ледяным языком лижет лицо. Часто то один, то другой из ребят останавливаясь, трет побелевшие щеки, нос. А ветер все крепчает. Поднимая вихри снега, он несет их, быстро засыпая след, сделанный минуту назад. Идти приходится в разброд. И как это часто бывает, когда силы уже истощились и казалось, что мы никогда не доберемся, мы оказались на вершине. Две скалы, поднимаясь в серое небо, стерегут ее. Это «Чортовы ворота». Спасаясь от бури, торопимся перевалить их и спуститься с горы в Александровское.

Я иду первым. Каменистый скат мешает равномерно продвигаться вперед.

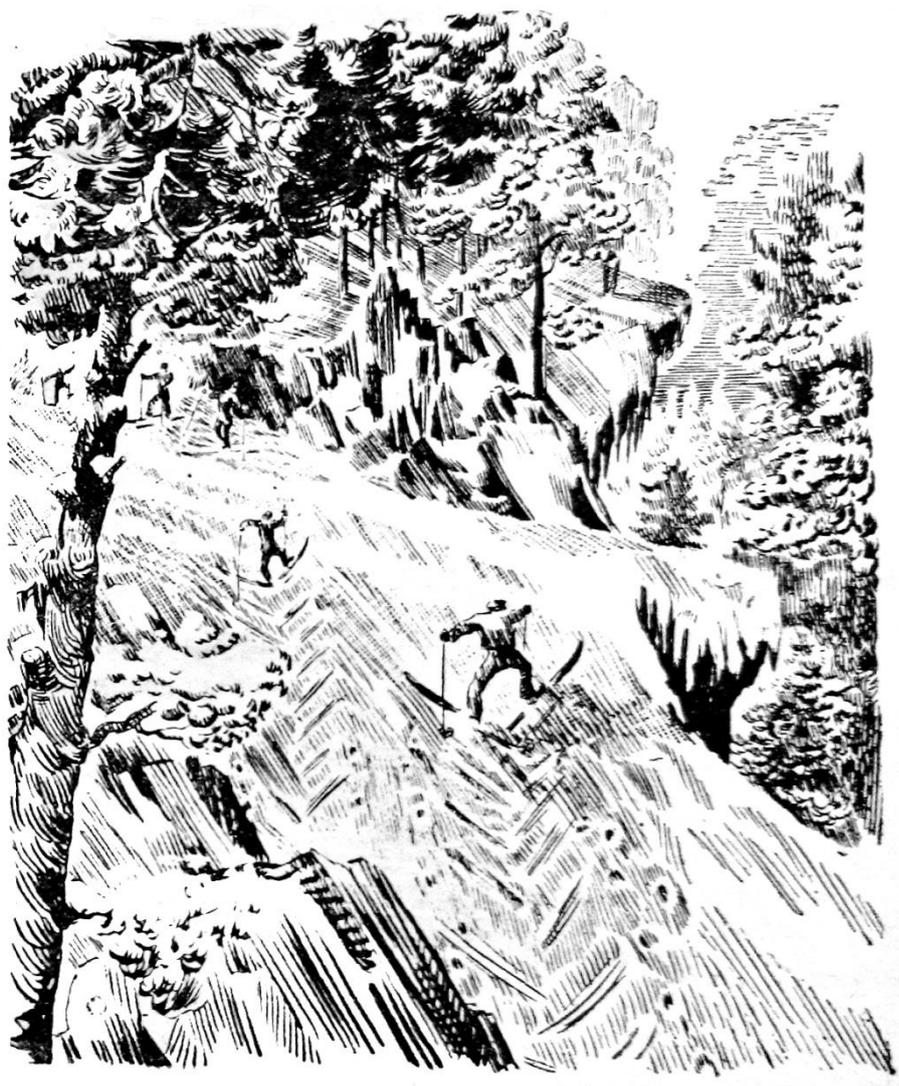
Вот дорогу преградил большой камень. Взобравшись на него, осторожно опускаюсь на правую лыжу.

– Кррр-ак! – раздается треск. И вместе с обломком лыжи я лечу в расщелину.

Лежа в снегу, слышу, как наверху кричат ребята и завывает в трещинах ветер.

Подниматься неохота, но нужно, иначе замерзнешь...

Быстро спустилась ночь. Густой лес снова окружает нас. Дороги нет. Идем по компасу все время на запад. Спуск крутой. Рюкзак гонит вперед, а обломок лыжи тормозит, заставляя падать то на один, то на другой бок.

Идем «лесенкой» медленно осваивая метр за метром.

Быстро спустилась ночь. Густой лес снова окружает нас. Дороги нет. Идем по компасу все время на запад. Спуск крутой. Рюкзак гонит вперед, а обломок лыжи тормозит, заставляя падать то на один, то на другой бок.

Ребята идут чуть впереди. Но как только я начинаю отставать, они останавливаются и ждут. Разбиваться нельзя, потому что две пары светящихся точек, то исчезая за кустами, то вновь появляясь, давно преследуют нас.

– «Нам не страшен серый волк!» – пробует петь Иван, но замерзшие губы не слушаются, а светящиеся точки, на минуту остановившись, снова начинают свой угрожающий бег. Сейчас не до смеха.

– Стреляйте! – предлагает Лида.

Сергей снимает винтовку, но пальцы не гнуться, а темнота скрывает мушку.

– Жги, Коля, спичку, – просит он.

И только вспыхнувшая спичка осветила стрелка, как раздался выстрел.

Сухо треснув, пуля засела где-то в сосну, а «преследователи» скрылись.

– Пусть подождут, когда луна взойдет, я им покажу, – грозит обиженный неудачей Сергей.

– Ладно уж, пойдем, будут они тебя ждать, – ворчит Иван.

Разом закрипели лыжи, пробивая глубокую лыжню. Мерно покачиваясь, темные фигуры пробираются сквозь заросли кустарника, обходят пашни, а леса молча наблюдает эту суровую борьбу людей со снегом.

Проходят часы. Вдруг шедший впереди Сергей радостно кричит: «Дорога!».

– Ога! Ога! – лениво повторяют уснувшие горы.

И сейчас же веселое оживление охватывает лыжников.

– Наконец-то выбрались, – высказывает общую мысль Лида и, потоптавшись на твердом, укатанном полозьями снегу, просит: – Идем скорей, а то у меня ноги ничего не чувствуют.

– А почему раньше не говорила? – с фальшивой серьезностью допрашивает ее Николай.

– Почему?.. Потому, что там все равно быстрее идти нельзя было.

В двенадцать часов ночи мы в Александровском. В первом попавшемся доме останавливаемся ночевать. Хорошая хозяйка кипятит самовар, заботливо оглядывая не званых гостей. Она тоже не верит, что мы перевалили Юрму...

Утром, распростившись с гостеприимным селом, отправляемся дальше.

У меня новые лыжи. У Николая – палки. «Снова можно ломать», – смеются ребята. Дорога теперь лежит прямая, к линии высоковольтной передачи ЧГРЭС, идущей в Златоуст.

Опять бегут веселые километры. Но только впереди не Юрма, а Таганай.

– Этот-то без труда возьмем, – говорят ребята, – он хотя и высок, но не крут.

И вот к четырем часам мы уже на Круглице – одной из вершин Большого Таганая.

На десятки километров открывается горизонт. Кругом горы, лес – снежное сверкающее море. А на юго-западе дымит затерявшийся в складках Снежной пелены Златоуст.

До него не больше 20 километров, но внизу, у самого подножья Таганая, приветливый домик контрольного пункта ЧГРЭС обещает тепло и спокойную ночь.

Зимнее красноватое солнце, поднимаясь из-за гор, несколько минут борется с темнотой; потом, разорвав дымку, освещает снежный пригорок, далекий сосновый лес и деревянный домик.

Неохотно поднимаясь, Николай кричит:

– Эй, путешественники, вставайте!

– Ну, уж и вставайте, – недовольно ворчит Иван, – поспать не дадут...

Сергей взглянул на него и покотился со смеху:

– Ой, Ванек, нос-то, нос у тебя какой!.. Иван ощупывает помороженный вчера нос.

– Я-то виноват, что ли...

Взрыв смеха снова потрясает комнату...

Теперь все проснулись. Быстро помывшись, ребята идут к столу.

Завтрак проходит весело и шумно...

А через час цепочка лыжников, быстро скользя под уклон, подходит к Златоусту... Лыжный переход окончен.

Отсюда домой на поезде. И завтра в Челябинске замкнется пятисоткилометровое кольцо снежного маршрута.

СОДЕРЖАНИЕ

Г.Юз. Тайна Уральских гор.....	3
Н. Куштурм. Восхождение на Таганай.....	77
С. Лялицкая. Подземные робинзоны.....	93
Чортов провал.....	119
В. Мальков. Записки туристов.....	130

Обложка иллюстрации
Худ. В. Челинцевой

*

Редактор Е. Блинова

Тех. редактор М. Пальмин

Корректор Н. Греклв

*

Сдано в набор 26/І-1938 г. подписано к печати 5/V-1938 года.
Огиз. №139. Челябинбллит №1741 от 4/V-1938 года. Индекс Х-2-в.

Формат бумаги 70 x 108 1, 32. Бумажных листов 3.

Печатных листов 6. Учетно-авторских л. 8,85. Тираж 5000.

*

Типография издательства. Облисполкома
«Челябинский рабочий»

*

Цена 2 р. 65 копеек. Переплет 85 коп.

ТРЕБУЙТЕ во всех магазинах
и киосках КОГИЗ'а **КНИГУ:**

Инж. А.В. Лебедев, М.Л. Минкин
Я.Б. Фумбаров, И.Н. Марков

ТРАКТОРНЫЙ ДИЗЕЛЬ «М-17»

КНИГА является коллективным трудом инженеров НАТИ, проделавших все этапы работы в создании серии дизельных моторов для массового производства. В книге даются подробное описание конструкции трактора «Сталинец-65» с дизельным мотором, а также сведения об уходе за ним.

КНИГА предоставляет собой ценное пособие как для курсов по переподготовке трактористов, так и для работников, желающих изучить дизельный трактор. К книге приложен АТЛАС ЧЕРТЕЖЕЙ.